РУССКИЙ
ПУТЬ

ДЕДУШКЕ ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЧУ
ВМЕСТО ЦВЕТОВ НА БЕЗЫМЯННУЮ МОГИЛУ
Внучка Люся

Людмила Флам

ПРАВОВЕД П.Н. ЯКОБИ И ЕГО СЕМЬЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

Второе издание,
исправленное и дополненное

Москва • Русский путь • 2021

УДК 929
ББК 67.3+84(2Рос)6
Ф 70

ISBN 978-5-85887-525-3

Флам, Л.С.

Ф 70 Правовед П.Н. Якоби и его семья: воспоминания. — 2-е изд., испр. и доп. / Людмила Флам. — М. : Русский путь, 2021. — 192 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-525-3

Воспоминания Л.С. Флам, многолетнего сотрудника радиостанции «Голос Америки», руководителя общественного комитета «Книги для России», о своем деде П.Н. Якоби (1877–1941) — юристе, внуке известного физика-изобретателя Б.С. Якоби. Оказавшись после октябрьского переворота в эмиграции в Латвии, Петр Николаевич был заметным общественным деятелем и редактором выходившего в Риге единственного за рубежом русского юридического журнала «Закон и суд». Сразу после вхождения Латвии в состав СССР в 1940 году П.Н. Якоби был арестован, приговорен к 10 годам лагерей и вскоре умер в пересыльном лагере в Котласе.

В воспоминаниях его внучки рассказывается и о других членах этой большой и талантливой семьи: родителях Петра Николаевича, знакомых с П.И. Чайковским (отец, сенатор Н.Б. Якоби, был одноклассником композитора в Училище правоведения), сестрах — свидетельницах революции и Гражданской войны, а также о его многочисленном потомстве, оказавшемся в самом центре оживленной жизни русской интеллигенции в Риге межвоенного периода. История семьи разворачивается на фоне политических событий XX века, разметавших ее по разным странам и континентам мира. Книга иллюстрирована фотографиями и документами из личного архива автора, архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Санкт-петербургского филиала Архива РАН.

УДК 929
ББК 67.3+84(2Рос)6

© Флам Л.С., 2021
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 20121

Выражаю глубокую признательность людям, благодаря которым состоялось издание этой книги: В.А. Москвину, получившему тюремное дело П.Н. Якоби, тем самым давшему толчок для написания книги, его сотрудникам в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына Т.А. Корольковой и И.Е. Розановой, добывшим дополнительные материалы, И.А. Бутурлиной за редкую находку — стихотворение П.Н. Якоби 1917 года, Т.Д. Фейгман за предоставленные сведения и важные поправки, В.А. Синкевич за прочтение рукописи и внесение исправлений в нее, а также моему внимательному редактору Т.А. Малышевой. Нельзя не отметить заслуг покойных Ю.И. Абызова и Д.А. Левицкого за проведенные ими исследования о русских в Прибалтике, в частности касающиеся и семьи Якоби. Вспоминаю обоих с уважением и признательностью. Отдельная благодарность А.Ф. Белоусову и кашинскому краеведу В.А. Никоновой.

И еще — спасибо двоюродному брату Денису Мицкевичу и двоюродной сестре Веронике Доленко не только за то, что они сберегли многое из нашего прошлого: документы, фотографии, мемуары, но и живую память о наших близких.

Автор

О будущность, как для меня страшна ты!..

П.Н. Якоби

I. СОРОКОВОЙ ГОД

В 1940 году в семье поселился страх.

Правда, ко мне в мои девять лет страх пришел не сразу. Сперва было лето, проведенное километрах в тридцати от Риги, в курортном местечке Бальдон (Балдоне), где находился Белый замок, с дореволюционных времен принадлежавший семье Николая Адамовича Мицкевича, мужа маминой старшей сестры. В этом Белом замке, а при нем и в бывшем садовничьем Маленьком домике каждое лето в том или ином составе собирались члены нашей большой семьи.

Белый замок. Бальдон, 1930-е гг. *Личный архив автора*

У деда моего Петра Николаевича Якоби и его жены Сусанны Яковлевны (урожд. Лихачевой) было семеро детей: Коля, Катя, Сусанна, прозванная почему-то Бибой, Маврик, Зина (моя мать), Вера и последняя — Ася. Все они со временем обзавелись кавалерами, мужьями, поклонниками, друзьями, тоже наезжавшими в Бальдон и часто подолгу там гостившими. Бывали годы, когда Белый замок превращался на лето в пансион; становилось еще многолюднее и веселее. Для меня же, не имевшей ни сестер ни братьев, на первом месте был кузен Деня — Денис Мицкевич, двумя годами старше меня; с ним у нас рано установилась нежнейшая дружба. Любила я очень и его сестру Веронику, по прозвищу Гоня, но она была гораздо старше, а потому в наших играх участия не принимала. Иногда появлялся Коленька, сын старшего из братьев Якоби, тогда мы действовали сплоченной тройкой, причем за проступки почему-то влетало мальчикам; они на меня фыркали: «Девчонка!» — но от игр не отстраняли.

Летом 1940 года в результате пакта, заключенного между Гитлером и Сталиным, когда Прибалтика оказалась в руках советского правительства, от прежней жизни в Белом замке, бившей ранее ключом, ничего не осталось. Владельцы замка с моим обожаемым Денисом уже были в занятой немцами половине Польши. Замок стоял пустой, запертый на все ключи. Мама вместе с ее сестрой Бибой привезла меня из Риги и сдала в Маленьком домике на попечение Марты, многие годы служившей у Мицкевичей и ставшей почти членом семьи. Новая власть еще не успела выселить ее из Маленького домика, где мы, дети, обычно спали на чердаке. Теперь меня поселили в отдельной комнате внизу. Мама и тетя Биба провели с нами несколько дней и, озабоченные происходящими событиями, вернулись в Ригу. Я слонялась по опустевшим аллеям, читала Пушкина, грустила и скучала.

В конце июля приехал дедушка Петр Николаевич (Дединька). Был он подавленный, без обычных шуток и смешных рассказов.

Прошло несколько дней. Я околачивалась в саду возле старой яблони, не зная, чем бы заняться. Вдруг — необычное дело: к дому подъехал черный автомобиль. Из него вышли двое и спро-

Последнее лето: Марта, Зинаида, Сусанна (Биба)
на ступеньках Маленького домика. Бальдон, 1940.
Личный архив автора

сили дедушку. То ли Марта, то ли сам он ввел их в дом, оставив меня снаружи. Через некоторое время эти двое вышли вместе с дедушкой из дома и подошли к машине. Я подбежала спросить его, в чем дело. Дедушка ответил, что должен ехать в Ригу «по делам». Перекрестил меня, поцеловал и сел в машину.

Когда меня вернули в город, я узнала, что он арестован. Служащие НКВД доставили дедушку на рижскую квартиру, произвели обыск, опечатали его кабинет и отвезли в тюрьму. А ранее, не успев вернуться из Бальдона, 7 июля была арестована и тетя Биба — Сусанна Петровна, в замужестве Цоппи. Латвия тогда даже еще не была формально присоединена к Советскому Союзу, но органы уже действовали вовсю. Ее арестовали по заранее сфабрикованному чекистами обвинению в принадлежности к Национально-трудовому союзу нового поколения. Насколько мне известно, она никогда в нем не состояла, но согласилась что-то для

него напечатать на пишущей машинке. Одновременно с Бибой по этому же обвинению было арестовано еще несколько человек. Есть основания полагать, что к их аресту была причастна некая журналистка Кира Верховская, проживавшая в Латвии. Дедушка, вспоминала моя мама, очень горевал по дочери: «Как же могли они арестовать такого цыпленка!»

Сусанна Петровна Цоппи (Биба). Рига, 1930-е гг.
Личный архив автора

Вокруг исчезало все больше людей. Дедушка был слишком заметной фигурой, чтобы не обратить на себя внимание органов: видный юрист, соавтор латвийского уголовного кодекса, редактор престижного журнала «Закон и суд», выходившего в Риге с 1929 по 1938 год, сотрудник ежедневной газеты «Сегодня», в прошлом член нескольких русских общественных объединений и автор многих статей, в которых он открыто говорил о своем отрицательном отношении к большевикам и коммунизму. Но была наивная надежда, что волна арестов пройдет. Пусть он пока побудет в деревне из того расчета, что авось до него не доберутся. Даже при новой власти жизнь должна же как-то упорядочиться! Надежда оказалась тщетной.

Уже здесь, в Америке, незадолго до смерти моя мама Зинаида Петровна Чернова (1908–1996), не вставая больше с постели, надиктовала на магнитофон свои воспоминания. Вот об аресте отца:

«Дворник дома сказал: “За что вы уводите такого прекрасного человека? Ведь он замечательный гражданин”. Папину комнату опечатали, а куда увезли папу, мы не знали. В политическом управлении его не оказалось. Следующий ход был идти в тюрьму, где еще был старый порядок, латышский. Там за десять латвийских латов можно было получить справку о заключенном, если человек находился в ней. Проверив по книгам, что Петр Якоби там, деньги приняли. Тогда я пошла домой и стала собирать те-

плую одежду и с ней на следующий день отправилась в тюрьму. Как сейчас помню, я пошла за какую-то перегородку и спрашиваю: “Можно передать вещи?” Чиновник, не поднимая головы, говорит: “Это меня не касается. Надо идти вот в ту комнату к товарищу Озолиньшу”. Я села на стул и стала смотреть, кто туда входит, кто выходит. Когда вышел последний посетитель, я вошла в ту комнату и попросила господина Озолиньша передать отцу эту одежду. А он меня спрашивает: “За что ваш отец арестован?” — “Не знаю, — говорю я, — но я вас очень прошу дать разрешение ему получить теплую одежду; он больной и старый, ему очень важно иметь эту одежду” — и расплакалась. Со мной была одна моя мастерица (у мамы был швейный салон. — *Л.Ф.*), которая ни за что не хотела, чтобы я шла в тюрьму одна: “Шефенька, я тебя одну не отпущу!” И вот она все прыгала вокруг меня, приговаривая: “Шефенька, не плачь, не плачь, Шефенька!” В конце концов он посмотрел на меня еще раз, взял мой пакет и швырнул его на прилавок, велев: “Арестованному Якоби передать”. Когда я в первый раз добилась свидания и увидела папу в тюрьме, он сказал: “Твоя посылка была как бомба, никто не верил, что можно получить передачу”».

Теперь в нашей рижской квартире, где жили папа, мама и я, велись таинственные разговоры взрослых при закрытых дверях. Мне было настрого наказано никому не рассказывать, о том, что происходит в семье. Иногда, когда приходил к нам Бибин муж Альберт, совещания происходили в ванной комнате под шум пущенной из открытого крана воды.

Последующие месяцы были для мамы временем хождения по мукам, столь знакомым семьям репрессированных, добивавшимся свиданий, передач и сведений о судьбе своих близких.

Предполагаю, что в первые месяцы советской власти в главной рижской тюрьме еще не был введен самый строгий режим. Иначе как объяснить, что в начале 1940-х годов у бабушки оказались три стихотворения, написанные дедушкой в тюрьме? Просматривая семейные бумаги, я нашла их, переписанные ее рукой, в письме, посланном дочери Екатерине в Познань. Привожу одно из них:

В ГОСТИНИЦЕ

«А теперь, — сказал тюремный шофер при отвозе нас в центральную тюрьму, — мы познакомим вас с нашей гостиницей».

У нас в гостинице охрана превосходна:
Нас сторожат весь день у запертых дверей.
И кормят нас, признаться, сходно.
Хотя сидим без вилок и ножей.

У нас стекло, шнурки и острые предметы
На благо нам совсем устранены.
Хотя блуждаем мы полуодеты,
Но наши дни зато продлиннены.

По части света мы обставлены изрядно,
И электричество у нас горит всю ночь.
Пускай оно со стороны нарядно,
Но сон от наших вежд бежит с досадой прочь.

Соломенный мешок нам служит жестким ложем,
А толстый войлок — наш спасительный покров;
Достать простынь мы из дому не можем.
Такой режим для нас суров...

Мы подметаем пол. Его в субботу моем:
К приему номер наш всегда вполне готов.
Раз в день гуляем мы, конечно, под конвоем, —
Идем по кругу мы примерно в сто шагов.

Ешь и дыши. Мчат думы вереницей,
Одна другой мрачней; ум, заключенный в сетки,
В неволе мечется... ах, если б вольной птицей
Куда-либо подальше улететь!

Уйти в душистый лес, на вольный берег моря,
К излучинам реки, в затишие полян —
И там забыть печаль людского горя
И душу залечить от нанесенных ран.

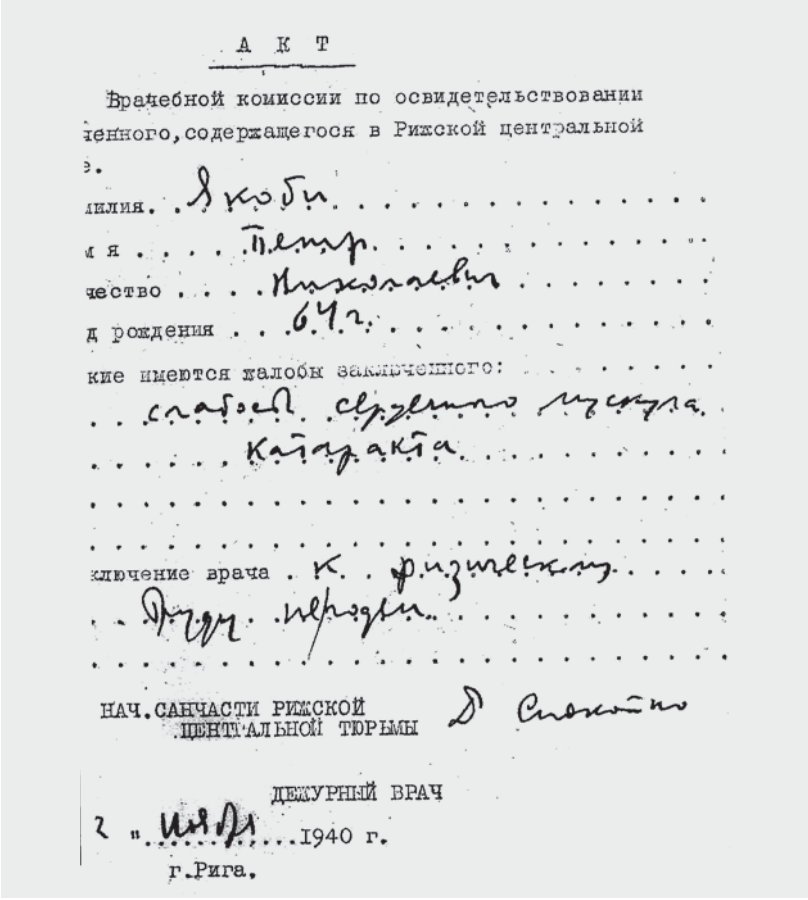
18 декабря того же года начальнику тюрьмы № 1 в городе Риге поступило следующее распоряжение: «Следственно заключенного Якоби П.М. (не удосужились поставить правильные инициалы! — *Л.Ф.*) дальнейшим содержанием под стражей причислите с сего числа за военным трибуналом ПрибОВО (Прибалтийского особого военного округа. — *Л.Ф.*), куда и направлены дела». Под этим подпись военного юриста 2-го ранга Скокова.

Моя энергичная мать продолжала добиваться свиданий. Ее первая встреча со следователем в трибунале прошла так:

«Следователь, нахально посмотрев на меня, сказал: “Вас устраивает, если его на десять лет в исправительно-трудовой лагерь поместят?” У меня горло сжалось от слез, но я решила не плакать перед ним, а только спросила, когда я могу получить следующее свидание. Тогда один из служащих вмешался и сказал, что он видел моего отца и что отец очень хорошо себя держит. На это я ему ответила: “Что мой отец умеет себя хорошо держать, я знаю, а вот как он себя чувствует, этого вам не понять” — и ушла из комнаты. Но поскольку свидания надо было выпрашивать, то пришлось опять туда идти. Следователь, который корчил из себя большую шишку, однажды спросил: “Вы на меня не сердитесь?” На это я ему сказала, что мне не за что на него сердиться; он все равно ничего не может сделать».

Очевидно, такое замечание красивой, хорошо одетой женщины задело его за живое, и мама (неслыханное дело!) добилась пяти свиданий, причем, не только для себя, а также для сестры Веры и для матери. Но в последний момент, уже в самой тюрьме, бабушку к мужу не пустили, дескать, больше чем двоим — нельзя!

Мама вспоминает: «Папа, бедный, держался за штаны, все пуговицы были отрезаны». Он сказал: «Передай маме, что я много причинил ей горя, но я ее очень люблю». И еще он просил спасти его дневники.



А К Т

Врачебной комиссии по освидетельствовании
ченного, содержащегося в Рижской центральной
е.

милия. Якоби

мя Петр

чество Николаевич

д рождения 64 г.

кие имеются жалобы заключенного:

слабость сердечного мускула

катаракта

ключение врача к физическому

труду непригодн

НАЧ. САНЧАСТИ РИЖСКОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ Д Спокойно

ДЕЖУРНЫЙ ВРАЧ

2 " ноября 1940 г.

г. Рига.

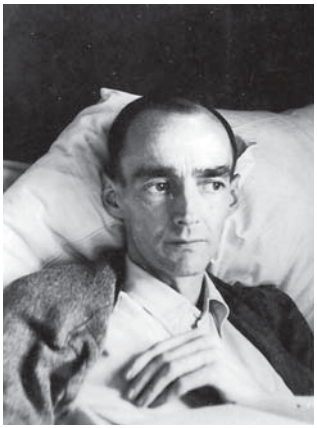
Постановление врачебной комиссии о непригодности П.Н. Якоби к физическому труду. *Личный архив автора*

Это было последним свиданием. В ноябре 1940 года дедушка подвергся освидетельствованию врачебной комиссии, которая признала состояние заключенного Петра Николаевича Якоби «к физическому труду непригодным» из-за слабости сердечного мускула и катаракты. Копия этого акта передо мной. Тем не менее 29 декабря 1940 года дедушка был приговорен Воен-

ным трибуналом по пресловутой 58-й статье к десяти годам исправительно-трудового лагеря с поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией всего личного имущества.

А разговоры при закрытых дверях (подушка на телефоне!) или под шум льющейся воды продолжались. О чем они велись, я могла только догадываться. Позже узнала я, что маме удалось вынести из дедушкиной квартиры чемодан с его дневниками, до которых не добрались при обыске. Но, почитав их, мама испугалась: слишком откровенно высказывал он свои взгляды насчет большевиков! Порешили на случай обыска, чтобы не подвергать семью опасности, дневники уничтожить. Мама затопила печь и с болью в сердце их сожгла.

Главной же темой при закрытых дверях было обсуждение планов, как вызволить из тюрьмы дедушку и Бибу, которую к тому времени уже доставили в Москву, где поместили в Бутырской тюрьме. Один из пунктов пакта Молотова — Риббентропа предусматривал обмен политическими заключенными. Для этого нужно было пробиваться в разные инстанции с доказательством германской принадлежности арестованных. Муж Бибы, Альберт Цоппи, имел достаточно немецких кровей, чтобы и жена его подпала под эту категорию. Он хлопотал за нее без сна и отдыха, нажил себе чахотку, но в конце концов добился ее обмена на какого-то коммуниста, находившегося в немецкой тюрьме. Супруги объединились в Германии. Биба вышла из тюрьмы изменившимся и запуганным человеком. Допросы и месяцы одиночного заключения в Бутырках не прошли даром. Рассказывала, что, боясь сойти с ума, она вспоминала и мысленно пела про себя песни Вертинского. Здоровье мужа ее Альберта оказалось окончательно подорванным, и он вскоре скончался.



Альберт Цоппи незадолго до смерти. Германия, около 1942.
Личный архив автора

Сложнее обстояло дело у дедушки. Правда, мать его Екатерина Карловна Якоби, урожденная фон Ганзен (von Hansen), происходила из обрусевшей немецкой семьи, но этого было мало. Мама вспоминает:

«Я шила тогда платье жене одного немецкого дипломата, которая все время приставала к мужу, чтобы он мне помог. Наконец тот, чертыхнувшись, сказал: “Пусть приходит”. Перед этим я целую ночь готовила папе фальшивый документ. У нас был подержанный секретер, купленный у каких-то немцев. Там в ящике оказались разные старинные бумаги — брачные, погребальные, пустые листы гербовой бумаги... И я смастерила брачное свидетельство, по которому Herr Jakobi венчался в такой-то лютеранской церкви. Собрав также весь папин послужной список, документы учреждений, где он работал, я отправилась к этому немцу. Он стал просматривать бумаги и отбрасывать их как негодные, а когда наткнулся на брачное свидетельство, объявил: “Вот хороший документ”.

Я посмотрела на него и сказала: “Но это единственный фальшивый”. Он подскочил, хлопнул рукой об стол и спросил, кто это

Тюремная фотография П.Н. Якоби.
Рига, 1940.
Личный архив автора

мне сделал. Я, опустив глаза, сказала: “Это — я сама”. — “Восхитительно!” — воскликнул он. Потом подумал и сказал, что попробует помочь папу вызволить. И действительно, в один прекрасный день мама получила письмо от немецкого посла в Москве Шуленбурга, писавшего, чтобы она собирала вещи и была готова сопровождать своего мужа в Германию. Нашей радости не было конца, но всего через несколько дней началась война Германии с Советским Союзом».

К тому времени дедушка находился в Котласе. Мы узнали от одного санитара, присутствовавшего при пересылке заключенных, что когда всем был дан приказ стать на колени, чтобы пересчитать их головы, дедушка единственный остался стоять. По требованию конвоира дедушка назвал себя, а на вопрос, почему не выполняет приказа, ответил, что на колени становится только в церкви, перед Богом. За это он подвергся избиению. Санитар был настолько поражен, что нашел способ сообщить про заключенного Якоби его семье.

Перед взятием Прибалтики немцами бабушка успела получить от мужа две открытки, написанные им от чужого имени. В одной из них он просил прислать ему ваксу для сапог, а в другой написал, что у него все украли — и одежду, и валенки, которыми успела снабдить его моя мама.

Пройдет еще много лет, покуда мы узнаем про допросы, которым он подвергался, про то, как он, всю жизнь служивший правосудию, пытался доказать неправоту суда над ним, а также узнаем наконец время и место его гибели.

II. ПРЕДКИ

Дедушка Петр Николаевич Якоби вошел в мою сознательную жизнь, когда мне было лет пять. Мы жили отдельно, но как-то я ночевала у Якоби на Ленцевой улице (ул. Ленчу), где зимой обитали и Мицкевичи. Помню, утром мы играли с Деней в полутемном коридоре. Там стояло несколько весьма пригодных для игр сундуков, привезенных еще из России. Их долго держали в надежде, что вот падут большевики и можно будет вернуться к себе домой. Когда надежды растаяли, сундуки так и остались стоять, уже по привычке. Вдруг открылась дверь в дедушкин кабинет, служивший ему и спальней, и оттуда вышла испугавшая меня фигура — и дедушка и не дедушка: на лице его была какая-то страшная белая повязка, из под носа до ушей. Оказывается, дедушка шел умываться, не сняв... (новое для меня слово!) *наусники*. Что это за штука, пояснил Денис: дедушка в них спит, чтобы правильно закручивались усы. Вот это да! С тех пор он стал для меня не просто дедушкой, как все дедушки на свете, а неким особенным человеком.

Особенным был и его кабинет — святая святых, оазис в безалаберном и шумном семействе Якобов, как их собирательно называли рижские друзья. Входить туда без спроса запрещено — дедушке нельзя мешать работать! Работа его, как я понимала, отличалась от обычного рода заработков, когда человек рано утром уходит из дому и к ужину возвращается. Его работа странная — он пишет! Оказывается, писал он статьи, рефераты, рецензии, письма и еще — стихи. Количество книг и бумаг в его небольшой комнате было неимоверное. Не удивительно, что пришедшие в сороковом году с обыском так и не добрались до его дневников!

П.Н. Якоби. Рига, 1935. *Личный архив автора*

25 мая 1933 года газета «Сегодня» поместила статью «35-летие общественной и судебной деятельности П.Н. Якоби». Тут же был помещен портрет дедушки, выделенный из фотографии, которая сейчас передо мной (и на обложке этой книги). На ней дедушка сидит возле своего письменного стола (бумаги, бумаги...), при галстуке, в костюме с жилетом; руки держит на коленях, лицо серьезное, глаза смотрят прямо, одна бровь характерно поднята. Здесь ему лет пятьдесят с небольшим, но он уже седой и выглядит гораздо старше. Вся его осанка выражает чувство спокойного достоинства. Трудно поверить, что этот человек открывал русские балы полонезом, лихо танцевал мазурку, был излюбленным дамским партнером и сам не без пристрастия относился к прекрасному полу!

На этом снимке над письменным столом виден герб семьи Якоби в овальной рамке.

Вот история происхождения этого герба.

Дед Петра Николаевича Якоби был известный в России физик-изобретатель Борис Семенович Якоби, носивший первую половину своей жизни имя Мориц-Герман. Его состоятельная семья еврейского происхождения проживала в Берлине, где отец будущего изобретателя был банкиром короля Фридриха Вильгельма III. Родился Мориц-Герман в Потсдаме в 1801 году. У отца его были и другие дети: Тереза, Эдуард, Яков и Карл-Густав, ставший известным математиком. Из них только Мориц переселился в Россию, и то не сразу. По окончании Геттингенского университета с дипломом инженера-архитектора он успешно работал как архитектор-строитель, но настоящее призвание его было связано с физикой, более конкретно — с «электромагнетизмом», то есть электричеством. Переехав в 1834 году в Кенигсберг, он сконструировал один из первых в мире электродвигателей. Вскоре Якоби был приглашен в Дерптский (теперь Тартуский) университет в качестве экстраординарного профессора.

Борис Семенович Якоби. Санкт-Петербург, 1856

В Петербург, с высочайшего одобрения Николая I, он приехал в 1837 году для опытов «по приведению в движение судов» с помощью изобретенного им двигателя. За год до того он женился в Дерпте на Анне Григорьевне Рохановской. По переезде в Петербург он стал Борисом Семеновичем, принял русское подданство и до самой смерти почти не выезжал из столицы. В России его научная деятельность приобрела широкий размах. Список разработанных Якоби изобретений объемист. Им была открыта по тем временам новая область — гальванотехника. Он первый установил техническую возможность электролитического осаждения металлов, назвав свое открытие гальванопластикой. Практическим проведением в жизнь его изобретения занималась

Копія 7

Свидѣтельство.

По Указу Его Императорскаго Величества дано сіе изъ Перваго Департамента С. Петербургской Управы Благочинія бывшему Прусскому подданному Ординарному Академику Императорской Академіи Наукъ, Статскому Совѣтнику Борису Семеновичу Якоби въ томъ, что онъ, согласно изъявленному желанію и на основаніи состоявшагося постановленія, въ Присутствіи Перваго Департамента Управы Благочинія, пастаромъ исповѣдуемой имъ вѣры; на подданство Россіи къ присягѣ приведенъ; вмѣстѣ съ семействомъ его; въ чемъ Первый Департаментъ Управы Благочинія удостовѣряетъ надлежащимъ подписомъ и съ приложеніемъ Казенной печати. Апрѣля 23 дня 1848 года.

Подлинное подписали: Предсѣдатель Арцыбушевъ, Совѣтникъ Пушенъ, Начальникъ отдѣленія Читре за Столоначальника Клименовъ.

№ 17434.

Усего Его Императорскаго Величества 1-го Д-та С.Пбургской Управы благочинія печать. —

Копия свидетельства о приведении к присяге на подданство России Б.С. Якоби и его семьи 23 апреля 1848 г. *Санкт-петербургский филиал Архива РАН*

Б. Арх. М. Н. Пр. за 1847 г. Общ. № 94407 карт. 1331.

Копія

М. Н. П.

ИМПЕРАТОРСКАЯ

С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ

АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

№ 366.

С.Петербургъ

21-го Марта 1847 года.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія Президенту Академіи.

Физико-Математическое Отдѣленіе ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, принимая въ уваженіе ученые труды Экстаординарнаго Академика по части прикладной Математики и Механики Г. Якоби и Адъюнкта по части Астрономіи Г. Петерса, представляло, съ согласія Вашего Сіятельства, Общему Собранію Академіи объ избраніи перваго изъ нихъ въ ординарные Академики по части Технологіи и прикладной Химіи и втораго въ Экстраординарные Академики по части Астрономіи, на основаніи каковаго представленія въ Общемъ Собраніи 6-го сего Марта и было приступлено къ балотировки ихъ въ оказанныя степени. По собраніи голосовъ оказалось что Якоби избранъ 25-ю голосами противу 2-хъ, а Петерса единогласно.

По Отд. № 14/47

94407
1331

Архив АН СССР ф. 187 оп. 296 № 296

Копия уведомления президента Императорской санкт-петербургской академии наук об утверждении Б.С. Якоби в звании ординарного академика. 21 марта 1847 г. *Санкт-петербургский филиал Архива РАН*

специальная мастерская, где при участии Якоби было изготовлено много произведений искусства. Используя медь и золото, мастерская осадила гальваническим путем статуи и барельефы Исаакиевского собора, Эрмитажа, Большого театра в Москве, Зимнего дворца, Петропавловского собора и др. Есть данные, что для позолоты куполов храма Христа Спасителя в Москве, Исаакиевского собора, Петропавловского собора и нескольких других храмов было использовано более 45 пудов золота.

Якоби изобрел реостат, прототип пишущей машинки, приборы для измерения электрического тока, соединил телеграфной линией Зимний и царскосельский дворцы, разработал образец подводной гальванической мины и сконструировал лодку с электродвигателем, испытанную под крики «ура!» на Неве.

В 1840 году Якоби получил за изобретение гальванопластики Демидовскую премию в размере 25 000 рублей. В 1847 году он был избран полноправным членом Академии наук, а на Парижской выставке 1867 года удостоился большой золотой медали и специальной премии.

За многочисленные изобретения и теоретические труды Александр II пожаловал Борису Семеновичу потомственное дворянство. В центре пышно украшенного, как полагается, герба изображена ведущая вверх лестница, а под ней девиз: «Gradatim».

Герб рода Якоби.
Личный архив автора

Не будучи сильной в латыни, я обратилась за разъяснением к моему двоюродному брату Денису Мицкевичу, заслуженному профессору университета Дьюк. Он ответил: «Gradatim буквально значит “постепенно, шаг за шагом”. Моя мама (Екатерина Петровна) говорила, что Николай I застал Бориса Семеновича в его лаборатории, когда тот делал

выговор своему помощнику за какую-то оплошность. Царь поднял кверху палец и улыбаясь промолвил: “Gradatim, magister!” После этого случая наш прапрадед решил изобразить на гербовом щите лестницу и такой девиз».

Как и многие другие иностранцы, особенно те, кто нашел в России применение своим талантам и энергии, Якоби сделался российским патриотом. В силу своей научной деятельности он переписывался с широким кругом ученых других стран, а его печатные труды выходили на французском и немецком языках. Всего им было опубликовано 176 книг, статей и речей. Вот как он сам оценивал свой российский период: «Культурно-историческое значение и развитие наций оцениваются по достоинству того вклада, который каждая из них вносит в общую сокровищницу человеческой мысли и деятельности. Поэтому я обращаюсь с чувством удовлетворенного сознания к своей тридцатисемилетней ученой деятельности, посвященной всецело стране, которую привык считать вторым отечеством, будучи связан с нею не только долгом подданства и тесными узами семьи, но и личным чувством гражданина. Я горжусь этой деятельностью потому, что она, оказавшись плодотворной в общем интересе всего человечества, принесла непосредственную и существенную пользу России» (Кладбища и могилы знаменитостей Санкт-Петербурга: [сайт] // URL: http://funeral-spb.narod.ru/necropols/smolenskoel/tombs/yakobi/yakobi.html).

Несмотря на полученное им признание и щедрую Демидовскую премию, Якоби состояния себе не нажил и вынужден был, предчувствуя близкий конец, обратиться к правительству с просьбой не оставить в нужде его семью.

Борис Семенович Якоби скончался 27 февраля 1874 года. Похоронен на лютеранском Смоленском кладбище. Надгробие его включено в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения, утвержденный постановлением Правительства РФ от 10 июля 2001 года, под № 527 и должно охраняться государством. Но, как я вычитала в интернете, «могила его находится в ужасном состоянии. Среди поваленных крестов и непроходимых зарослей, в болотистом месте у кладбищенско-

го забора непросто отыскать пошатнувшийся черный обелиск» (Там же).

Могила Б.С. Якоби на Смоленском лютеранском кладбище. Санкт-Петербург, 2000-е гг.

У Бориса Семеновича и его жены Анны Григорьевны было семеро детей, пятеро умерли в младенчестве. Выжило двое сыновей: Владимир Борисович (1836–1884) и мой прадед Николай Борисович Якоби (1839–1902). О первом я ничего не знаю, а прадед мой окончил Императорское Училище правоведения, куда попал благодаря дарованному отцу потомственному дворянству, что было необходимым условием для поступления в это престижное учебное заведение. Среди его однокашников, прозванных за их желто-зеленые сюртуки чижиками, многие впоследствии приобрели известность, и не только на юридическом поприще, например, поэт Апухтин и композитор Чайковский, братья которого, близнецы Анатолий и Модест, тоже были выпускниками этого училища. Прадед мой пошел по юридической линии и, продвигаясь по службе, стал обер-прокурором Сената. Женился он на Екатерине Карловне Ганзен, талантливой пианистке, ученице известного пианиста Антона Рубинштейна. Но жене сенатора не пристало выступать с публичными концертами; играла она только в частных домах и у себя, музицируя вместе с мужем, который прекрасно играл на виолончели. Жили они в Царском Селе, где, слышала я в детстве от взрослых, бывал у них и одноклассник прадеда Петр Ильич Чайковский. Их связывала не только школьная дружба, но и музыка.

Говоря об этом, не могу обойти молчанием распространившуюся версию, согласно которой Чайковский умер не от холеры, а покончил с собой, причем в результате «суда чести», совершенного над ним на квартире прокурора Якоби в присутствии

нескольких бывших воспитанников Училища правоведения. Впервые об этом написала Александра Орлова, автор ряда публикаций о русских композиторах. Сперва она опубликовала на Западе несколько статей на эту тему, а в 2001 году в Нью-йоркском издательстве «Слово» вышла ее книга «Чайковский без ретуши».

Книга Орловой построена, как она поясняет в предисловии, на основании материалов, обнаруженных ею во время работы в архиве Дома-музея П.И. Чайковского в Клину, и других ее исследований. А в качестве главного доказательства своей версии она передает содержание одного переданного ей разговора. Об этом разговоре, пишет она, ей сообщил незадолго до своей смерти научный сотрудник Русского музея А.А. Войтов, тоже, хоть и в более позднее время, окончивший Училище правоведения. Со школьных лет он собирал документы по истории этого заведения и обо всех, кто там учился. Юношей Войтов был близок с семьей Якоби, часто гостил у них на праздники и во время каникул. Сенатора Якоби, умершего в 1902 году, тогда уже не было в живых. В 1913 году, когда исполнялось двадцатилетие со дня смерти композитора, Войтов был в предпоследнем классе. Зная его интерес к истории училища, моя прабабушка Екатерина Карловна якобы поведала ему тогда то, что до тех пор обещала мужу хранить в тайне.

Согласно этой версии в 1893 году некий граф Стенбек-Фермор подал через обер-прокурора Сената Николая Борисовича Якоби письмо Александру III с жалобой на Чайковского, за то, что тот проявляет к его племяннику непомерно большое внимание. Что делать с оказавшейся в его руках такой бумагой, адресованной царю? Орлова пишет: «Якоби, оберегая честь своей alma mater, имел основание бояться, что “дело Чайковского”, если таковое будет возбуждено, бросит тень на Училище правоведения. Тем более что уже давно ходили слухи о многих правоведах, страдавших тем же “пороком”, что и композитор... но пока это были лишь слухи, а назревал крупный общественный скандал, коль скоро в нем замешан знаменитый композитор» (Чайковский без ретуши. Нью-Йорк: Слово/Word, 2001. С. 119). Перед тем как дать ход этому

делу, а по возможности вообще его остановить, Якоби пригласил к себе Чайковского и других бывших однокашников на тайное совещание в своем кабинете, по примеру тех «товарищеских судов», которые правоведы устраивали в своем училище без вмешательства воспитателей.

Екатерина Карловна Якоби (урожд. фон Ганзен). Царское Село, 1910-е гг.
Личный архив автора

По словам Екатерины Карловны, судьбоносное совещание в квартире Якоби, находившейся в доме № 11 по улице Колпинской (позже Пушкина), продолжалось часов пять. Сама она будто бы сидела рядом в гостиной и занималась рукоделием. Через плотно закрытую дверь иногда доносились голоса, но слов нельзя было разобрать. Потом открылась дверь, и из нее выскочил Чайковский. Он был очень бледен. Мельком поклонился ей и быстро вышел. Оставшиеся в кабинете еще что-то тихо обсуждали.

Позже, когда все разошлись, Николай Борисович якобы рассказал жене, что на этом «суде чести» было вынесено такое заключение: избежать огласки и скандала, от которого пострадал бы не только сам композитор, но и честь училища, можно только в том случае, если Чайковского не будет в живых. С своей жены Якоби взял клятву хранить эту тайну. Через несколько дней Чайковский скончался, как писали газеты, от холеры. Но, оказывается, симптомы заболевания холерой во многом совпадают с отравлением крысиным ядом. Екатерина Карловна, как пишет Орлова, поделившись с Войтовым этими сведениями, просила его не разглашать их как можно дольше, по крайней мере покуда живы участники совещания правоведов.

Версию Орловой о том, что Чайковский отравился мышьяком в результате учрежденного над ним товарищеского судилища, многие опровергают. Опровергала ее категорически писательница Нина Берберова, опровергал ее и научный сотрудник Йельского университета Александр Познанский, посвятивший много трудов Чайковскому. Но аргументы Орловой взял на вооружение в своей пространной биографии Чайковского английский писатель Антони Холден (*Holden A.* Tchaikovsky: A Biography. New York: Random House, 1995). Проделав некоторые самостоятельные исследования, он оспаривает тезисы Познанского.

После разговора с Войтовым (если таковой действительно состоялся) прабабушка Екатерина Карловна прожила в Царском Селе (ныне г. Пушкин) еще много лет. Ее вместе с двумя дочерьми немцы вывезли во время войны в Германию, где она скончалась в городе Кониц 15 декабря 1942 года. Было ей восемьдесят девять лет.

В нашей семье о драме Чайковского, описанной Орловой, ничего не говорилось. Дедушка Петр Николаевич много писал о Чайковском, в частности, ему принадлежит исследование музыкальных аспектов творчества Чайковского «Исповедь композитора», купленное у него Академией наук СССР, но об обстоятельствах его смерти он не распространялся. Мать моя была еще жива, когда на эту тему появилась первая статья Орловой. Мама ее прочитала и сказала, что ничего подобного она дома не слышала. Больше спросить теперь некого. Одно бесспорно: это была тяжелая драма для композитора, вынужденного всю жизнь скрывать от общества свое врожденное влечение к мужскому полу.

III. ЯКОБИ И ЛИХАЧЕВЫ

Петр Николаевич Якоби, мой дед, родился в Санкт-Петербурге, точнее в Царском Селе, 22 декабря 1876 года по старому стилю; по новому выходит, что он родился годом позже — в 1877 году, как это и значится в его тюремных бумагах.

В семье Николая Борисовича и Екатерины Карловны Петя был вторым ребенком. За полтора года до него, в 1875 году, родилась сестра Анна, а после него — еще две сестры: Анастасия и Елизавета. Первой я никогда не встречала. Знаю, что она была фрейлиной императрицы Александры Федоровны и что вместе с другой фрейлиной, Анной Вырубовой, она была послана собирать сведения о «старце» Распутине. Сделанные ею наблюдения вызвали недовольство императрицы; они шли вразрез с впечатлениями Вырубовой, которая принадлежала к кругу обожательниц Распутина. На этом карьера Анны Николаевны при дворе закончилась, но уцелел подарок императрицы — золотой кулон с двуглавым орлом, перешедший к ее тезке — моей дочери Анне, в замужестве Раевской.

Анна Николаевна была спортивной, состояла членом-соревнователем Союза царскосельских стрелков. Замуж вышла за генерала Дмитрия Карловича Седергольма. (Вот еще один пример обрусевших иностранцев: отец его, генерал-майор Карл Эрикович, был строителем крепости в Керчи и имел другие крупные инженерно-строительные заслуги — по его проектам, в частности, застраивался Гельсингфорс, теперь Хельсинки.) Муж Анны участвовал в Первой мировой войне, удостоился за храбрость многих наград. Во время Гражданской войны воевал на стороне белых в войсках Северного фронта на Мурмане. В марте 1920 года был взят в плен красными, доставлен в Москву, где содержался в Покровском концлагере, и той же весной расстрелян. В тот зло-

П.Н. Якоби с сестрами Анной, Елизаветой, Анастасией. Царское Село, 1895. *Личный архив автора*

получный год умер и десятилетний сын Анны. С сыновьями Дмитрием (он был отсталым ребенком) и Петей она бежала в Финляндию, потом жила во Франции, а милый Петя приезжал в Ригу и подолгу гостил в семье Якоби. После войны жил и работал в Финляндии.

С двумя младшими сестрами деда я познакомилась уже в Нью-Йорке.

Старшая из них, Анастасия Николаевна (1882–1973), училась живописи. Замужем была за офицером Георгием Александровичем Армадеровым, тоже воевавшим в Первую мировую войну. У них было двое сыновей — Николай и Георгий. Брак оказался недолгим, и Анастасия Николаевна сама растила детей в Царском Селе, переехав к матери и младшей сестре. В Гражданскую войну Армадеров перешел на сторону красных и сделал в советское время блестящую военную карьеру, дослужившись до чина генерал-майора. Но в ноябре 1941 года он был арестован, десять лет находился под следствием, в 1951 году был приговорен к 25 годам заключения. После смерти Сталина, с подорванным здоровьем, был освобожден и в 1956 году умер. Анастасия Николаевна никогда о нем не говорила, зато о мальчиках своих вспоминала с любовью. По сведениям доцента кафедры детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств А.Ф. Белоусова, у Николая (1913–1975) от брака с Ольгой Александровной (урожд. Бочановской) остались две дочери — Марина и Ирина. Учитывая, каким глухим был железный занавес, Анастасия Николаевна вряд ли могла знать, что у нее в России появились две внучки. Судьба ее младшего сына, Георгия (Егора), сложилась трагически: родился он в 1916 году, а в 1937-м был арестован и расстрелян под Ленинградом в Левашовской пустоши.

Младшая из детей сенатора Якоби, Елизавета (1885–1974), как и все в этой семье, была очень музыкальна, училась в консерватории по классу пения, а также изучала археологию и историю искусства, получив степень кандидата наук. Замуж не вышла. Была у нее какая-то драма на романтической почве, в результате чего на лице «тети Лизы», когда-то красивой, образовался нервный тик, и стало оно несимметричным. Была она очень энергичной, работала в Царском Селе научным сотрудником в области охраны памятников искусства и старины, а также в Эрмитаже, где в качестве реставратора служила и ее сестра Анастасия. На них обеих лежала забота о матери и двух малолетних мальчиках. В период военного коммунизма они сильно голодали, но и дальнейшая жизнь оказалось нелегкой. Помимо материальных трудностей висела над ними постоянная угроза ареста (дочери сенатора, родственники за границей!), а во время Второй мировой войны сестры и мать их пережили боевые обстрелы и снова голод, еще более страшный.

Попав в Германию, сестры списались с нашей семьей в Риге и только тогда узнали, что брат их сослан в Сибирь. Мать их, моя прабабушка, скончалась до окончания Второй мировой войны, а сестер конец войны застал в Австрии, где они сперва жили на положении бесправных и голодающих беженцев, а потом в доме для престарелых «Бюргельгут», устроенном для перемещенных лиц Международной организацией по делам беженцев, существовавшей в основном на американские средства. Там в окружении таких же русских ди-пи (Displaced Persons) они прожили до января 1950 года, когда ими была получена виза на въезд в США.

Сохранилось красиво оформленное прощальное послание насельников дома, обращенное к «глубокоуважаемым Анастасии Николаевне Армадеровой и Елизавете Николаевне Якоби», в котором говорится, что, пребывая в этой «маленькой бюргельгутской семье», они принимали участие в ее общественной жизни, делились своими знаниями и талантами, пели в устроенной там домовой церкви. «Постоянно и неизменно присутствуя на наших скромных субботниках, служащих проявлением нашей духовно-культурной жизни, — говорится в послании, — вы морально поддерживали их участников, разумно реагируя на каждое отдельное выступление».

Под посланием, которое заканчивается пожеланиями успешного переселения за океан, стоит несколько десятков русских подписей.

Переселению сестер помог живший в Америке племянник их по материнской линии Федя, сын русского адмирала Ивана Федоровича Бострема. Замечу кстати, что адмирал Бострем был в России председателем Общества содействия организации мальчиков-разведчиков «Русский скаут», которую возглавил ее основатель, приятель Бострема, Олег Иванович Пантюхов.

Приехав в Америку, сестры поселились в Нью-Йорке. Из своей квартиры в районе Эльмхерст они могли на метро добираться до музеев; музей искусства Метрополитен они изучили досконально. Жили скромно. Их поддерживал материально племянник, и получали они также небольшую социальную помощь от штата. Несмотря на свои скудные средства, они собрали большую библиотеку русских книг, особенно по искусству. (Эти тяжеленные тома хорошо помню: нам пришлось таскать их по лестницам в самую страшную нью-йоркскую жару, когда мы перевозили сестер на новую квартиру в пригород Нью-Йорка Си-Клифф, где жило много русских и где по сей день имеется два православных прихода.) Помимо искусства, сестры живо интересовались всем происходящим в мире. Информацию они получали из нью-йоркской газеты «Новое русское слово», которую выписывали по почте; поэтому волновавшие их события зачастую успевали устареть. Волнения зачастую оказывались напрасными.

О сестрах моего деда тепло написал в своей книге «Нью-йоркский блокнот» художник Сергей Голлербах (вот вам еще один русский патриот из немцев!). По рассказам его матери, дружившей с сестрами Якоби в Царском Селе, про них говорили: «Девушки Якоби ведут себя совершенно неприлично, они не носят корсетов и играют в теннис!» Однако Анастасия Николаевна в некоторых отношениях была неукоснительно старорежимной. Когда вышла на русском языке книга Набокова «Лолита», Анастасия Николаевна сама ее прочитала, но сестре читать запретила: «Она девица»! Впрочем, Елизавета Николаевна (а было ей лет за 70) книгу все-таки прочла. Она доложила мне об этом шепотом, под большим секретом от сестры.

Сестры Анастасия Николаевна Армадерова и Елизавета Николаевна Якоби. Коннектикут, 1950-е гг. *Личный архив автора*

За работу в Эрмитаже сестер называли «эрмитажными старушками», хотя были они еще не слишком старые. Но время брало свое, и постепенно обе сестры стали нуждаться в серьезном уходе. Я жила неподалеку и была в панике — куда бы их поместить, чтобы они не чувствовали себя чужими и брошенными, ведь по-английски они так и не научились говорить! И тут пришло спасение: стараниями Александры Львовны Толстой на ее Толстовской ферме около городка Наяк открылся оборудованный по всем правилам штата Нью-Йорк дом для больных и престарелых. Сестры моего деда оказались одними из первых, кого этот дом принял. Там у них была просторная комната на двоих, с собственной ванной, окна выходили в сад. Обслуживающий пер-

сонал говорил по-русски, и кухня состояла из привычных русских блюд. Рядом находилась и построенная трудами той же Александры Львовны православная церковь. Анастасия и Елизавета Николаевны провели в толстовском центре остаток своих дней. Анастасия Николаевна скончалась 2 декабря 1973 года, а Елизавета, пережив сестру на полтора месяца, — 27 января 1974 года. Похоронены они, как жили, рядышком друг с другом, на кладбище Ново-Дивеевского монастыря к северу от города Нью-Йорк.

После их смерти были обнаружены рукописи Елизаветы Николаевны разных лет, в том числе написанные во время пребывания их в Австрии. Я нашла «Обзор иконописного искусства до середины XVII в.», текст подробной истории архитектуры Царского Села и личные воспоминания 1914–1918-х годов, рисующие картину распада империи.

Когда и где скончалась старшая сестра, Анна Николаевна Седергольм, в точности не знаю. В бумагах Елизаветы я обнаружила письмо, полученное от полковника Олега Ивановича Пантюхова, с которым Якоби дружили в Царском Селе. После Гражданской войны и поражения белых Пантюхов поселился в США. Письмо, написанное им после Пасхи 1953 года, является ответом на известие о смерти старшей сестры: «Можно ли поверить, — пишет он, — что Господь призвал к себе Анну Николаевну, которую мы все так любили». Если она скончалась в 1953 году, то было ей 78 лет. Вероятнее всего, умерла Анна Николаевна в Финляндии, где жил ее сын.

Но вернемся к моему дедушке Петру Николаевичу Якоби. Он пошел по стопам отца, поступив в Императорское Училище правоведения, сформировавшее несколько поколений русских юристов. Когда в 1935 году исполнилось сто лет со времени его основания, в выходившем в Риге журнале «Закон и суд» появился посвященный этому юбилею очерк. Автор очерка И. Полидоров напомнил историю основания Училища правоведения:

«По составлении в 1830 г. Полного собрания законов и в 1832 г. систематического их свода Российское правительство признало, что для правильного отправления правосудия необходимы не только ясные положительные законы, но знающие судьи и законоведы.

В то время бичом общественной жизни было невежественное чиновничество: “о всходы этого крапивного семени жестоко обжигалась трепетная рука просителя”. Необходимо было, особливо в судах, влить свежий приток новых сил — людей воспитанных в духе права и справедливости».

Этой потребности не могли удовлетворить русские университеты, в которых преподавалось в то время римское право. Мысль о создании специального заведения для юридического образования юношества принадлежала принцу Ольденбургскому, женатому на сестре Николая I. «В письме от 26 октября 1934 г., — пишет Полидоров, — принц сообщил о своих предположениях государю императору Николаю I, выразив при этом готовность предоставить все необходимые средства для их осуществления». Царь отнесся к этой идее положительно. Письмо Ольденбургского было препровождено Сперанскому. Вдвоем они выработали устав училища, который 29 мая 1835 года был утвержден в Государственном совете, а уже к концу года состоялось торжественное открытие училища. Впоследствии, как отмечает автор очерка, выпускники училища играли выдающуюся роль не только в проведении законов, но и в их создании, особенно при разработке судебных уставов в период реформ Александра II. Он также ставит на вид, что училище выпускало не узких специалистов, но давало им широкое образование и поощряло любые проявления талантов и природных способностей воспитанников, благодаря чему многие выдвинулись в первые ряды общественных и государственных деятелей, а другие проявили себя в областях, которые ничего общего с юриспруденцией не имели.

Дедушка мой Петр Николаевич окончил училище в 1898 году по первому разряду и сразу поступил на службу в Сенат по соединенному присутствию и общему собранию 1-го кассационного департамента. Затем он служил в Витебском и Петербургском прокурорском надзоре. С 1915 по 1916 год он был прокурором в Рижском окружном суде. Одновременно по высочайшему повелению был прикомандирован к обер-прокуратуре 2-го департамента Сената и поступил в распоряжение военного министра А.А. Поливанова для расследования злоупотреблений, проис-

ходивших в связи с военными заказами в Главном артиллерийском управлении. В это же время в Петрограде выходит популярное «Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений», автором которого был он же. Революция застала дедушку в должности начальника уголовного отделения Министерства юстиции. Таков вкратце его послужной список в дореволюционной России. За свои служебные заслуги дедушка удостоился ордена Св. Владимира и других наград.

На моей бабушке Сусанне Яковлевне Лихачевой он женился на рубеже столетий, когда ей было восемнадцать с небольшим лет; родилась она по старому стилю 20 октября 1881 года в Петербурге.

Об отце ее Якове Ивановиче Лихачеве, родившемся в 1855 году, я знаю сравнительно мало. Наследник старинного рода Лихачевых, был он весьма состоятельный человек и большой чудак. В молодости служил в лейб-гвардии Конном полку и куролесил. Запомнилось из рассказов взрослых несколько его проделок. Прадеду, как офицеру, не подобало обгонять карету государя во время катаний по Невскому проспекту. Поэтому он наряжался в кучерский армяк, садился на облучок и гнал своих рысков во всю нелегкую, обгоняя царя. Влюбившись в мою прабабку, актрису Зинаиду Кронеберг, он скупал билеты в передние ряды партера и раздаривал их своим лысым знакомым, чтобы отбить у нее охоту с ними кокетничать. Настоящее имя актрисы было Зинаида Дмитриевна Карякина. Родилась она в 1854 году. Воспитывалась в Московском театральном училище. Приняв для сцены девичью фамилию своей матери, стала выступать как Кронеберг в качестве артистки балета и драмы в московском Малом театре. Позже, обладая хорошим контральто, попала в состав труппы Большого театра. В 1871 году

Карандашный портрет Зинаиды Дмитриевны Лихачевой (сценический псевдоним Кронеберг). *Архив Кашинского краеведческого музея*

она стала примадонной петербургского Алексадринского театра, где тогда господствовала оперетта. Особо большим успехом Зинаида Кронеберг пользовалась в роли Елены Прекрасной в постановке режиссера Яблочкина.

В 1879 году Зинаида Кронеберг уходит со сцены. Чтобы на ней (актрисе!) жениться, прадед вынужден был выйти в отставку из своего полка. Поселились они в родовом имении Лихачева Устиново Кашинского уезда.

Бабушкино детство сложилось невесело. Когда мать умерла, ей было всего года три, а еще через три года умер отец, вероятно от ожирения, т. к. был легендарно толст. Бабушка и ее сестра, названная в честь матери Зинаидой, остались на попечении опекунов и бездушных строгих гувернанток; мальчики росли в закрытых учебных заведениях. Но это не отразилось на их жизнерадостном характере, и что бы в жизни ни происходило, бабушка никогда не жаловалась на свою судьбу. Когда Зинаиде исполнилось 16 лет, она вышла замуж за своего опекуна Константина Александровича Гольтгоера, генерал-лейтенанта императорской свиты. После революции генералу с детьми удалось попасть в Финляндию, а оставшаяся в советской России Зинаида Яковлевна была арестована и сослана на Соловки, где выжила благодаря тому, что выступала в лагерной театральной труп-

Молодожены Сусанна Яковлевна и Петр Николаевич Якоби. Санкт-Петербург, 1900. *Личный архив автора*

пе, о чем говорится в книге Бориса Ширяева «Неугасимая лампада». В 1937 году была вторично арестована и приговорена к 10 годам лагерей. Сведений, где скончалась, не имеется.

Бабушка окончила в Петербурге гимназию княгини Оболенской, считавшуюся передовой. С дедушкой она познакомилась в Петербурге. Полюбили они друг друга сильно, но бабушкина родня и опекуны воспротивились браку с молодым чиновником, к тому же не старых российских кровей — не чета он богатой невесте старинного дворянского рода, занесенного в Бархатную книгу!

Если отбросить версию, что род Лихачевых ведет свое начало от легендарной Мелюзины, покровительницы французского города Пуату, чей сын якобы попал во Флоренцию, а один из его потомков — в Россию, то перед нами выбор из пяти сценариев возникновения рода Лихачевых на Руси. Согласно первой версии в 1426 году к великому князю Василию Темному выехал из Польши Олег Богуславович Лиховец. По второй версии, прапрадед этого Олега выехал из Флоренции в Польшу, а из Польши к князю Василию Александровичу Невскому и что от него происходят фамилии Лихачевы, Кулебакины и Краевские. В третьей версии возникает некий Франсбек — сын «флорентийского владетеля», который в 1264 году выехал в Польшу. Тут король принял его «с великой честью» и женил на княжне Корецкой. Стал он в Польше прозываться Лиховским, потомок коего Олег Олегович (значит, больше не Богуславович!) выехал в Новгород, принял «греческое» вероисповедание, был назван Андреем, и дано ему было прозвание Лихач. Две другие версии в деталях кое-где расходятся с первыми тремя, кое-где совпадают, но, так или иначе, получается, что родоначальник Лихачевых прибыл в Россию из Польши.

Начиная с XVI века родословная Лихачевых идет упорядоченной непрерывной чередой от отца к сыну. Время от времени появляются интересные фигуры. Так, один из предков, Федор Федорович, в 1613 году принимал участие в Земском соборе и подписании грамоты, утверждающей избрание на престол Михаила Федоровича Романова. Был он и членом Боярской думы, и государственным печатником. К концу жизни принял монашество и

погребен как старец Филарет во Псково-Печерском монастыре, который чтили и щедро одаривали представители рода Лихачевых. Сын его тоже был стольником, как и другие Лихачевы после него, среди них — стольник Василий Богданович. Этот Лихачев ездил в 1658–1659 годах со свитой в 28 человек во Флоренцию с поручением от царя Алексея Михайловича. Там ему «флорентинским дуком» был оказан «ласковый» прием. Поразило его во Флоренции невиданное зрелище: на придворном балу был дан театральный спектакль! В посольском донесении эта «игра» или «комедия» описана Лихачевым в мельчайших подробностях. Вернувшись из посольства в Москву, он еще более подробно расписал сие зрелище царю, и царь дал приказ устроить в Кремле первый в России театр. Согласно энциклопедии Брокгауза и Эфрона составленное им описание путешествия хранилось в Министерстве иностранных дел.

Еще в истории упоминается роль Лихачевых во время стрелецкого бунта, когда они сплотились на стороне царевны Софьи. Дальнейшие Лихачевы сделались преимущественно людьми военными и помещиками, но далеко не все: так, к этому роду принадлежал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев; в родословной его имя значится за номером 217.

Старший сын моего прадеда Лихачева Лев пошел по военной части: окончил Пажеский корпус и поступил в Преображенский полк, второй сын, Иван, рано умер, а третий, Яков, воспитывался в Училище правоведения, причем был он однолетка моего деда, а следовательно, и его одноклассником. Через него-то, должно быть, Сусанна и познакомилась со своим будущим мужем, подружившись и с его сестрами. Компания была дружная и веселая. Душой ее был дедушка. Он сочинял и ставил любительские пьесы, в которых все они пели и играли. Афиша от 9 декабря 1900 года объявляет: «“За час до смерти”, соч. П. Якоби. Лирическая картина. Действие происходит в 1642 г.» Обреченного героя по имени Сен-Марс играет сам автор. На афише изображен узник, томящийся в трагической позе у решетки каземата: плащ, шпага, в безнадежно опущенной руке — шляпа с плюмажем... Очевидно, «лирическая картина» занимала не слишком много

времени, т. к. вторая, сохранившаяся у нас после 113 лет афиша помечена той же датой. Она объявляет о фарсе в двух действиях под названием «Кто первее, тот правее». Действующие лица обозначены такими именами, как Ксенофонт Лукич Пудиков (играет сам П. Якоби с псевдонимом Набезрыбьиракрыбин), Хавронья Сидоровна (А. Якоби как актриса Вампучкина), роль их дочери Голендухи отведена моей будущей бабушке С.Я. Лихачевой, награжденной псевдонимом Фекла Кузьминишна Переносица, а дедушкина сестра Лиза выступает в роли баронессы Шмерц как Лизавета Матвеевна Пуговка... Не буду всех перечислять, но вижу, что участвовал в этом действии также бабушкин брат Яков Лихачев и некто Т.А. Дементьев (Кисточка) в роли банкира. Настоящие имена актеров обозначены чьей-то рукой на обратной стороне афиши.

Судя по датам, этот веселый вечер в декабре 1900 года состоялся вскоре после возвращения Сусанны из-за границы, куда родня отправила ее в надежде, что она образумится и забудет своего правоведа. Сусанна не образумилась, родня смирилась, и молодые обвенчались. К той поре относится стихотворение Петра Якоби «Экстаз»:

Бог сладострастья нас настиг...
В восторге трепетных волнений
Приходит он, блаженный миг,
Миг чар надземных наслаждений.
Клокочет страсть, ища исхода.
Пусть нас зальют лучи восхода.

IV. ЯКОБЯТА

Свое длительное свадебное путешествие молодые совершили по Италии. Неутомимый дедушка хотел все осмотреть, все оббегать, взобраться на все башни и тащил за собой жену, а было ей уже не до того — беременная, ее от всего тошнило. Первенец Николай появился на свет в 1901 году. Через полтора года родилась дочь Екатерина, еще через год — Сусанна. Небольшая передышка, и в 1906 году появляется Маврикий, а два года спустя — они жили тогда в Витебске — 23 апреля 1908 года, на Страстной неделе, в Великий четверг, покуда вся семья была в церкви на Двенадцати Евангелиях, бабушка родила мою мать — Зинаиду. Еще через два года рождается Вера, получившая дома прозвище Ходя за ее слегка монгольские черты лица. Затем пауза в семь лет до рождения последнего ребенка — Анны (Аси).

Много лет спустя, вскоре после окончания Второй мировой войны, мамина сестра Катя (Екатерина Петровна Мицкевич), находясь в Австрии, в альпийском местечке Мондзее, написала поэму «Семь медальонов», посвященную семерке детей Якоби. Вот отрывок из нее:

МЫ

Были мы каста: «Якобы!»
В детстве — орда Якобят.
Мир. И совсем особый
(Всех нас проевший яд!).

В косах ли. С хохликом, с бантом –
Каждый в своей красе.
Каждый сверкал талантом,
И неврастенией — все.

Яркое наше былое —
В вечность ушедший быт.
Жизни лицо молодое
Бережно память хранит.

Так, не терпя шаблонов,
Миру явили нас:
Вкрапленных семь медальонов
В маленький иконостас.

Коля и Маврик. Братья.
Маврик — тот все рисовал.
И (не могла понять я!)
Все-то он с ног начинал —

Быстро, уверенно, метко,
Сразу без всяких вех.
Зина была парфетка
И поучала всех

(А ведь считалась пятой!).
Коля — разбойник был.
Яркий, умом крылатый,
Нас забавлял и бил.

Биба была особью
С пафосом, без проказ.
Вдумчиво, исподлобья
Пара глядела глаз.

Розны, как белый и черный,
Как водоем и волна —
Я была бойкой, мажорной,
Бездны причуд полна.

Верочка, наша шестая —
Странный в семье импорт:
Дар золотого Китая...
(Может быть, след крымских орд?)

Крошкой была о ту пору.
Аси — вовсе нет
В год, опустивший штору,
Ася явилась на свет.

Когда дедушка был переведен из Витебска в Петербург, семья Якоби поселилась в Саперном переулке, недалеко от Преображенской церкви. Уклад их жизни превышал жалованье служащего Министерства юстиции и был бы немыслим без бабушкиного приданого. Воспоминания моей матери, которыми она незадолго до смерти поделилась с магнитофоном, дали мне возможность заглянуть в петербургское детство Якобят. Вот что она записала:

«Одно из ранних моих воспоминаний: мне лет пять. У папы был такой клетчатый матерчатый саквояж, я в него влезала, захлопывала задвижечку и начинала там барахтаться. Чемодан подползал к двери папиного кабинета и толкался об дверь. Папа мне отворял и каждый раз удивлялся, что чемодан сам пришел к нему. Потом он открывал чемодан, я оттуда выпрыгивала, обнимала его, он меня ласкал.

Да, мы с папой очень дружили. Я любила играть его брелочками. У него была золотая цепь для часов, на которой висели брелки, подаренные ему по случаю разных торжеств и наград, среди них даже несколько золотых книжечек, которые можно было листать и читать дарственные надписи.

Он много работал у себя по ночам, а утром шел рано на работу. Занимал он должность товарища прокурора. Папа был очень веселый, любил шутки и остроты... очень музыкальный, играл на виолончели, особенно любил концерты Брамса. Вообще, он был очень “жовиальный”, дамы его обожали.

Мама была совсем другая — верх справедливости, верх терпимости. Она, ее братья и сестра, наша тетя Зина, тоже все были

веселые, придумывали забавные игры. Правда, один брат из-за несчастной любви покончил с собой — младший брат мамы, красавец Гриша. В ту ночь маленький сын тети Зины проснулся с плачем и сказал, что видел дядю Гришу всего красного. В связи с его смертью на квартире Лихачевых случилось следующее: была новогодняя ночь. Вдруг раздался звонок. Лакей пошел открывать дверь. Там никого не оказалось. Тогда он вспомнил, что такой звоночек был в комнате Гриши, которая всегда оставалась запертой на ключ. Там тоже никого не оказалось, а звонок звонил... Решили: это Гриша дает знак, что он присутствует с семьей.

Под маминым руководством было четыре прислуги и вечная кухарка Фекла. На мамин зов она отвечала из соседней комнаты, делая вид, что она очень далеко: "Иду, иду, барыня..." Потом это "иду" становилось все громче, и наконец появлялась круглая как шар Фекла. Было у нее так много детей, что она путалась, перечисляя их, а мужей не было. Жил с нами ее сын Андрейка, которого мама воспитывала как собственного сына, учила грамоте и арифметике, но что-то ничего путного из него не получалось. Фекла управляла кухней, и мы любили туда ходить. Нам нравилось, что она давала нам есть из деревянных ложек и делала для нас жареный лук. Но мама нас оттуда быстро выгоняла.

Петербургская квартира состояла из целой анфилады комнат. Вдоль коридора шел ряд восьми комнат, который кончался замечательным помещением — уборной, она была как целый кабинет, в ней можно было бы жить! Параллельно шел ряд других комнат с приемной и столовой, где стоял большой буфет, а в нем замечательный фарфоровый сервиз, который папин крестный отец принц Ольденбургский подарил ему на свадьбу — темно-синий с золотом. Он расставлялся только в торжественных случаях. В углу висел огромный образ, которым папу и маму благословляли. Этот образ перед самой революцией вдруг свалился со стены, что произвело на всех нас тяжелое впечатление. А в голодные времена мама взяла из-под него свадебные просвирки и нарезала для нас, детей, чтобы мы их съели.

Всем нашим детским царством управлял старший брат Николай, который терпеть не мог свою француженку, учившую его

французскому языку, и передразнивал, как она харкала в платок. Росли мы под командой Коли шумно в довольно либеральной атмосфере нашего дома. Старшая сестра Катя была очень живая и талантливая девочка, вторая Биба (Сусанна) — тихая. Но зато если они ссорились, то поднимался такой гвалт, что мама, почти в истерике, не знала, как их примирить. Драки их, не на жизнь, а на смерть, происходили из-за книг: Катя не позволяла трогать по утрам ее книги неумытыми "сонными" руками. "Ах ты, негодяйка, опять ты трогала мои книги неумытыми руками!" Потом Катю брало раскаянье, она приходила к сестре и говорила: "Прости меня, Биба", а Биба, поджав губы, отвечала: "Не прощу".

Катя, Биба, Шуреха (дочь тети Зины) и кузина Синочка-дядь-Яшина образовали Общество смертушек. Они сшили себе халаты, тушили в комнате свет и предавались каким-то радениям, а нас, младших, изгоняли вон. Потом им эта игра надоела, и они подарили халаты мне и Вере. Правда, Коля и двоюродный брат Саша Гольдгойер (сын тети Зины) решили, что напрасно девочкам подарили халаты, и отобрали их для "мануфактурной фабрики", с тем чтобы продавать материю на аршины. Аршином служил карандаш. Потом они выпустили специальные монеты из какого-то металла, а крупные купюры вырезали из "Нового времени", которое папа читал за утренним кофе. Скоро мы увидали, что они нас страшно обжуливают. Мама отобрала валюту, заявив: "На деньги не позволю играть". Коля, которому было тогда 12 лет, с плачем говорил: "Мама, ты меня разорила!" — и стал рассылать прокламации, чтобы мы за него просили у мамы прощения. Так как нам без этой игры было скучно, то мы отправились всей гурьбой к маме просить вернуть ему деньги и фабрику.

Я больше дружила с братом Мавриком, который тоже придумывал всякие занятия. Маврик с детства был талантливым художником. Как-то он нарисовал картину "Трио Чайковского", на которой оказалось четверо музыкантов. Родители ее обожали. Он придумал игру "Пробуждение Петербурга". Для этого надо было встать очень-очень рано, сесть на подоконник и ждать, когда на улице покажутся первые дворники и чухонки, продаю-

щие молоко. Мне это было не очень интересно, но из уважения к Маврику я сидела и смотрела.

А когда Маврик читал роман Сенкевича “Quo vadis?”, он решил, что надо нарисовать, раскрасить и вырезать из картона всех персонажей книги, начиная с цезаря и кончая последним врагом. Гладиаторы, воины, придворные дамы — все это было нами воспроизведено, и получились они как живые маленькие человечки. Было особенно интересно играть в цирк, где гладиаторы убивали друг друга, а христиан бросали на растерзание львам.

Вдвоем с Мавриком мы играли тоже в театр, а наша общая игра была “в звери”. Игрушечные звери у нас были вместо людей, а их слуг мы делали из тряпок и называли футушками. Когда нам дарили нарядных кукол с колясочками и всем прочим, мы их запихивали в угол и никогда с ними не играли. Мой мишка назывался Топка. Должность у него была санитара. Во время войны ему (и мне!) приходилось тяжко. Война велась между зверями и “киянками” — разрисованными Колей поленьями, вроде страшных индейцев. Бросались кубиками. Я с санитаром Топкой должна была подбирать раненых и сама попадала под обстрел. А снизу присылали от хозяйки дома с просьбой быть потише.

Коля издавал журнал, который выходил регулярно и по почте высылался родителям. Маврик рисовал иллюстрации, меня заставляли писать. Коля приходил и, шмыгнув носом, говорил: “Зинка, садись писать роман”. Ослушаться было нельзя, и я писала романы про зверей».

Родители поощряли таланты своих детей и бережно хранили весь тираж Колиного журнала. Иллюстрированные книжечки прошли долгий беженский путь, а в 1944 году сгорели при ковровой бомбардировке в немецком городе Фрейбург, где едва не погибла и сама бабушка Сусанна Яковлевна.

В доме звучало много музыки; дети брали уроки игры на фортепьяно, а Маврика отец учил играть на виолончели. Мама вспоминает: «Маврика пугали господином Комиссаржевским, который приходил играть с папой. Папа утверждал: если Маврик

будет плохо играть, его посадят в футляр от виолончели и унесут из дому. Маврик смертельно боялся этого Комиссаржевского».

Иногда приходила играть с дедушкой пианистка Фрида Давидовна Левинсон. Она была неравнодушна к дедушке и бисером на красном атласе вышивала для его кабинета абажур. Но чаще за рояль садилась моя бабушка: «Вечером мама играла. / Пышную сдобность рук / Вкусно в рояль погружала. / Мягко ложился звук...» (Е. Мицкевич. «Семь медальонов»).

Когда родители выезжали в театр или в гости, бабушка, носившая дома самые простые платья, «превращалась в королеву». Мама и сестры ее, затаив дыхание, наблюдали за приготовлениями: страусовые перья, завивка волос, драгоценные украшения... В стихах тети Кати:

Облик блестящей дамы
Маму затмил в глазах.
Быстро: «Бинокль... перчатки...
Так». Поцелуй. (Подаю.)
И прошуршит без оглядки.
Долго одна стою...
В спальне прошел душистый,
Трепетный ураган.
Брошен платочек чистый,
Пахнет... Вдохну — «Fleurs des champs»...

Как-то не вяжется этот образ «королевы» с моей собственной памятью о бабушке по Риге: вижу ее сильно располневшую (где былая талия!), в затрапезном платье и фартуке, ноги в мужских туфлях, волосы свернуты жгутом... Стоит у закоптевшей чугунной плиты, стряпает на все семейство и зашедших на огонек гостей. Но поставив на стол огромную миску с макаронами и тушеным рубленным мясом (обычное меню), она с жаром участвовала в общих разговорах и нескончаемых спорах о музыке, литературе, политике, о крестьянском вопросе или о какой-нибудь энциклопедической тонкости. Спорили яро и громко. Кончалось тем, что лезли в энциклопедический словарь, который давал нужные

факты, но не обязательно менял позиции спорящих. Впрочем, это относится к более позднему периоду в Риге, а тогда, в дореволюционном Петербурге, барская жизнь текла своим чередом. Вот еще одно стихотворение из «Семи медальонов» Екатерины Мицкевич:

ГОСТИ

Если съезжались гости —
Бегали их смотреть:
Шубы, цветы, да трости.
Велено: не шуметь.

Раз виноград — опилки,
Если солома — вино.
Блещут ножи и вилки.
Трогать запрещено.

Нежен коралл омара!
Все на крахмальном льну.
Груши с пятном загара
Гонят у нас слюну.

В теплой гостиной жужжало.
Лишних, нас гнали спать:
Здесь, мол, вам быть не пристало.
Утром вели гулять.

Гулять их водили в Таврический сад. Как все прочно упакованные от холода русские дети, Якобята ненавидели шарфы, башлыки и рейтузы, и не любили они гулять с нянькой, делая вид, что шествуют одни. Другое дело, когда сопровождали куда-нибудь мать. Моей маме запомнилась одна поездка за покупками в магазин Гвардейского экономического общества, когда пятеро детей (младших с ними не было) столпились в трамвае и какая-то дама, которой они загораживали проход, с возмущени-

ем сказала: «Боже, сколько детей!» А Коля ей вежливо ответил: «Мадам, это еще не все».

При всем его остроумии, находчивости и несомненных дарованиях у Коли был тяжелый характер. Бабушку мою часто вызывали с жалобами на него в Тенишевское училище, где Коля учился. «Она из-за него плакала, — вспоминает моя мама, — а я лежала в темноте и думала: надо одеться ангелом и прийти его увещевать! Вот бы меня подняли на смех!»

В далекие дореволюционные времена семейство Якоби иногда ездило в именье Лихачевых Устиновку, где собиралось все их детское потомство, а лето обычно проводило в дачном поселке Меррекюль на Финском заливе. Этому предшествовали обстоятельные сборы, описанные мамой:

«В квартире стояли огромные корзинки, куда мама и горничная Феня складывали летнюю одежду для нас, тогда еще только шестерых детей, а также игрушки, мячики, ноты, книжки и кухонную утварь. В комнатах становилось пусто и гулко. После того как сложены вещи, вынесен рояль, свернуты ковры, приходила артель полотеров в разноцветных рубахах и длинных чубах, которые мотались в такт их размашистых ног с надетыми на них щетками. Мы, конечно, подражали им, и полотеры гнали нас прочь, чтобы не путались под ногами. Затем вступала в свои права Феня. Начиналась укладка вещей на подводы, которые тоже были наняты в специальных артелях. Когда уже больше нельзя было впихнуть ни одной корзинки, наверх подводы, осенив себя крестным знамением, вскарабкивалась Феня. Подводы уходили одна за другой, чтобы нас встретить уже на даче, а мы ехали вечером поездом. На даче всё было знакомо: и маленький сад, и обои в цветочках, и наши детские кровати. Мы бежали на пляж и взбирались на огромные валуны. Папа приезжал по субботам и шел пешком из Нарвы. Мы, конечно, бежали его встречать и, увидев его черную пелерину, которая застегивалась на цепочку, с радостным криком обнимали его и волочили к маме. На веранде уже была зажжена керосиновая лампа, вокруг которой летали мотыльки и комары, а после ужина мама с папой музицировали — папа на виолончели, мама на рояле. Конечно, приходили

друзья, начинались шутки и смех, но нам давали команду: “Дети, спать!”»

Летом 1914 года к ним в Меррекюль приехали из Царского Села мать дедушки Екатерина Карловна и две его младшие сестры, Анастасия и Елизавета (Лиза). Лиза, обладательница прекрасного голоса, пела и играла там в любительских спектаклях и с большим энтузиазмом принимала участие во всех молодежных похождениях. Пользуюсь ее воспоминаниями, хранящимися в моем архиве:

«То лето было особенно хорошее и веселое. Собралось много молодежи. Играли в теннис, гуляли компаниями по берегу моря, любовались закатами... По вечерам музыка матери (Екатерины Карловны. — *Л.Ф.*) собирала к нам на балконе и в саду много слушателей. Иногда приезжал гостить товарищ брата, знакомый виолончелист, с какими-нибудь музыкальными для нас новинками вроде сонаты Рахманинова или Брамса... Дышалось легко, беззаботно, молодо... И вдруг — слухи о войне. Все всполошились. Убийство в Сараево эрцгерцога австрийского Фердинанда было как разорвавшаяся бомба».

Шли пересуды и толки: будет война или нет. Становилось все тревожнее. Лиза вспоминает, как внезапно в неурочный день из Красного Села приехали юнкера — вольноопределяющаяся молодежь, получившая высочайший приказ о производстве в офицеры:

«Вчера еще безусые мальчики в гимнастерках, мечтающие о первом офицерском чине, сегодня уже бравые воины, готовые положить свою жизнь за родину. Их отпустили на три дня, затем они должны были явиться в свои полки. Эти три дня прошли в сплошной кутерьме: теннис, прогулки ватагой и вдвоем по любимым местам, пение хором на опушке “русского” леса, заверения, уверения, рукопожатия и вздохи... Мне особенно грустно было расставаться с моим партнером по теннису, новоиспеченным семеновцем, а также с моим верным бальным кавалером, юнкером Николаевского училища, теперь драгуном, который очень лихо откалывал мазурку. Молодежь никогда так не отплясывала, как в последний вечер. Это был последний меррекюльский бал в на-

шей жизни, а для многих из новопроизведенных это был вообще их последний бал — они полегли в первом бою».

По возвращении в Царское наступили тревожные дни. Невеселые были известия с фронта. Убит был командир полка, в котором служил муж старшей сестры. Ему, Дмитрию Карловичу Седергольму, пришлось заменить убитого командира. Его жене Анне Николаевне постоянно звонили жены других офицеров в надежде что-нибудь от нее узнать. Ходили слухи о больших потерях, понесенных всеми царскосельскими стрелковыми полками, но толком никто ничего не знал. Наконец полковая канцелярия получила официальный список погибших под Опатовом.

«Боже, какое это было количество! — вспоминает Лиза и продолжает: — Погиб цвет молодежи. Среди них были и лучшие стрелки, получившие призы на последней Олимпиаде в Швеции. На долю моей сестры выпала страшная обязанность сообщать об их гибели родным... Погиб наш двоюродный брат, еще мальчик, только что выпущенный из училища».

Далее Лиза описывает их погребение:

«Денщики привезли тела. Это был длинный поезд с одними товарными вагонами, украшенными ельником. Состав стоял на запасном пути, недалеко от царскосельской станции. Начальник станции с представителями царскосельского гарнизона распечатывал вагоны. Железнодорожные служащие с шумом открывали двери. Происходил прием “груза”... Каждый гроб стоял в ящике, и при нем большей частью находился денщик, взъерошенный, небритый, усталый, печальный, в помятой шинели. Тут же у некоторых были и вещи убитого. Помню, как одна молодая вдова убивалась, увидев шинель мужа со следами окрашенной кровью земли. На следующий день в полковых церквах происходило отпевание, а потом почти на две версты растянулась похоронная процессия. Только заканчивался траурный кортеж одного полка, как начинался другой. Полк двоюродного брата находился дальше всех от кладбища, и прошло много времени, прежде чем наступил наш черед двигаться. Слава Богу, подобных массовых похорон мне больше не приходилось видеть».

В Царском Селе начали устраивать лазареты. Почти над каждым особняком стал развеваться флаг Красного Креста. По свидетельству Лизы, даже в небольших квартирах хозяева выделяли комнату для нескольких человек с легкими ранениями. Патриотический подъем был всеобщим. Морганатическая супруга великого князя Павла Александровича княгиня Палей (между прочим, родственница моей бабушки Сусанны Яковлевны) предоставила, как писала Лиза, «свои парадные покои для шитья солдатского белья и лазаретных халатов. Все царскоселы имели доступ в ее дворец».

Под покровительством императрицы Александры Федоровны в Царском Селе открылись краткосрочные курсы для сестер милосердия. Сперва на них поступила старшая из дочерей Якоби — Анна, а затем, пожертвовав занятиями музыкой и археологией, поступила на них и Лиза. Главная практика проходила в солдатском хирургическом отделении Дворцового госпиталя у старшего врача княжны Веры Игнатьевны Гедроиц. Во время операций ей помогали две старшие дочери Николая II, Ольга и Татьяна. Младшие княжны, Мария и Анастасия, медицинской помощи раненым не оказывали, но часто приезжали их навещать.

Сохранилась запись Лизы о ее втором дежурстве в лазарете, совпавшем с приездом дочерей царя.

«Они были одни. Их никто не сопровождал. И “ходячие” раненые быстро их обступили: “А у нас новая сестрица!” Посыпались вопросы княжон: давно ли я здесь, откуда? Я сделала поклон и почувствовала себя дура дурой. Но раненые просто на все смотрели, все объяснили: рассказали, что со вчерашнего дня и что я еще “капилляр”. — “Значит, как и мы, еще не присутствовала на операции”, — обрадовались княжны».

Вскоре и Лизу вызвали в операционный зал. У солдата было гнойное заражение раненой руки. При виде крови и от запаха гноя она чуть было не упала в обморок, но пример старших великих княжон, которые спокойно и умело ассистировали доктору Гедроиц, помог преодолеть охватившую ее слабость.

Сама императрица тоже часто присутствовала при операциях и славилась своими умелыми перевязками. Кроме того, импера-

трица одаривала лежавших в лазарете Евангелием, а раненых магометанского вероисповедания — Кораном.

Со старшими княжнами Лиза общалась мало, а с младшими проводила в своей палате довольно много времени. Вспоминая об этом, Лиза писала:

«После обхода палат они часто возвращались в нашу, к большому удовольствию раненых, чтобы поговорить со мной. Они устраивались на табурете, я садилась на постель в ногах какого-нибудь раненого. “Ходячие” нас обступал и слушали, не проронив ни слова. Княжны всем интересовались. Я им рассказывала о своем участии в археологических раскопках, о том особом ощущении, когда начинаешь рыть лопатой курган, потом меняешь лопату на совок и роешь все осторожнее, все медленнее... Когда чувствуешь, что совок задел что-то твердое, бросаешь его в сторону, разрыхляешь землю ножом, руками ее выгребаешь, просеиваешь сквозь пальцы, чтобы случайно не выбросить какой-нибудь крохотный кусочек древности. Наконец попадется первый предмет: “Вы себе не можете представить, ваши высочества, какое это прелестное ощущение, когда держишь в руках какой-нибудь предмет доисторической культуры, будь это всего лишь глиняный черепок с черными волнистыми линиями!” Палата слушала затаив дыхание.

Я рассказывала им о своих занятиях в консерватории, о музыке, о моих любимых композиторах-романтиках, о Вагнере... “Да, — слышала я от княжон, — мама тоже очень любит играть Вагнера. До войны она часто по вечерам играла в четыре руки с Аней (Вырубовой)”. И правда, когда я впоследствии работала в Александровском дворце, я видела на этажерках в угловой гостиной много сочинений Вагнера, партитур его опер для фортепиано и голоса».

Мария и Анастасия вели себя очень непринужденно и сами рассказывали всякие истории из своей жизни во дворце. По воспоминаниям Лизы можно судить, что солдаты искренне радовались приезду царских дочерей, относясь к ним, как и к самой Лизе, с добродушным почтением, и ценили оказываемое им внимание.

В феврале 1917 года все это резко изменилось.

V. РЕВОЛЮЦИЯ

Революция 1917 года положила конец барской жизни семьи Якоби. Как и другие семьи, она оказалась свидетельницей эксцессов разнузданной толпы, грабежей, манифестаций... Начали испытывать нехватку продовольствия. В это самое неподходящее время появилось на свет их последнее дитя — Анна, Асенька. Воспользуюсь опять «Семью медальонами» тети Кати Мицкевич. Тут она вписывает недостающий седьмой «медальон»:

АСЯ

Счастье у Финского моря,
Много тому назад!
Много увидел вскоре
Наш изумленный взгляд.

Как с быстротой молньеносной
Темный прорвался поток.
Низко на лоб начесан,
Сальный надвинулся клок...

Небо красно от тряпок,
Бесов подпольных стряпня,
Море платков да шапок,
Пьяная матросня —

В горло иссякших лавок
Впившиеся хвосты,
Очередей и давок
Нищенские мечты!

В это вот смутное время
Асенька родилась:
Вот он, теперь со всеми,
Маленький иконостас!

Дедушка Петр Николаевич был убежденным монархистом, хотя и считал Николая II слабым царем и не закрывал глаза на недостатки дореволюционного строя в России. Февральскую революцию он встретил отрицательно, однако долг служения России дедушка ставил выше своих политических предпочтений и поэтому оставался при Временном правительстве на своем посту, в должности начальника 2-го Уголовного отделения. Одной из его обязанностей было представление прошений на помилование, поступавших в большом количестве от лиц, осужденных по политическим причинам при царском режиме. Прошения следовало направлять в особую комиссию при Министерстве юстиции. Дедушка принимал непосредственное участие в составлении двух амнистий, от 6 и 17 марта 1917 года, и ему принадлежит труд «Амнистии 1917 года с позднейшими постановлениями Временного правительства», выпущенный в Сенатской типографии в том же 1917 году.

Тем временем положение с пропитанием в столице становилось все более критическим. «Нам и самим уже почти нечего было есть, — вспоминала моя мать, — а мы притащили домой трех умирающих котят, и мама их выкармливала остатками своего молока. Котята все равно померли». Но вот произошел один действительно страшный случай, очень перепугавший мою мать, которой было тогда лет девять. Случилось это у них в Саперном переулке, в доме, принадлежавшем купцам Елисеевым. Об этом она оставила такое свидетельство:

«В нашем дворе жила прислуга купцов Елисеевых. Как-то мама послала зачем-то меня и маленькую Веру к этой прислуге. Мы увидели ее лежащей на полу. Меня поразило, что по лицу ее ползали мухи, а она на них не реагировала и лежала совсем спокойно. Мы побежали домой, рассказали, что видели. Папа сразу же организовал следствие. Приехали сыщики, которые хотели

узнать, как и что было. Я очень испугалась, что и меня начнут расспрашивать, плакала и просила папу меня следователям не показывать! Да, это оказалось убийство: грабители думали, что дома у Елисеева что-то спрятано».

Лизу Якоби, проживавшую с матерью в Царском Селе, революция застала в Петербурге. Ее послали туда за медицинскими припасами для лазарета, а заодно ей выпала радость попасть на оперу «Дон Карлос» с Шаляпиным в главной роли. «Театр был переполнен, — записала она. — Казалось, Шаляпин пел как никогда. Овации продолжались даже после того, как опустили занавес, и только притушенный свет заставил публику наконец двинуться к выходу».

В гардеробной, где ей долго пришлось ждать, чтобы получить свое пальто, она услышала разговор двух офицеров: из-за забастовки перестали ходить трамваи, и к забастовке присоединились рабочие электрической станции. Когда Лиза вышла из театра, кругом была непроницаемая тьма. Фонари не горели. Трамваи не ходили. Извозчиков не было. Валил мокрый снег... «В окнах домов было темно, — вспоминала она, — знакомые улицы казались жуткими».

Ночевала Лиза у знакомых, а на следующий день, 17 февраля, прибежала к ним жена командира запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка с известием, что взбунтовалась учебная команда, застрелила своего начальника и выбросила труп в окно.

А еще через некоторое время кухарка доложила, что «рабочие с фабрик вышли, с Путиловского заводу, говорят, стрелять будут». Потом рабочие стали поджигать полицейские участки. Начались грабежи. Громили винные лавки, били стекла, дрались за добычу бутылками, прикладами, кулаками. Лиза видела, как один пьяный ломовик пил прямо из разбитой бутылки, изо рта у него текла кровь.

Спустя несколько дней Лизе удалось вернуться в Царское Село. Когда она пришла в лазарет, ей сразу бросилось в глаза, что от прежнего порядка ничего не осталось: на крыльце лежал грязными комьями снег, ступени были скользкие, швейцара в

дверях не оказалось, в передней не топлено. Вот дальнейшие выдержки из ее воспоминаний:

Елизавета Николаевна Якоби, автор воспоминаний о революции 1917 г. Нью-Йорк, 1950-е гг.
Личный архив автора

«С полагавшейся нам приветливой улыбкой вошла я в палату. Обычно нас всех встречали спокойные, довольные лица. Солдаты терпеливо относились к своей судьбе; дело тут было не в геройстве, а в том, что каждый чувствовал, что война не личное, а общее дело. Но когда я вошла, никто меня даже не заметил. Палата гудела от злых, возмущенных голосов: все требовали отправки домой, грозили доктору, что выбьют окна, выломают двери, если их не назначат на выписку и не дадут путевок домой. Старшая сестра объявила, что все назначенные на выписку отправятся на комиссию после обеда. Палата несколько успокоилась. Но ненадолго. Принесли обед, все еще обильный благодаря дворцовым запасам. Солдатам уже ничем нельзя было угодить, они подняли возмущенный крик: “Лапша... Не будем мы есть эту мокротину-лапшу! Щей подай, да пожирнее. Ступай вон с твоей лапшой!” — кричали они на дежурного санитара, нерешительно стоявшего с миской в руках. Он исчез. Потом появился с блюдом превосходных мясных котлет. Его обступили и тут же подняли озорной крик: “Каклеты... беззубым старухам подавай каклеты! Мяса давай, цельным куском, чтобы видно было... Чего там в каклеты наложено? Может, кошек повар нарубил... Ребята, вали каклеты в окно!” Соседняя палата отправила лапшу в уборную. Наша — покидала котлеты в окно, но кто-то все же хотел их съесть, и завязалась драка костылями. Солдаты из дружных товарищей превратились в дикую орду. Казалось, в них засела злая сила, они готовы были на любое безобразие себе же во вред, ведь многие были еще серьезно больны. Магическое слово “революция” ран не вылечивало».

Потом был поход в комиссию, до которой некоторые раненые еле дотащились, поддерживаемые сестрами, — машины были реквизированы «на нужды революции». В комиссии все получали «чистую», которую председатель подписывал даже не заглядывая в историю болезни. С такой бумагой можно было отправляться не на фронт, откуда бежали дезертиры, а добираться любым способом к себе по домам.

Подавленная полным развалом дисциплины и отношением оставшихся в палате раненых, их полным безразличием к судьбе арестованных членов царской семьи, вчера еще проявлявших к ним участие, Лиза стала тяготиться работой в лазарете. Окончательное решение уйти из него созрело вскоре.

Первая зима после большевистской революции запомнилась ей как самая голодная и холодная. Сестра Анастасия перебралась с детьми в квартиру матери. Обе сестры работали, напрягая все силы, чтобы прокормить мать и двух малышей, упрашивавших: «Бабинька, дай хлебинька!» К голоду и холоду прибавлялся постоянный страх попасть в Чрезвычайку. И действительно, однажды ночью в дом, над которым еще висел флаг Красного Креста, кто-то стал ломиться с черного хода. Перепуганные женщины, думая, что пришли их арестовывать, наконец решились отворить дверь. Там стоял огромного роста рыжий матрос. Потребовал доктора. Сказали ему, что доктора здесь нет. Увидев Лизу в форме сестры милосердия, матрос приказал ей немедленно ехать с ним.

Схватив шубу и наскоро попрощавшись с матерью — может быть, навсегда, — Лизе пришлось сесть в стоявший у дома автомобиль. Шофер долго вел машину по незнакомым окраинам и остановился, как ей показалось из-за сильного ветра, поблизости от воды. Было очень страшно. Когда вышли из машины, их встретили двое стражников и в кромешной тьме повели Лизу между собой к какому-то строению. Матрос пихнул ногой дверь и пропустил остальных внутрь. Далее из рукописи:

«Кто-то зажег электрический фонарик. Его слабый свет осветил переднюю часть чего-то вроде амбара с земляным полом, на котором что-то было раскидано. “Сестра, умеешь различить живого от мертвого?” — спросил матрос и скользнул лучом фонаря

по тому, что лежало передо мной. Это был весь в крови человек. Я почувствовала, как кровь отлилась от головы, мне стало нехорошо, я вся задрожала. “Намедни сказывали товарищи, что живого закопали. Мы так не хотим. Всё должно быть по порядку”, — сказал матрос. Ноги меня не держали, я не опустилась, а рухнула на колени. “Где рука, чтобы нащупать пульс?” — еле прошептали мои губы. Руки у человека были засунуты за спину. Рыжий скомандовал повернуть тело лицом вниз. Оказалось, руки завязаны. Нашелся у кого-то офицерский кортик, перерезали веревку. Руки так и остались прижатыми друг к другу. Я всё поняла. Мне нестерпимо хотелось плакать: бедные... значит, все здесь такие... Что они должны были вытерпеть?!.

На одном из убитых оказалось обручальное кольцо. “Смотрите, кольцо пропустили”, — сказал один. Рыжий наклонился, попробовал снять кольцо, но пальцы так окостенели, что их нельзя было выпрямить. Матрос принялся ломать палец. Ему подали кортик. Я отвернулась.

Сколько тел там было, не помню, но мне казалось, что весь сарай был наполнен смертью и кровью. Ото всюду несло смертным холодом: от стен, от земляного пола, кровью пропитанного, от матросов, от меня... Помню, были там бородатые и совсем юные. Все — моряки-офицеры, кто в пальто, кто в распахнутой тужурке. У некоторых одежда была разорвана и лица разбиты. У всех — завязанные сзади руки и обнаженные головы».

Взгляд одного из убитых как будто прямо остановился на Лизе.

Убедившись, что живых среди лежавших нет, матрос дал команду принести заступы, а Лизу отправили назад, пригрозив, что сама она окажется здесь, если будет разглашать о виденном. Машина, уже не петляя, быстро доставила Лизу домой, где она, как была в шубе и косынке, упала на диван, сказав только, что больше сестрой милосердия она быть не может.

В эти дни в Петрограде, в семье Петра Николаевича Якоби прочно утвердился голод. Дети начали пухнуть, получая в день по крошечному кусочку хлеба, и больше ничего. Мама вспоминала, как они спускались на животе по периллам лестницы, что-

бы хоть как-то унять чувство голода. Дедушка, покинув то, что оставалось от Министерства юстиции, поступил на службу в Министерство здравоохранения. Рассказывал, что в сумасшедшем доме больные грызли от голода гвозди. В надежде на дополнительный паек он пустился в предпринимательство: открыл кинематограф, называвшийся «Свет и тени». Для него он придумывал дивертисменты антибольшевистского содержания и сам играл на виолончели, а мать его Екатерина Карловна в качестве таперши озвучивала на рояле действие немого фильма. Кинематограф просуществовал недолго, его большевики национализировали одним из первых.

Мама рассказывала, что однажды дедушка был арестован, но через день его отпустили. Своего отношения к власти большевиков он не скрывал. В антологии поэзии Белого движения «Белая лира» (Смоленск: Русич, 2006) помещено где-то опубликованное в декабре 1917 года (где — не сказано) стихотворение Петра Якоби со следующей предпосылкой:

«Чиновники и служащие государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа. Их имена будут отныне публиковаться во всех советских изданиях, и списки врагов народа будут вывешиваться во всех публичных местах...

Воен. Рев. Ком. Всер. Цен. Исп.

Ком. С. Р. и К. Д.»

На это дедушка дает такой ответ:

Я — «враг народа». Да, я — враг
Всего, что низменно, бесчестно,
Того, кому во имя благ
Дружить с предателями лестно.
Я враг тому, кто грабит, жжет,
Кто мать-отчизну продает,
И алчет краденого злата.
Я враг тому, кто нагло лжет,
Кто лицемерит и клевещет,
В тылу насилием живет,

Пред неприятелем трепещет.
Я враг тому, в ком совесть спит,
В ком нет возвышенного чувства,
Кто самосуд толпой чинит,
В ком правды нет, кто чужд искусства,
Враждебен честному труду,
Свободы истинной — препона...
Пусть я объявлен вне закона,
К ним на поклон я не пойду!

После такого выступления следовало бы поскорее уехать из столицы куда-нибудь подальше и в более сытные места, но дедушку не отпускали с работы. Он решил отправить семью одну. Старшему, Коле, было поручено получить для матери и всех ее детей разрешение на выезд. Он стал бегать по разным учреждениям и однажды заявил, что все улажено — можно уезжать! Начались сборы. Бабушка была уверена, что жизнь непременно войдет в нормальное русло, что уезжают на время, скоро вернутся. Поэтому решила запастись только летними вещами и ничего не взяла с собой из своих драгоценностей. Когда были собраны пожитки, дедушка проводил семью на вокзал. Мама запомнила его прощание с женой: «Неизвестно, когда встретимся, Суся, но я постараюсь найти вас...» И дальше из ее воспоминаний:

«В вагоне было душно, были вши. Сразу по белому пальто моей маленькой сестры поползли звери. Коле влетело от мамы за мешок с ночными горшками, которые он выбросил по дороге на вокзал, а они были так нужны! В окна мало что можно было разглядеть. Был поздний вечер. Мама сидела как каменная. Мы ютились возле мамы, еще не сознавая, что уезжаем из России навсегда. И не знали мы тогда, что ехали мы по фальшивым пропускам: Коля сам подделал их на украденных им из какого-то учреждения бланках!»

VI. РИГА

Я никогда не спрашивала маму, почему они отправились именно в Ригу, но полагаю, потому, что в декабре 1915 года дедушка был назначен прокурором рижского окружного суда, пробыв на этой должности чуть менее года, выполняя свою должность наездами, по совместительству с работой в Петербурге. Но от имевшихся у него в Риге связей пользы для семьи было мало.

Из воспоминаний мамы:

«Мы приехали ночью. Был еще полицейский час, и мы не могли выйти в город. На перроне было холодно. Мы мерзли и не знали, где укрыться. Вдруг к маме подошел один железнодорожник и сказал: “Я вижу, ваши дети мерзнут. Зайдите в мою сторожку. Я вас напою чаем”. В сторожке было тепло, горячий чай нас всех согрел. Утром железнодорожник сказал: “Сударыня, вам же некуда идти. Если хотите, я вас отведу к одной моей знакомой. Она сдает комнаты”. Мы пошли с ним и попали к мадам Зеннит, расторопной латышке, которая стала нам поставлять свиную грудинку, из которой мама варила щи и честно делила ребрышки на всех нас.

У мадам Зеннит была дочка, за которой сразу стал ухаживать Коля. По вечерам мы все занимались чем могли: Катя рисовала виды готических церквей на фоне неба с заходящим солнцем. Получались красивые картинки...»

Бабушка моя Сусанна Яковлевна перед отъездом из Петрограда запаслась деньгами, зашив их в лиф. Но деньги эти каким-то образом пропали, и положение семьи было плачевное. Как они продержались, трудно себе представить. Вскоре Коля ушел добровольцем в ополчение, освобождать Ригу от большевиков, а бабушка нашла жену одного сослуживца своего мужа. Та устроила их жить в доме, принадлежавшем ее матери, на улице Дзир-

наву (Мельничной). Вот какие у мамы моей сохранились воспоминания об этой квартире:

«В том доме помещался бордель. Мебели в квартире не было, зато были кровати с сенными матрасами, которые проваливались сквозь железные прутья рамы, но мы прекрасно на них спали. На кухне хозяйничали страшные крысы, и это мы тоже принимали довольно спокойно. Соседом оказался еврей-часовщик, жена которого выручала нас — приносила то яичко, то хлеб. Все это честно делилось на всех».

При всей их нищете появились «нахлебники», например изголодавшийся армянин Адашев, который приходил на гороховый суп, а в одной из комнат поселилась баронесса Фитингоф, прозванная детьми Фитькой. «Она была интересным человеком, занимала маму разговорами. А мы с большим энтузиазмом отплясывали фокстрот, которому нас научила дочь папиного сослуживца, бывшая замужем за американским дипломатом», — вспоминает мама.

В политическом отношении Рига 1918–1919 годов не была богоспасаемым местом. Военные и революционные события тех лет будущую Латвию не обошли. Еще ранее Первая мировая война нанесла этому региону большой урон, тут шли тяжелые бои. 3 сентября 1917 года (по новому стилю) Рига оказалась занята немецкими войсками. В феврале 1918 года в результате сепаратного Брестского мира, заключенного между советской Россией и Германией, вся территория Латвии была оккупирована германскими войсками. 18 ноября 1918 года, через неделю после признания Германией своего поражения в Первой мировой войне, созданный накануне Народный совет из числа представителей всех политических партий (за исключением большевиков и сторонников прогерманской ориентации) провозгласил независимость Латвии, хотя на ее территории еще оставались германские оккупационные войска.

Временное правительство Латвии возглавил Карлис Ульманис, но молодое государство оказалось под двойной угрозой: немецкой и советской. В декабре было заявлено о создании Латвийской Социалистической Советской Республики, прави-

Зинаида Якоби.
Фотография на паспорт.
Рига, 1918.
Личный архив автора

тельство которой возглавил недоброй памяти большевик Петерис Стучка. Опираясь на войска Красной армии, в которой служили и латышские стрелки, он установил новый режим с помощью драконовых законов и террора. С 3 января по 22 мая 1919 года Рига находилась во власти красных.

Именно в этот недолгий период дедушке Петру Николаевичу удалось вырваться из Петрограда: он получил разрешение от комиссара здравоохранения съездить в Ригу, чтобы «вернуть семью в Петроград». Однако вопрос о возвращении отпал сам собой из-за развития политической ситуации в Латвии.

По мере того как правительство Стучки теряло популярность, все больше жителей Латвии склонялись в сторону Ульманиса, обещавшего провести долгожданную аграрную реформу. В то же время на территории Латвии активно действовали части немецкого ландесвера, добровольческие вооруженные формирования из балтийских немцев, стремившиеся сохранить свои привилегии и установить прогерманский режим. 16 апреля 1919 года в Лиепае ими был совершен государственный переворот. Вместо правительства Ульманиса было создано марионеточное правительство во главе с пастором Андриевсом Ниедре. После того как правительство Ульманиса было нейтрализовано, ландесвер начал наступление на Ригу.

Вот запись из «дневника рижанина» П.Н. Якоби, подшитая к его делу и обнаруженная в Риге в архивах НКВД (привожу текст по новой орфографии):

«22 мая 1919 г. произошло историческое событие. В пятом часу утра пополудни (по большевицкому исчислению; по освобождению Риги время сразу же было переставлено на три с половиной часа по среднеевропейскому времени) Соединенные войска антибольшевицких образований во главе с немецкой “Железной ди-

визией” вошли в Ригу. Большевики бежали. По-видимому, началась ликвидация наделавшей столько бед большевицкой авантюры. Падение Риги было неожиданным. Еще утренние газеты трубили победу большевиков, а равно провозглашали отказ немцев от занятия Риги. (В день освобождения Риги от большевиков большевицкая местная газета поместила такие статьи: “Победа близка”, “Отзыв германских войск из Латвии и Литвы” — и т. п., приводя победоносные сообщения красного фронта. См. “Наша правда” 22 мая 1919 г. № III.)

Маврикий Якоби.
Фотография на паспорт.
Рига, 1918.
Личный архив автора

22 мая я, за несколько дней до того вырвавшийся из Петрограда в Ригу, отправился с женой менять русский паспорт на латышский, так как иначе мы не могли получать питание.

Процедура была большая. Пришлось обходить разные учреждения в виде Гильдии, Центральной милиции, участковой полиции (последнюю мы посетили трижды — последний раз в четыре часа пополудни). Все работало как обычно, без тревоги, и настолько уверенно, что мы даже отметили, насколько в Риге работают основательнее и слаженнее, чем в Петербурге. Одно только отличало этот день от других, это — ночная канонада и прилет утром аэроплана, который не раз парил над Ригой и усиленно обстреливал большевиков.

Так как мы живем вблизи вокзала, на котором установлены пулеметы, то нам прекрасно было видно и слышно, как обстреливался аэроплан.

Когда мы пришли с женой в пятом часу пополудни домой, то сосед сказал, чтобы мы посмотрели в окно на бегущих почему-то красноармейцев. Взглянув в окно, я увидел поспешно отступавший обоз. Вскоре по нашей Мельничной улице, со стороны железнодорожного полотна появились отдельно бегущие группы красноармейцев, испуганно озиравшиеся назад».

Сусанна Яковлевна Якоби.
Рига, 1919.
Личный архив автора

В девятом часу по городу потянулись вереницы немецких войск, и дедушка наблюдал, как принарядившиеся горожане приветствовали друг друга и кричали «ура!», входящим войскам.

Машинописная дневниковая запись (вряд ли она была когда-нибудь опубликована) заканчивается следующими рассуждениями дедушки Петра Николаевича:

«Разбираясь в переживаниях этого полного всевозможных впечатлений дня, надо отметить сложность чувств. Радость освобождения от большевицкого ига умерялась сознанием, что Ригу освобождали немцы, а не русские. Это досадливое чувство смягчалось при виде горсточки русских войск (отряда светлейшего князя Ливена. — *Л.Ф.*). Но все же чувствовалось, что Рига теперь откалывается окончательно от тела Российской Державы. Странным казалось, что недавние враги теперь были освободителями.

Вообще, последние годы история стала делать невероятные гримасы. Все же радость освобождения от большевицкой деспотии доминировала над всем. Думаю, впрочем, для нас свержение большевиков в Петербурге переживалась бы острее...»

На первых порах семья так и продолжала жить в квартире на Мельничной улице, № 102. Борьба с крысами тоже продолжалась. Раз Маврик ухитрился изловить за хвост сразу несколько крыс и пошел похвастаться уловом к отцу. Одна из крыс, извернувшись, укусила его. Маврик выпустил хвосты из рук, и крысы разбежались. Отец в сердцах назвал его «самым глупым европейцем в мире»! Выражение это пустило корни в семейной традиции.

Нищета была беспросветная. Дедушка стал работать буфетчиком в русском клубе, а по вечерам, чтобы веселить семью, сочинял шутливые песенки и устраивал детский хор «братьев Зайцевых». Попробовал он также основать собственную газету, но

продержалась газета недолго. Небольшой заработок приносила русская женская гимназия Олимпиады Николаевны Лишиной, где он преподавал латынь и где учились старшие дочки. Маврик поступил в рижскую Ломоносовскую гимназию. «Мы же, младшие, — рассказывала мама, — играли во дворе с детьми проституток, что приводило папу в отчаяние».

Петр Николаевич Якоби. Рига, 1919.
Личный архив автора

Однажды раздался звонок в дверь. Бабушка пошла открывать. Увидев двоих молодых людей в военной форме, показала: «Этажом выше!» — и, не разобрав, что один из них уже знакомый ей лейтенант Брикс, захлопнула пред носом дверь. Но Брикс, робко ее приоткрыв, сказал, что хотел бы представить ей, Сусанне Яковлевне, своего друга Николая Мицкевича. Бабушка очень смутилась. Эта история тоже стала легендарной и имела она далеко идущие последствия.

Нике Мицкевичу было тогда 18 лет. Незадолго до того он потерял всю близкую родню: в 1917 году в Юрьеве умерла от рака его мать, в 1920-м скоропостижно скончался в Риге отец и в том же злополучном году погибли оба его брата — добровольцы Белой армии, которых Ника очень любил: Вячеслав пал в армии Деникина в боях за Царицын, а Анатолий, воевавший в армии генерала Миллера, — в районе Архангельска.

Отец Ники, Адам Викторович (названный Адамом в честь поэта), носил двойную фамилию — Римвид-Мицкевич, как и сам поэт Адам Мицкевич, но степень родства между ними не установлена. Ни тот ни другой двойной фамилией не пользовались. Адам Викторович, родившийся в 1865 году, был в младенчестве католиком, но, оставшись в двухлетнем возрасте сиротой, воспитывался братом матери, который растил его в русском духе и перевел в православие. После гимназии в Ковно (Каунас), Адам Викторович поступил в Лесной институт в Петербурге, по окончании которого стал лесничим в Самаре, а потом в Эстляндской и

Николай Адамович Мицкевич. Рига, 1920-е гг.
Личный архив автора

Курляндской губерниях, дослужившись до крупной должности начальника Прибалтийского управления земледелия и государственного имущества, охватывавшего три губернии: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую. Управление находилось в Риге и имело большой штат служащих.

Жена Адама Викторовича, мать Ники, Елизавета Эрнестовна, была урожденной баронессой Буксгевден. Рыцарский род этот очень древний, происходит он из северной Германии. Предки Елизаветы Эрнестовны были крестоносцы, пришедшие в Ливонию с целью обращения в христианство местного населения и завоевания этой территории. Там они и обосновались. Известно, что один из Буксгевденов, рижский епископ Альбрехт, основал в 1202 году так называемый Ливонский орден. Впоследствии Буксгевдены связали свою судьбу с Россией. Дед Елизаветы Эрнестовны, генерал Буксгевден, был героем Отечественной войны 1812 года. Внучка его росла в родовом имении семьи на острове Эзель, расположенном в Рижском заливе при входе в Балтийское море. Когда отец Ники с ней познакомился, она по-русски не говорила, а он не знал немецкого. Но как-то они договорились, возможно, по-французски, и из всех претендентов на ее руку баронесса выбрала Мицкевича.

В городе Аренсбурге на острове Эзель семье Буксгевденов принадлежал большой господский дом, где Ника в детстве гостил у бабушки. В том же Аренсбурге стоял тогда, а может быть, стоит и по сей день старинный замок, связанный с фамилией Буксгевден. Нике запомнилась поразившая его история, произошедшая в этом замке. Кто-то из более поздних владельцев замка сообразил, что там должна быть потайная комната, вход в которую замурован. Когда в нее прорубили отверстие, то обнаружили в этом помещении стол, а за столом сидел рыцарь — совсем как

живой. От притока свежего воздуха рыцарь через полчаса распался, но остался сделанный с него рисунок: «Пустая комната, стол, скамейка, а за столом сидит, облокотившись, рыцарь. На столе перед ним кружка. И больше ничего в этой комнате нет. Времена были суровые, и его, видимо, за какую-то провинность приговорили к такой жуткой смерти — замуровали живым», — записал позже в своих воспоминаниях Николай Адамович Мицкевич.

Екатерина Петровна Мицкевич. Рига, 1920-е гг.
Личный архив автора

В бальдонском Белом замке замурованных рыцарей не было и быть не могло: замок был построен в 1911 году. Его спроектировал в стиле французских шато Никин отец, и строился он под его непосредственным наблюдением. Снаружи в замке все было гармонично: и башни, и выходящие в парк лоджии, и широкие ступени, ведущие на открытую террасу к гостеприимным двойным дверям. Из внутреннего устройства дома помню большую столовую, уютную гостиную с камином, просторную кухню, а на втором этаже — длинный коридор и много, много (как мне казалось) спален. А еще там был замечательный чердак — кунсткамера ненужных вещей, куда вопреки запретам мы, дети, лазили на разведку. Говорили, что там обитает хищный филин.

Как несовершеннолетнему, Нике пришлось найти себе опекуна, без этого он не мог распоряжаться квартирой в Риге и доставшимся в наследство Белым замком. Материальное положение владельца замка было критическим, как тогда говорили, «пиковым». В результате всех политических потрясений и военных действий семейные сбережения пропали, а замок был разграблен. Ника оказался настолько бедным, что одежда его состояла из старых залатанных рейтуз, гимнастерки и скаутской куртки. Но после того как он уговорил одного знакомого сделаться его формальным опекуном, Нике удалось сдать свою квартиру англичанину, находившемуся в Риге при военной миссии, оставив

за собой одну комнату. Англичанин хорошо относился к Нике и раздобыл ему английскую офицерскую форму, в которую тот облачился. Но англичанин уехал, дом, где находилась квартира Мицкевичей, был продан, и Ника снова оказался у разбитого корыта.

Однажды он встретил на улице Петра Николаевича Якоби, который, когда был жив Никин отец, приходил играть с ним в винт. Разговор их был недолгий:

— Как, молодой человек, живете, как поживаете?

— Паршиво.

— Приходите к нам, у нас молодежи много. Вам нельзя быть без молодежи, а у нас все-таки молодежь часто собирается, и будет вам развлечение. Приходите.

За этим последовало описанное выше появление Мицкевича в семье Якоби.

Впрочем, Ника был к тому времени знаком не только с Петром Николаевичем: его старшая дочь Катюша пела в хоре Александро-Невской церкви, куда ходил и Ника. Они стали переглядываться. Однажды после службы Ника расхрабрился и вежливо спросил, разрешит ли она проводить ее домой, но получил горделивый ответ, что она «с незнакомыми не ходит».

Спустя три дня судьба им улыбнулась. После пасхальной заутрени все, в том числе Ника и Катя, были приглашены разговляться у общих знакомых. Там они были официально друг другу представлены, а еще через несколько дней Никин отец пригласил всю компанию к себе в Белый замок.

Но в 1920 году отца уже не было в живых. Попав в семью Якоби, Ника почувствовал себя окруженным их теплом и вниманием, его опекун устроил ему работу на сортировочной железнодорожной станции. Нике туда было далеко добираться, поэтому Сусанна Яковлевна предложила ему поселиться у них в одной комнате с Мавриком. «Так, — писал Ника, — я с семьей Якоби уже не расставался. Зимой я жил у них, а летом они у меня в Белом замке».

Ника продолжал ухаживать за Катей, и в 1923 году они поженились.

VII. В «НОВОРОЖДЕННОЙ» ЛАТВИИ

Итак, 22 мая 1919 года большевики в спешке покинули Ригу. Но это еще не означало конца военных действий. Зимой 1919 года на севере Латвии (в Видземе) стали формироваться части латвийской армии, верные правительству Карлиса Ульманиса и заключившие союз с эстонцами для совместной борьбы с немецким ополчением — ландесвером. В результате так называемых Цесисских боев в июне 1919 года перед латышскими и эстонскими частями открылась дорога на Ригу. 6 июля 1919 года части латвийской армии вступили в Ригу. 27 июня временное правительство Ульманиса возобновило работу в Лиепае, а 8 июля члены правительства прибыли в Ригу. 13 июля состоялось заседание обновленного Народного совета, в состав которого теперь вошли и представители национальных меньшинств. Однако на территории Латвии все еще оставались регулярные немецкие войска. После капитуляции Германии Антанта выдвинула требование, чтобы они покинули Латвию, но немцы с этим не спешили. В августе — сентябре 1919 года немецкие солдаты, чтобы не покидать Курземе, влились в формировавшуюся Западно-русскую армию под командованием Павла Бермонта. В перспективе Бермонт намеревался вступить в борьбу с большевиками в России, но до этого ему надо было ликвидировать препятствие в лице Латвийской республики. Однако замысел Бермонта завершился провалом. В результате боев под Ригой и в самом городе осенью 1919 года они были разбиты молодой латвийской армией. К концу 1919 года только восточная часть Латвии еще не подчинялась правительству Ульманиса, там продолжали править большевики. Но, заключив союз с Польшей, латвийской армии к концу января 1920 года удалось полностью очистить страну от большевиков. 1 февраля 1920 года между Латвией и советской Россией

было подписано перемирие, а 11 августа 1920 года был подписан мирный договор, согласно которому последняя безоговорочно признавала суверенитет Латвии и навеки отказывалась от каких-либо претензий к ней. Договор открыл дорогу к возвращению на родину около 230 тысяч беженцев. Правда, что касается материальных ценностей, то большая их часть, несмотря на то что это предусматривалось условиями договора, так и не была возвращена в Латвию. Страны же Запада медлили с признанием новых балтийских государств, рассчитывая на то, что Россия все еще может избавиться от большевиков. Только 26 января 1921 года Высший совет Антанты признал Латвию де-юре.

Ранее (апрель 1920 года) в Латвии состоялись выборы в Учредительное собрание, сразу же приступившее к работе: главной задачей первого законодательного органа в истории страны была разработка и принятие Конституции (Satversme).

Важно отметить существенный факт: при принятии балтийских стран в качестве полноправных членов Лиги Наций были формально закреплены права национальных меньшинств, проживающих на территории новообразованных государств, чье население не было однородным. В этом отношении показательно, что в Учредительное собрание 1920–1922 годов вошли четверо русских делегатов, шестеро немецких, столько же еврейских и один делегат от поляков.

В феврале 1922 года Учредительным собранием была принята Конституция Латвийской республики, вступившая в силу 7 ноября того же года. Она устанавливала, что Латвия есть независимая демократическая республика, законодательный орган которой — сейм — состоит из ста представителей, избирающихся на три года всеобщим, равным, прямым, тайным и пропорциональным голосованием. Неделей позже, 14 ноября, сейм избрал первым президентом Латвии Яниса Чаксте, в прошлом депутата российской Государственной думы от Курляндской области, сторонника партии кадетов. Русских депутатов в сейме было непропорционально мало, но они были. В первом созыве русские провели трех своих представителей, во втором — пятерых, в двух последних — шестерых. Это уже само по себе свидетельствовало о том, что в новой

республике русское население, составлявшее 12 % от общего числа жителей (по переписи 1935 года 233 366 человек), не оказалось бесправным. Более того, если учесть, что большинство из них состояло из коренных жителей, а не только беженцев-эмигрантов, то как бытовые, так и культурные условия их жизни сильно отличались от других стран российского пореволюционного рассеяния. Больше всего коренного русского населения отошло к Латвии вместе с восточной частью страны — Латгалией, и состояло оно преимущественно из крестьян. Городское население русских исчислялось приблизительно в 60 000 человек, немного больше половины их приходилось на Ригу. Согласно той же переписи 1935 года почти все русские жители Латвии были ее полноправными гражданами и лишь около четырех тысяч оставалось людьми, не имевшими гражданства, обладателями так называемого нансеновского паспорта, выдававшегося Лигой Наций.

Вот тот сложный общественно-политический климат, в котором оказалась в новом государстве семья Якоби. Для главы семейства теперь, помимо преподавания в гимназии Лишиной, открылись также иные перспективы: в июле 1920 года Министерство юстиции Латвии пригласило Петра Николаевича Якоби на службу и распоряжением от 30 июля за № 75 назначило его постоянным членом Юридической консультации.

В поданном им впоследствии прошении о принятии латвийского гражданства он так суммирует свою деятельность:

«29 июля 1920 г. была создана комиссия для пересмотра Судебных узаконений от 1903 г., где я участвовал в качестве председателя. Эта комиссия завершила свою работу 12 марта 1921 г., и результаты ее работы были обобщены мною в книге “Обязательная записка к работам по пересмотру Уголовного уложения 1903 года”. И далее: 8 октября 1921 г. приступила к работе новая комиссия по разработке латвийского уголовного законодательства, где я участвовал как постоянный член комиссии — референт, на меня было возложено ведение делопроизводства комиссии» (цитирую по копии, хранящейся в моем архиве).

4 февраля 1927 года рижская газета «Сегодня» сообщила о состоявшемся торжественном заключительном заседании по вы-

работке нового латвийского Уголовного уложения и поместила интервью с ее председателем профессором Павлом Минцем (Paul Mincs), уроженцем Витебска и главой Еврейского юридического общества в Риге. Минц изложил в интервью, какими принципами комиссия руководствовалась в своей работе, учитывая, что до самостоятельности Латвии здесь уже действовали российские законы, в том числе Уголовное уложение. Он пояснил:

«Комиссия задалась целью сохранить по мере возможности систему Уложения и формулировку отдельных его статей, с которыми уже успела свыкнуться практика. Тем более что Уложение 1903 года само по себе, особенно в общей своей части, представляется чрезвычайно хорошо разработанным кодексом. С другой стороны, тот факт, что Уложение издано было при существовании в России самодержавного режима, а равно то, что со времени его изготовления (в 1885 г.) прошло несколько десятков лет, в течение которых научная мысль значительно продвинулась вперед, — властно требовал значительного изменения кодекса, в особенности его отделов о государственных преступлениях применительно к демократическому строю Латвии и о преступлениях, которые превратились в посягательства на свободу совести и на религиозные чувства верующих».

За пять лет работы комиссия провела 169 заседаний, проработав все статьи прежнего Уложения, сократив его почти на сто статей и добавив 15 новых. Теперь оставалось окончательно доработать текст для внесения его в кабинет министров. Это было поручено редакционной комиссии, в состав которой вошли сам Минц и Якоби. За свой вклад в юриспруденцию молодого государства дедушка был награжден почетным латвийским орденом Трех звезд. Этого же ордена удостоился за свою работу и Павел Минц. А когда в 1940 году пришли советские войска, Минц был депортирован в Красноярский край, заключен в лагерь и там погиб.

Помимо профессионального удовлетворения от работы юрисконсультом при Министерстве юстиции, изменилось к лучшему и материальное положение семьи. Из дома с борделем на Мельничной Якоби в сентябре 1920 года переехали на улицу Ленчу

(Ленцевую), № 2, кв. 29, где Петр Николаевич проживал до самого ареста в 1940 году. Квартира состояла из трех спален, столовой и комнаты для прислуги, примыкавшей к кухне. А жило в этих комнатах то семь человек, то больше, редко — меньше. Только дедушка имел собственную отдельную комнату. Маврик, который, окончив Ломоносовскую гимназию, поступил в Академию художеств, спал на сильно продавленном диване в столовой. Там рядом с обеденным столом стояло пианино, тут же — мольберт и гитара. Иногда Маврик импровизировал на ней музыкальный аккомпанемент к нашим с Денисом играм. Особенно драматично получалась, под звук рвущихся струн, игра в кораблекрушение! Милый, веселый, одаренный Маврик, не лишенный, однако, некоего чувства мистики, был нами особенно любим.

Дом № 2 на улице Ленчу, где на 6-м этаже жила семья Якоби. Рига, 2000-е гг. *Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*

Комната для прислуги, по словам мамы, отводилась «невесте на выданье» — старшей из незамужних дочерей. Там (при открытых дверях в кухню!) можно было занимать разговорами очередного «воздыхателя». В них у хорошеньких сестер Якоби недостатка не ощущалось. Только вот за стеной то и дело кто-нибудь из жителей квартиры спускал в уборной воду! Когда дошла очередь до мамы занять комнату для прислуги, один из ее кавалеров засиделся допоздна. Дедушка возмутился: «Сидит у нее на кровати!» Но даже в сердцах его не покидало чувство юмора. «Что бы сказала княгиня Марья Алексевна!» — добавил он из «Горя от ума». На это мама резонно возразила, что ведь другой-то мебели нет.

Работая в латвийском Министерстве юстиции, дедушка также принимал живейшее участие в русской общественной жиз-

ни. Помимо Русского юридического общества, он состоял почетным членом, а некоторое время и председателем Русского национального союза и членом Русского музыкального общества. Кроме того, он находил время для исследовательских трудов и статей, появлявшихся в русских газетах и журналах, что приносило семье небольшой, но очень желательный дополнительный доход для оплаты квартиры, питания и нужд первой необходимости.

Кто были его читатели?

Приведу отрывок из обстоятельной статьи бывшего рижанина юриста Д.А. Левицкого, скончавшегося около Вашингтона в 2007 году. Статья под названием «В независимой Латвии» появилась в нью-йоркском «Новом журнале» (1980. № 141).

«Рига, столица Латвии, издавна была ганзейским городом-портом с многонациональным составом жителей. В 1935 году в Риге насчитывалось 385 000 жителей, из которых около 33 000 было русских, 39 000 — немцев, 43 000 — евреев. Среди русских рижан было немало представителей купечества, обосновавшегося в городе еще в XIX столетии. Некоторые из них смогли сохранить свое имущество и, применяясь к новым обстоятельствам, продолжать дело. Поэтому в Риге существовали старые и новооткрытые русские торгово-промышленные предприятия и магазины, были русские домовладельцы и фабриканты. Местная русская интеллигенция насчитывала в своих рядах лиц различной квалификации и разнообразных специальностей, и в течение первых 10–15 лет существования республики часть русских специалистов находила применение своим силам как в области свободных профессий, так иногда и на службе государственной и местных самоуправлений. Последнее в особенности относится к русскому учительству, обслуживавшему сеть русских основных и средних школ, составлявшему одну из наиболее многочисленных групп местной интеллигенции».

Далее Левицкий отмечает любопытный факт: немало русских профессоров преподавали в Латвийском университете. Если они не знали латышского языка, то получали право в течение известного числа лет вести занятия на русском языке!

№ 144

СЕГОДНЯ Четверг, 25 мая 1933 г., стр.10.

35-лѣтіе общественной и судебной дѣятельности П. Н. Якоби.

На дняхъ исполнилось 35 лѣтъ безпрерывного служенія на общественномъ и судебномъ поприщѣ извѣстнаго въ Ригѣ общественнаго дѣятеля, юрисконсульта м-ва юстиціи Петра Николаевича Якоби.

Внукъ знаменитаго изобрѣтателя гальванопластики и перваго электродвигателя академика Б. С. Якоби и сынъ сенатора П. Н. Якоби, родился въ Петербургѣ, гдѣ въ Училищѣ Правовѣдѣнія получилъ образованіе.

Пройдя послѣдовательно службу въ министерствѣ юстиціи, Витебскомъ и Петербургскомъ прокурорскомъ надзорѣ, П. Н. долгое время занималъ постъ прокурора рижскаго окружнаго суда, пока не былъ командированъ въ распоряженіе военнаго министра (Поливанова) для разслѣдованія злоупотребленій въ военномъ вѣдомствѣ. Революція застала П. Н. въ должности начальника уголовнаго отдѣленія м-ва юстиціи.

Потерявъ все съ приходомъ большевиковъ, П. Н. Якоби, перебравшись въ Ригу, первое время занимался педагогической дѣятельностью, а потомъ былъ приглашенъ на службу въ консультацію при м-вѣ юстиціи, гдѣ до нѣкоторыхъ поръ занималъ должность постояннаго члена консультаціи. Подъ его предсѣдательствованіемъ, между прочимъ, была произведена первая работа по приспособленію дѣйствующаго Уголовнаго уложенія къ нуждамъ современной дѣйствительности и былъ выработанъ проектъ дисциплинарнаго устава для лицъ гражданскаго вѣдомства. Кромѣ того, онъ принималъ ближайшее участіе въ выработкѣ латвійскаго Уголовнаго Уложенія, составивъ комментарій къ проекту въ двухъ томахъ.

П. Н. не чуждъ также публицистической и литературной работы. Онъ одинъ изъ иниціаторовъ созданія выпускаемаго нынѣ Русскимъ Юридическимъ Обществомъ журнала „Законъ и Судъ", гдѣ помимо своихъ статей изъ номера въ номеръ ведетъ отдѣлы законодательной лѣтописи, и „почтоваго ящика".

Его перу, принадлежатъ также литературныя произведенія, изданныя въ 1901 и 1903 г. въ видѣ двухъ томовъ разсказовъ и стихотвореній, удостоенныхъ вниманія россійской Академіи Наукъ. Въ 1929 г. вышелъ сборникъ „Золотыя струны", куда вошли лирическія стихотворенія П. Н., подкупающія своей искренностью, теплотой чувства, четкостью формы и музыкальностью.

П. Н. принимаетъ живѣйшее участіе въ общественной жизни, являясь почетнымъ членомъ Русскаго Нац. Совѣта, тов. предсѣдателя русскаго Юридическаго о-ва, членомъ Русскаго Музыкальнаго о-ва и другихъ организацій. П. Н. — кавалеръ русскихъ орденовъ до св. Владиміра включительно, ордена Трехъ звѣздъ и нѣсколькихъ иностранныхъ.

Свой юбилей П. Н. отпраздновалъ въ семейной обстановкѣ.

П. Н. Якоби.

Статья «35-летие общественной и судебной деятельности П.Н. Якоби» в газете «Сегодня» (Рига) от 25 мая 1933 г. *Личный архив автора*

Таким образом, недостатка в русских читателях не было, особенно если учесть, что среди людей других национальностей — латышей, немцев и евреев — в те годы было немало получивших русское образование, для которых русский язык был своим.

Не помню, читали ли у нас дома латышские газеты, хотя родители язык знали. Вряд ли. Читали газету «Сегодня», она выходила утренним и вечерним изданием. Была еще ежедневная газета «Слово», а при ней — литературно-художественный журнал «Перезвоны». В номере от 4 января 1927 года газета «Слово» посвятила Петру Николаевичу Якоби статью по случаю его 50-летия, в которой особо отмечаются его заслуги в области юриспруденции и разработки латвийского Уголовного уложения. В статье перечислены и его литературные труды, а также упоминается его общественная деятельность «на благо русской культу-

Обложка книги Николая Якоби «Марна» (Рига, 1938). *Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*

ры». Аналогичная юбилейная статья появилась и в газете «Сегодня».

Сотрудничал дедушка и в выходившем в Риге еженедельном иллюстрированном журнале «Для Вас». В качестве художника-иллюстратора в нем также сотрудничал его сын Маврикий. Печатался в «Для Вас» и старший сын — Николай Якоби, зарекомендовавший себя талантливым журналистом. В 1938 году он опубликовал в Риге книгу «Марна» — популярное изложение истории начала Первой мировой войны и крушения германского наступления на Париж в августе — сентябре 1914 года. Обложку книги сделал брат Маврик.

Как человек всесторонне образованный, дедушка писал на самые разные темы, нередко пользуясь разными псевдонимами, чаще всего псевдонимом П. Вольский. У него были развернутые работы о Пушкине, о Чайковском, он был автором фельетонов и статей на исторические темы. Некоторые публикации дедушки Петра Николаевича сохранились. Нет, не в семейном архиве, а в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, где их обнаружил уже упомянутый мной покойный Д.А. Левицкий. Близкий друг семьи еще с рижских времен, он поддерживал тесную связь с моими родителями и посылал им ксерокопии, снятые с этих работ, а после смерти родителей передавал их мне. Другие публикации получены из Риги благодаря неутомимому хроникеру русских в Латвии Т.Д. Фейгман. Среди них у меня оказалась любопытная статья П. Якоби о том, как французский король Людовик XVIII, брат казненного Людовика XVI, приехал на жительство в Митаву (современную Елгаву), получив на то согласие Павла I. Дедушка цитирует следующие повеление Павла I курляндскому

губернатору от 19 декабря 1797 года (привожу его по новой орфографии):

«Назнача дворец Наш в Митаве к пребыванию Его Величества Короля Французского, повелеваем вам исправить оный так, чтобы король мог жить в оном спокойно с малолюдною его свитою; все потребные службы прикажите также исправить в нем и по получении сего донесите Нам о состоянии такого дворца. Пребываем впрочем вам благосклонны. *Павел*».

«Малолюдная свита» оказалась состоящей из 86 человек и 106 человек гвардии, что вызвало в маленькой Митаве большой переполох. Приводится переписка о том, как всех разместить. А в 1799 году в Митаву прибыла на время и супруга короля Тереза со своей свитой. Информацию, связанную с бегством Людовика XVIII в Россию, дедушка обнаружил среди архивных материалов в Риге. Очевидно, содержание французского короля и его окружения стало обходиться России слишком дорого: документ от 1801 года содержит высочайшее повеление «действительному тайному советнику и государственному казначею Державину» удерживать для казначейства треть суммы из «пансиона на содержание короля французского с фамилиею и принадлежащими ему людьми».

Имеются у меня и две брошюры, автором которых был дедушка. Одна из них — «Интеллигенция и большевизм» — была опубликована в Риге в 1930 году. В подзаголовке сказано: «О волевом воспитании». «Русский человек, — пишет дед, — положительно иногда страдает от бремени талантов. Будучи ко всему способен, бросаясь на все, впадает в так хорошо известный русский *дилетантизм*». Дедушка сетует на недостаток у нас волевого воспитания, в отличие от западного воспитания юношества, и на то, что «в душе русского интеллигента царит какое-то презрение к дисциплине». Замечу, что именно по части дисциплины племя Якобов было далеко от дедушкиного идеала: там каждый норовил жить по-своему. Обуздать это племя бабушке было не по силам. Вырастившая семерых, она как-то призналась мне: «Знаешь, сколько ни воспитывай, а все равно у всякого свой характер и каждый вырастает таким, как его сделала природа».

Анализируя характер русской интеллигенции, дед писал:

«Из нас вырабатывались прекрасные Гамлеты, у нас, как у своего прототипа, “наш слабый румянец воли блек под ледяным дыханием вихря дум” (Гамлет). Волевой Фортинбрас был нам чужд. А между тем именно наши дни требовали от нас всяческого проявления воли, которая даже в грозные часы лихолетья пребывает у нас в дремотном состоянии».

Дед призывает русское общество приучиться к мысли, что никто за него не станет отстаивать его прав и делать за него ничего не будет, а потому пора русским выйти из своего пассивного состояния, отстаивая лично свои интересы. Он ссылается в своем труде на Достоевского, «знатока сердца интеллигента — пассивного и праздного», но не согласен с увлечением Достоевского в отношении русского крестьянства:

«Жизнь жестоко посмеялась над этой идеализацией русского народа. Чуть только грянул бунт 1917 года, запылали усадьбы и начались неописуемые никакими красками крестьянские погромы, в которых гибли лучшие очаги культуры, племенной скот, насаждения, парники, редчайшие библиотеки, картины первейших мастеров, шедевры архитектурного творчества, и все довершали неслыханные по жестокости убийства. В Министерстве юстиции уже в самом начале революции из местных донесений накопились два обширные тома: дела о российских погромах 1917 г. Если большевики не уничтожили эту кровавую летопись, то потомки ужаснутся тем зверствам, которые совершил наш богоносец, и притом во время кровопролитнейшей войны с внешним врагом».

Именно *слабовольности* российской интеллигенции, неумению организовать свои силы дедушка Якоби приписывает победу большевиков. Напоминая, что все это предвидел Достоевский в «Бесах», он пишет:

«О большевизме мы скажем именно словами, произнесенными за 50 лет до его осуществления: “Дряннейшие людишки получили вдруг перевес. Стали громко критиковать все священное, тогда как прежде не смели и рта раскрыть, а правящие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать”».

Большевизму дедушка Якоби выносит такой приговор:

«Идеология коммунистов особенно отвратна пренебрежением к личности. Для правоверного коммуниста личность отдельного человека ничто, все приносится в жертву великому, безликому коллективу. Бездарное стадное большинство старается принизить до себя всякую выдающуюся личность, уничтожая всякое личное творчество».

Это дедушка писал в 1930 году, еще до больших чисток, до торжества «социалистического реализма» и «великих строек» сталинских пятилеток.

VIII. БАЛЬДОН

Когда в семью вошел Ника Мицкевич, жизнь ее радикально изменилась к лучшему. Теперь можно было проводить лето и все каникулы в Белом замке и на бальдонском приволье. Первое знакомство с Белым замком у моей мамы произошло зимой, еще до свадьбы Кати и Ники:

«Меня, Бибу и Катю отправили переждать скарлатину, которую схватили Маврик и младшие сестры. Это было уютное время. Бальдон зимой — сказка. Ника, Биба и я ходили на гору, чтобы кататься на лыжах. А лыж была только одна пара на всех. Потом, усталые, возвращались домой, где нас ждал ужин, приготовленный Мартой, которая всегда жила при Белом замке, присматривая за домом и несколькими курами. Она обхаживала Нику и его трех барышень. Ужин состоял обычно из свинины, картошки с очень вкусным соусом и киселя. А для Ники она варила молочный суп с лапшой, но только для Ники! Потом Биба усаживалась рисовать своих голышек, каких-то голеньких девиц, а Ника играл на гитаре. По вечерам Катя и Биба, забираясь на кровать, читали в то время вслух “Анфису” Леонида Андреева. Считая, что это не для моих ушей, заставляли меня лежать, накрыв голову одеялом, чтобы я их не слушала.

Когда мы вернулись в город, Маврик и сестры были уже здоровы. Пошла городская жизнь с чудными воспоминаниями о Бальдоне. Следующий приезд состоялся летом, когда туда отправилась уже вся семья».

Среди постоянных бальдонских дачников была семья архитектора Мандельштама (кажется, родственник поэта, но категорически утверждать не берусь). Этот высококультурный человек русского воспитания был приятелем дедушки, а сыновья его Витя и Женя очень подружились с детьми Якоби, причем Витя

Слева направо, в 1-м ряду: Сусанна Яковлевна, Ася, Катя,
во 2-м ряду: Вера, Биба, Зина. Бальдон, 1922. *Личный архив автора*

еще мальчиком стал неравнодушен к моей будущей матери. Он был счастливым обладателем фотографического аппарата и из года в год снимал ее и других жителей Белого замка. Позже, окончив университет, Витя стал химиком, часто к нам заходил, был жизнерадостным и очень милым. Как и вся семья рижских Мандельштамов, Витя погиб при истреблении евреев во время немецкой оккупации Прибалтики.

Рассматриваю эти старые поблекшие снимки...

На самых ранних младшие девочки в матросках, другие в белых платьях с огромными бантами в волосах. Бабушка еще вполне стройная, пышно уложены волосы. У мамы моей две косы. Ася — малышка с челкой. Позже исчезают матроски, бабушка полнеет, волосы гладко зачесаны назад, свернуты жгутом, вид утомленный. У Кати в волосах нет банта — она уже замужняя женщина, ждет ребенка. Коля и Маврик — совсем взрослые мужчины в белых рубашках, чаще всего при галстуке и почти всег-

Слева направо: Ася, Вера, Зина, Маврик, Биба, Ника Мицкевич, Катя, Коля. Бальдон, 1923. *Личный архив автора*

да — с гитарой. Дедушка носит светлый пиджак и соломенную шляпу. Снимки могли бы быть сделаны в какой-нибудь дворянской усадьбе на рубеже столетий.

Спасибо этим старым фотографиям. По ним можно восстановить картинки давно канувшей в небытие жизни.

Вот у мамы пропали косы, а у Верочки появились две косички, подвязанные колбасками. Мама почти барышня. Семейство растет. 20 июня 1923 года у Кати начались роды. Бабушка побежала за акушеркой, оставив маму одну с роженицей. Четырнадцатилетняя девочка в ужасе, не знает, чем помочь сестре. Акушерка так и не явилась. Ребенка приняла бабушка, вооружившись большими ножницами для кройки, которые потом иначе как «пупковыми» не назывались. Так появилась на свет моя двоюродная сестра Вероника. В семье любили награждать прозвищами, они подчас прилипали на всю жизнь. Так толстенький ребенок Вероника была прозвана именем мальчика из книжки «Гоша длин-

Слева направо: Маврик, Ника Мицкевич, Катя, Коля, Биба, Ася, Зина, Вера. Бальдон, 1923. *Личный архив автора*

ные руки» — наевшись теста, он, растопырив ручонки, полетел на небо. А из Гоши Вероника превратилась в Гонечку. Так она и осталась Гоней до своего недавнего 90-летия. Спустя шесть лет, тоже в Бальдоне, родился ее брат Денис. Ему удалось избежать прозвища, если не считать, что его называли Деней или Дюськой, а я так прозвала «сливочным мальчиком» за светленькие волосы и белизну кожи.

Вижу, на фотографиях появляется новое лицо — Альберт Цоппи, большой умница. Тоже, как и Витя Мандельштам, станет химиком. Невысокий, щупленький Цоппи (дома – Цопка) обладал особым шармом. Помню, как он, с деланным хищным оскалом, пугал нас, детей: «А за углом стоит лисица...» Но тогда меня еще не было в помине. Он женится на Сусанне-Бибе, которую называл почему-то рыбкой-птичкой. Женился и Николай. Его женой стала симпатичная Вера Эрнестовна Вегер. У них родился мальчик, названный в честь отца Николаем. Брак из-за Коли-

Слева направо: Вера, Зина, Ася. Бальдон, 1924 или 1925. *Личный архив автора*

ного трудного характера вскоре кончился разводом.

Узнаю на бальдонских снимках и дедушкиного племянника Петю Седергольма. Он, как и другие, принимал участие в бальдонских импровизированных увеселениях: шарадах, спектаклях, играх и разных, иногда хулиганских, выходках. Мама вспоминает:

«Мы подрастали. Уже начались романы, флирты. Я отплясывала с моими кавалерами в Курхаузе. Одного из них, сына немецкого врача, когда тот напился, Маврик и Коля притащили в Белый замок и заперли в шкафу, откуда тот кричал по-немецки: “Я умираю!”

Гоня (Вероника Мицкевич) в младенчестве на руках гостьи пансиона. Бальдон, 1924. *Личный архив автора*

Мы жили обычно в Маленьком домике, бывшем садовничьем, и спали на чердаке. За нами тянулись наши друзья, и все как-то там помещались и как-то питались. На чьи-нибудь именины мама пекла огромный крендель и варила большой котел какао.

Коля любил ставить оперетки, сочинял для нас шутливые куплеты, и мы их исполняли. Устраивали маскированные балы, разыгрывали пьесы, даже поставили “Гамлета”. Однажды собрали черепа павших во время войны лошадей. Вставили в глазницы фонари и расставили черепа вдоль дороги у корчмы,

Игры на теннисном корте Белого замка. В центре — Гоня. Бальдон, 1927.
Личный архив автора

а сами, напялив на себя какие-то хламиды, били в жбаны, пугая людей.

Мы часто ходили в лес по грибы, за черникой, земляникой или к озеру, в трех километрах от нас, купаться.

Ника был пожарным-волонтером и играл со своими пожарными в футбол, а мы были болельщиками. Самый большой спорт процветал на теннисной площадке, где устраивались яростные состязания. Чемпионом была Вера. Я играла плохо, но тоже вместе с другими мчалась поскорее после ужина занять корт».

Казалось, не жизнь, а сплошной праздник. На самом же деле в материальном отношении семье приходилось нелегко. Николай Якоби зарабатывал невесть что газетными статьями. Одно время он работал управляющим лучшего в Риге ресторана «Отто Шварц», куда заманил обещаниями поросенка в сметане приехавшего на гастроли Шаляпина. А поросенка-то у повара как раз не оказалось! Маврик и младшие дочки еще учились.

Екатерина Петровна Мицкевич с сыном Денисом на балюстраде Белого замка. Бальдон, 1931. *Личный архив автора*

Один дедушка имел постоянный заработок от Министерства юстиции. Только ведь на такую ораву не наберешься. Белый замок был заложен и перезаложен, хотя и давал кое-какой доход от пансиона. Когда в замке жили платные постояльцы, все — и гости, и хозяева — собирались по вечерам в гостиной замка у горящего камина, чтобы слушать музыку (там был граммофон) или петь под гитару (рояль-то пришлось продать!), а кое-кто играл в карты или сражался в шахматы. Такие вечера мне смутно запомнились.

Дедушка молодежь любил, ее не сторонился, но ценил и уединение: часто гулял по аллеям парка, обсаженным покойным отцом Ники чудесными кустами и деревьями.

Гуляя по парку, дедушка предавался размышлениям и сочинял стихи.

В 1929 году он выпустил в Риге сборник своей поэзии «Золотые струны». Туда вошли избранные лирические стихотворения

Семья Якоби перед Маленьким домиком. Слева направо: Альберт Цоппи, Сусанна (Биба) Цоппи, Вера Якоби, Анна Якоби, Зинаида Якоби, Маврикий Якоби, Петр Николаевич Якоби, Николай Мицкевич, Николай Якоби, Вера Эрнестовна Якоби, Вероника (Гоня) Мицкевич, Сусанна Яковлевна Якоби, Екатерина Мицкевич. Бальдон, 1928. *Личный архив автора*

из двух сборников, изданных в 1902 и 1904 годах в Санкт-Петербурге, и из сборника «Струны» (Витебск, 1910), дополненные более поздними стихами.

Книжечка «Золотые струны» была мной обнаружена лет в восемь. Мне очень льстило, что у нас в семье — поэт! Какое-то время я с этой книжкой не расставалась. Однажды другой мой дедушка, Чернов, съязвил: «Ты читаешь Петра Николаевича, а я так читаю Александра Сергеевича».

Что сказать про «Золотые струны» и про дедушкину поэзию вообще? В некоторых публикациях Петра Николаевича Якоби называют поэтом, но поэзия его не отмечена крупным дарованием. В таком духе в ту пору писали многие, претендовавшие на звание поэта, но не дотянувшие до того, чтобы их поэзию можно было бы по праву причислить к творениям Серебряного века.

Обложка сборника стихов П.Н. Якоби «Золотые струны» (Рига, 1929).
Личный архив автора

Однако сама потребность выражать свои чувства в стихотворной форме, происходящая от любви к литературе и того, что можно было бы охарактеризовать как «культуру языка», создавало в семье особый климат и побуждало других ее членов тоже браться за перо с большим или меньшим успехом, часто в юмористическом духе. Особенно изощрялись в этом последнем жанре оба брата: Николай не всегда для детских ушей, а Маврик исполнял под гитару дурашливые песенки вроде дошедшей до наших дней про короля Бимбабулу, которую с большим энтузиазмом пели на семейных вечеринках:

Король наш Бимбабула
За тридцать тонн банан
Купил, чтоб вниз не дуло,
Штаны у англичан.

Уставши от истерик своих семисот жен,
На желтый берег пляжа
Пошел купаться он.
И с ним была вся стража —

Купавшаяся свита.
Вдруг, выйдя из воды,
Он плюнул в них сердито
И стал искать штаны.

Глядит — в ветвях банана,
Кольцом в носу звеня,
Гуляет обезьяна,
Надев штаны вождя.

Один стрелок отважный
Убил ее тотчас.
Но царь сего героя
Повесил через час:

За то, что с нею вместе,
Он кончиком копья
На самом стыдном месте
Порвал штаны вождя!

Даже маленькая Асенька однажды в Риге взялась за перо и посвятила своей матери Сусанне Яковлевне такой шедевр:

В недрах душного клоповника
Запернас денегнужда (так! — *Л.Ф.*),
Но и здесь, звезде подобная,
Ярко блещет Сусанна!

По-настоящему с самых юных лет в плену поэзии была старшая дочь Якоби, моя тетя Катя — Екатерина Мицкевич. Это — особый случай. Тетя Катя была удивительным человеком, наиболее одаренной из всех сестер — обладательница прекрасного слуха, очень музыкальная, с красивым голосом, у нее был и талант к рисованию, но все уступало призванию писать стихи. Она не могла их не писать. Сочиняла по ночам. Помню, когда мама, я, и моя приемная сестра к концу войны свалились ей на голову в Познани, тетя Катя иногда до самого обеда не поднимала штор в своей спальне, продлевая иллюзию ночи, чтобы не улетучилось вдохновение. Вообще, она жила в ином временном пространстве, чем остальные люди: даже на собственную свадьбу невеста Катя умудрилась опоздать на полтора часа.

Свои стихи тетя Катя читала редко и нигде их не печатала. Но как я любила слушать ее в ту голодную и холодную зиму 1944–1945 годов в Познани, когда она брала в руки гитару и своим бархатным голосом пела переложенные на музыку собственные стихи! Почти все они были проникнуты чувством ностальгии, и

не столько по утерянной России, сколько именно по Петербургу. Никто из племени Якобов так остро не переживал на протяжении всей жизни разлуку с любимым городом, как она. А олицетворением Петербурга для нее был Пушкин. Может быть, именно поэтому она нигде не печаталась: обладая прекрасным литературным вкусом, сознавала, что не дотягивает до своего идеала. Но это — моя личная догадка.

Тетя Катя скончалась в городе Нью-Хейвен (штат Коннектикут) весной 1976 года. Отпевали ее в том самом храме Сретения Господня в городе Стратфорд, где она управляла церковным хором.

После смерти тети Кати осталось несколько коробок с ее стихами. Денис, который лучше других знаком с произведениями и внутренним миром матери, писал:

«Мама не была ни интеллектуалом, ни педагогом; ее образование кончилось в 16 лет в гимназии княгини Оболенской в Петербурге (окончание рижской гимназии “было не в счет”). Как для Набокова, только тот старый мир оставался для нее настоящим, а дальнейшая реальность — какой-то суррогат. Нигде, включая аспирантуру, я не находил такого живого и “проверенного под камертон” подхода к поэзии, как у нее. Несмотря на культ Пушкина, ее стихи — трудны, они — чистейшая лирика, то есть почти исключительно о своем состоянии духа. Слова ее чутко реагируют, но не на злобу дня и не на общие темы, как часто, например, у Мандельштама или у Пушкина; ее слова, скорее как у мистиков, сосредоточены на движении собственного духа. <...> Не представляю себе, сколько читателей желало бы проникнуть в герметический код ее формально безупречных и необыкновенно певучих стихотворений. Уже взрослым я предлагал написать введение к будущему сборнику или обратиться для этого к более маститым знатокам, но мать считала, что стихи должны сами говорить за себя, а не опираться на чьи-то вмешательства» (Преломление эмигрантского опыта // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / ред.-сост. Л.С. Флам. М.: Русский путь, 2006).

К сожалению, сборник этот так и не состоялся. После смерти тети Кати поэт Алексис Раннит, живший в Нью-Хейвене, где

он был куратором русского отдела библиотеки Йельского университета, поместил в № 125 «Нового журнала» посвященный ей некролог. Отметив, что как поэт Екатерина Мицкевич была необычайно плодовита, Раннит говорит:

«Она остро сознавала свою обособленность от главного русла, вернее, наиболее заметных течений современной русской лирики. Будучи поэтом классического канона, почти не касаясь всенародно-злободневных тем, ее мало привлекали и формальные эксперименты; в тоже время многосложная чувствительность сближает ее тематику с поздними модернистами. Однако, ощущая с ними большую стилистическую рознь, не разделяя вкусов журналистской поэзии, Екатерина Мицкевич никогда не примыкала ни к каким поэтическим группам и не искала читателя. Она ни разу не напечатала ни одного стихотворения, никогда не выступала как поэт. Отсутствие контакта с читателем ее не удручало, но тем самым усиливало желание стоять вне времени».

В заключение некролога Раннит приводит одно стихотворение Екатерины Мицкевич, написанное, как она это часто делала, от мужского лица.

Ты, уходя, забыл свой манускрипт,
Рассеянный Февраль! Но дружба между нами:
Я врос в тебя, как в воздух эвкалипт
Ланцетовидными листами.
И мой рифмованный портрет,
Как выжженный на стали кислотою –
Не что иное, как предмет,
Забытый на столе тобою.

IX. «ЗАКОН И СУД»

Из-под дедушкиного пера вышли солидные публикации о Пушкине и Чайковском, но самым значительным достижением его был вестник Русского юридического общества — журнал «Закон и суд». Этому делу дедушка посвятил десять лет, и продолжал бы далее, если бы не политические обстоятельства, положившие конец журналу после выхода его 90-го номера.

Журнал был детищем Русского юридического общества, в котором дедушка принимал деятельное участие. Первым председателем Общества избрали О.О. Грузенберга, стяжавшего себе известность в России успешной защитой в нашумевшем деле Бейлиса и других так называемых еврейских процессах, а его заместителями — П.Н. Якоби и И.С. Шабловского. В 1931 году Грузенберг уехал из Риги, председателем общества стал мой дедушка, взявший на себя и существенную часть ответственности за созданный обществом журнал. Одновременно дедушка сотрудничал и в других юридических изданиях того времени.

В «Ежегоднике Дома русского зарубежья им. А. Солженицына» за 2012 год опубликована обстоятельная статья «Долг — это высший закон» Светланы Николаевны Ковальчук, исследователя Института философии и социологии Латвийского университета в Риге. Статья посвящена мультиязычной юридической периодике в независимой Латвии (1920–1940). Автор пишет, что «демократическому правопорядку Латвии повезло уже в самом начале 1920-х гг. Латвия, переняв российское законодательство, постепенно накладывала на него инструкции и дополнения. Параллельно шла интенсивная интеллектуальная работа по выработке национальной правовой системы — административного, уголовного, гражданского и других кодексов». В этом процессе приняли деятельное участие юристы разных национальностей,

из них многие получившие свое юридическое образование в России.

Ковальчук отмечает возникновение в Латвии не менее восьми юридических обществ и издание четырех юридических журналов, из них два на латышском языке: официальный «Вестник Министерства юстиции» и журнал «Юрист» («Jurists»), редактором которого был выходец из России профессор Василий Иванович Синайский. Примечательно, что, по словам Ковальчук, латышскому журналу «Юрист» оказывали дружескую поддержку редакторы других изданий, в том числе П.Н. Якоби. Она пишет про него: «...известный юрист, юрисконсульт Министерства юстиции, деятельный участник Русского юридического общества в Латвии, редактор журнала “Закон и суд” — стал активным автором журнала. Якоби по количеству публикаций в издании “Юрист” уступал только профессору Синайскому. Петр Николаевич был участником разработки Уголовного закона 1933 года и в своих статьях подробно информировал читателей о ходе развития обсуждения закона, его нововведениях, комментировал и разъяснял волю законодателей. Прояснял также и вопросы дисциплинарной ответственности, анализировал различные стороны уголовного процесса (правовое урегулирование вопроса о процессуальных действиях с вещественными доказательствами, о проблемах исполнения приговора). К тому же Якоби в 1935 году в журналах “Вестник Министерства юстиции” и “Юрист” обнародовал критический анализ уголовного законодательства Германии, принятого в уго-

Эскиз обложки для факсимильного издания журнала «Закон и суд». *Личный архив автора*

ду национал-социалистическим идеям, но в ущерб правам и достоинству индивида».

А в номере IV «Балтийского архива» (Рига, 1999) Светлана Ковальчук посвятила подробную статью вестнику Русского юридического общества «Закон и суд». Она пишет, что ему суждено было в отрыве от родины продолжить лучшие традиции широко известного в дореволюционной России Санкт-Петербургского издания «Русское право». Причем «Закон и суд», отмечает она, был единственным журналом русских юристов в эмиграции, несмотря на то что объединения российских юристов существовали и в других странах рассеяния.

Первый номер журнала вышел в 1929 году. Со временем он привлек 75 авторов, находившихся в разных странах российской диаспоры — в Прибалтике, Франции, Италии, Германии, Венгрии, Польше, Дании, США и даже Австралии. Все они, почти без исключения, были воспитаны на дореволюционной системе права в России, что естественно нашло отражение на страницах журнала при обсуждении правовых систем и их развития в других государствах. Так, например, в силу того что ядро постоянных сотрудников журнала принимало деятельное участие в законодательной жизни трех балтийских стран, он с самого начала ставил своей задачей «отображать развитие русского законодательства во вновь образовавшихся государствах». Поэтому в разделах «Законодательная летопись» и «Судебная практика» печатались переводы на русский текстов принимаемых законов. Журнал также оповещал своих читателей о статусе русских эмигрантов в различных странах и о мерах, принятых Лигой Наций по утверждению нансеновского паспорта, легализировавшего положение бесподданных. В каждом номере был постоянный раздел о русских делах в судах западных государств, например касавшихся собственности бывших российских подданных.

Широкая тематика журнала охватывала рассмотрение таких вопросов, как адвокатура, прокуратура, права женщин и незаконнорожденных детей, суд присяжных, допущение защиты при предварительном следствии, права меньшинств, вопросы гражданского права, а также вексельного, конкурсного, акционерно-

го, государственного и международного права. Например, излюбленной темой Грузенберга, по наблюдениям Ковальчук, была защита независимости адвокатов. Он считал, что русская адвокатура «создала свой неразменный фонд, накопленный 50 годами общественного служения и учредив институт бесплатных консультационных бюро, бесплатных защит неимущих. Русские адвокаты, забывая собственные интересы, несли службу защиты личности против натиска государства, несправедливостей и злоупотреблений обвинения». Не менее убедительно отстаивал он на страницах журнала институт присяжных заседателей в царской России, подчеркивая, что этот суд «был честным и справедливым».

Некоторые теоретические статьи, посвященные широким проблемам юриспруденции, вполне актуальны и в наши дни. Так, во втором номере журнала помещена статья профессора С.А. Беляцкина «Проблемы суда». В ней он отталкивается от соображения, что законодательные процессы по своей природе слишком медлительны для того, чтобы отвечать на требования времени. «Закон не может поспеть за движущимся потоком жизни, требующей все новые вопросы и запросы. Только суд в состоянии вывести общественную жизнь из затруднений, указывая руководящую нить в лабиринте разногласий и неопределенностей, создаваемом практикой».

В XIX веке, отмечает Беляцкин, в обществе постепенно внедряется мысль, что «удовлетворять нуждам правосудия могут больше судьи, чем законы... судья более не автомат, слепо и рабски применяющий законы: он воплощает нормы права в жизнь сообразно их цели, с одной стороны, и требованиям действительности, с другой».

Профессор Беляцкин, однако, предостерегает от другой крайности, от тенденции «судейского правотворчества», о чем говорят те юристы, которые считают, что судье должно быть дано право решать по собственному усмотрению во всех случаях, особенно если судья находит закон отсталым или несправедливым.

Переходя к вопросу о независимости суда, Беляцкин рассматривает аргументы за и против несменяемости судей и избрания

судейских коллегий парламентами. Вполне злободневный вопрос.

О науке уголовного права в советской России пишет в № 11/12 журнала «Закон и суд» Ал. Маклецов. Исходя из известного факта подчинения всех общественных наук в советской России «единственному научному» марксистскому методу, в том числе и науки уголовного права, Маклецов говорит: «Беда только, что Маркс и Ленин не были криминалистами». Он продолжает: «В марксисткой догме все, как известно, предрешено... Для нее совершенно ясно, что *преступность внутренне присуща капиталистическому строю и что она может исчезнуть только с переустройством общества* (выделено автором. — *Л.Ф.*). Не удивительно, — заключает Маклецов, — что для свободной научной мысли и свободного непредвзятого исследования здесь нет места». Тем не менее он перечисляет ряд заслуживающих внимания работ по отдельным вопросам, преимущественно принадлежавшим юристам старшего поколения, которым все-таки удалось быть опубликованными в 1920-х годах вопреки «гнету со стороны монополистов марксистской догмы».

Особо хочу выделить № 10 «Закона и суда» за 1934 год. В нем за подписью П. Якоби напечатана статья, посвященная судебной реформе Александра II, озаглавленная «Величайший памятник культуры». Привожу ее целиком по новой орфографии, но сохраняя авторские выделения слов.

«“Правда и милость да царствуют в судах!”

Эти слова прозвучали в манифесте 19 марта 1856 г., этими словами начинался именной указ Прав. сенату 20 ноября 1864 г. о введении в действие Судебных уставов, эти слова были начертаны на фронтоне здания судебных установлений в столице России, эти слова передают дух Судебных уставов, являющихся классическим памятником гуманности и правосудия.

В чем же заключается величие этого законодательного акта? Почему до сих пор всякий человек с развитым чувством правосознания с благоговением произносит слова “Судебные уставы”?

“Все познается через сравнение”, и величие этого памятника выдающегося законодательного творчества сразу выступает, как

только нормы Судебных уставов сравнить со смененными ими дореформенными порядками, основанными на формальном процессе, покоящемся на сыскном начале, и с тем, с позволения сказать, *судебным порядком*, который водворился на развалинах правовой России.

Теперь нам трудно представить себе дореформенный суд в России с его формальными доказательствами, когда человек осуждался на основании чисто арифметического подсчета показаний «за» и «против» обвиняемого, причем законом была установлена особая таблица расценки свидетельских показаний, из которых показанию духовных лиц отдавалось первенствующее место среди доказательств, мужчина имел преимущество перед женщиной, хозяин перед слугой и т. п.

Разве не курьезом звучит 333-я ст. свода законов уголовных, кн. II (т. XV изд. 1857 г.), гласившая:

"При равной степени достоверности законных свидетелей в случае противоречия их давать преимущество:

1) мужчине перед женщиной;

2) знатному перед незнатным;

3) ученому перед неученым;

4) духовному перед светским".

А институт "остановления в подозрении" лица оговоренного, но который "будет одобрен в повальном обыске", "не быв совершенно уличен"! (ст. 31, там же).

Судебные уставы на смену формальным предустановленным доказательствам выдвинули принцип внутреннего убеждения судьи, расценивающего степень достоверности каждого свидетельского показания исключительно на основании своей судейской совести, таким образом суд мог придать веру показанию одного слуги перед двумя свидетельскими показаниями своих господ, что раньше было немыслимо.

Но это могло быть допущено только при введении в *Уставы принципа равенства всех перед уголовным законом. Отсюда вытек принцип равноправия сторон при состязательном начале на суде*. Обвинение и защита должны бороться равным оружием на суде, причем в уголовном суде последнее слово оправдания

признано за подсудимым (749 ст. У.У.С., изд 1914 г.). Этот гуманный принцип — не единственный в Судебных уставах: в силу основного положения, что *всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого*, при разделении голосов судей преимущество отдается мнению наиболее снисходительному к участи подсудимого (760, ст. 813 ст. У.У.С., изд. 1914 г.). По *Уставам всякому обвиняемому предоставлен ряд гарантий против необоснованного ареста и вздорности обвинения. Всякому аресту должен предшествовать акт постановления по предъявляемому обвинению, объявляемого заподозренному лицу, причем допрос должен быть "снят немедленно и никак не позже суток после явки или привода обвиняемого"* (У.У.С., изд 1914 г.).

Какой чудовищной жестокостью показалась отмена этой гарантии после революции 1917 г., когда люди стали томиться в застенках без предъявления какого-либо обвинения и допроса в течение многих месяцев! Как нас, приученных Судебными уставами к основам признания неприкосновенности личности и святости домашнего очага и собственности, должно было тяжело поразить засилье коллектива и большевистского вторжения в святая святых жилища!

Судебные же уставы сплошь пропитаны принципом уважения и защиты личности, даже впавшего в преступление гражданина.

Насколько диким после привитого нам Судебными уставами принципа личной ответственности явился возрожденный коммунистами институт древности — "заложничество", когда ни в чем не повинные лица были ввергнуты в тюрьмы для достижения *самоуправцами* своих преступных вожделений!

Следующими ценными основами Судебных уставов явились принципы устности, сменившие письменное производство дореформенных судов, и принцип гласности, уничтоживший прежнюю канцелярскую тайну в судебных делах.

В целях обеспечения свободы и беспристрастия суда Судебными уставами к вынесению решений суда привлечена общественность путем *призыва к служению правосудию судей общественности совести — присяжных заседателей*, завоевавших такую симпатию в широких кругах населения. И действитель-

но, только в присяжном суде налицо широкая проверка доказательств.

Ценным благом Судебных уставов явилось введение *института несменяемости судей*, давшего тот незабываемый тип самостоятельного судьи, которому можно было бы привести многочисленные примеры. Об этом, впрочем, позаботился своевременно в своих воспоминаниях Кони, нарисовавший достаточно ярко тип русского беспартийного бескорыстного труженика судьи по Судебным уставам.

Крайне удачной явилась постановка Прокуратуры по Судебным уставам, сделавшая прокурора не только государственным обвинителем, но и представителем законности. По Судебным уставам прокурор, в отличие от французского типа прокурора, *может всегда отказаться от обвинения: он — говорящий судья...*

Таковы главнейшие черты Судебных уставов императора Александра II.

Воздадим же создателям этого гуманного памятника законодательства всех времен и народов наши чувства уважения!

Было бы несправедливо не коснуться в заключение личности того, кто дал свое имя Уставам.

Ошибкой было бы думать, что венценосное имя Судебным уставам было дано, так сказать, honoris causa — вроде наименования, например, кодекса Наполеона и т.п., император Александр во многом содействовал внесению в уставы гуманных начал. Все имеет “за” и “против”. Одним из “за” было то время, когда создавались уставы. Тогда не было дробления правящих кругов на непримиримо борющиеся партии, препятствующие своей партийной предвзятостью мнений научной работе; случайное большинство не имело решающего значения, да и вообще, можно ли сказать, что *большинство* само по себе обеспечивает торжество истины и справедливости? Пишущему эти строки пришлось держать в руках пожелтевшие от времени листы журналов Государственного совета, где на полях рукой Александра II против мнения большинства и меньшинства членов Государственного совета были сделаны карандашные резолюции, причем сплошь

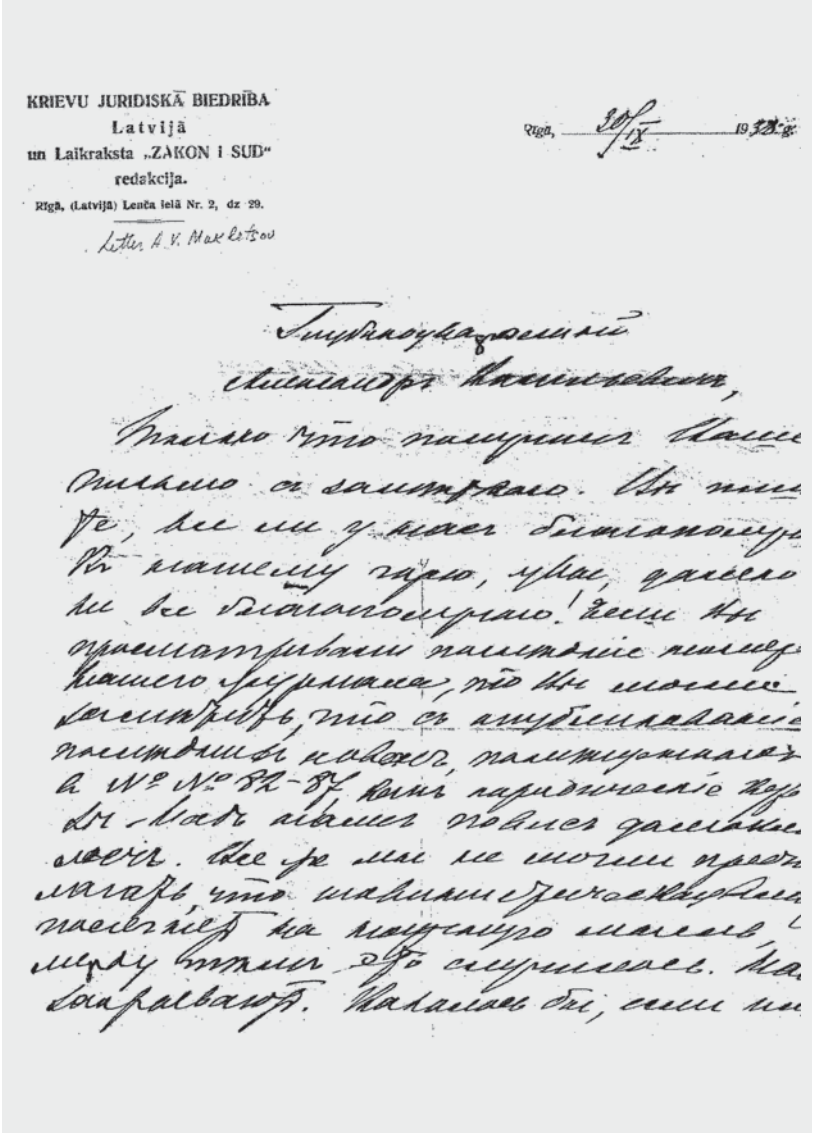
да рядом император соглашался с мнением меньшинства, склоняясь в пользу гуманного разрешения вопроса. Личное участие государя в законодательных реформах того времени выявляется особенно ярко в случае, когда в общем собрании деп. Государственного совета — при окончательном обсуждении вопроса об освобождении крестьян, — Александр II, встретив многочисленную оппозицию особенно реакционно настроенных сановников, стукнул кулаком по столу и грозным окликом: “Я так хочу!” — решил судьбу величайшего исторического факта.

Заканчивая, мы не можем не выразить чувства преклонения перед величием духа создателей Судебных уставов, благодарности и признательности тем, кто проводил в жизнь великие идеи, осуществляя на деле принципы Судебных уставов, и пламенную надежду, что будущие служители правосудия на родине незабвенных Уставов вновь воздвигнут их знамя там, где коммунизм потряс основы совести и права».

Такими словами заканчивается статья П.Н. Якоби в журнале «Закон и суд», посвященная 70-летию Судебных уставов 1864 года. Сегодня, в 2014 году, можно было бы отметить их 150-летие!

Журнал «Закон и суд» существовал на ничтожные средства, жил из номера в номер: на оплату одного вышедшего номера выпускался следующий. Тем не менее он просуществовал десять лет. Как писал его редактор, «всякий старался внести в общее дело что мог и нес жертвенно и бескорыстно свой труд, несмотря на тяжелые порой условия личного существования, на пользу единственного органа юридической мысли за рубежом». Но вот в 1938 году правительство Карлиса Ульманиса запретило дальнейший выход журнала на том основании, что «в пределах Латвийского государства есть место только... для латышской культуры». Это был прямой результат переворота 15 мая 1934 года, после которого Ульманис и его правительство стали последовательно проводить политику, направленную на создание единой национальной, т. е. латвийской, культуры.

В дошедшем до наших дней письме к Александру Васильевичу Маклецову от 30 сентября 1938 года (оригинал в Библиотеке конгресса в Вашингтоне) дедушка пишет:



KRIEVU JURIDISKĀ BIEDRĪBA
Latvijā
un Laikraksta „ZAKON i SUD"
redakcija.
Rīgā, (Latvijā) Lenča ielā Nr. 2, dz 29.

Letter A. V. Makletsov

Rīgā, 30/IX 1937 g.

Глубокоуважаемый
Александръ Васильевичъ,

Только что получилъ Ваше
письмо съ замѣткою. Вы пи-
те, все ли у насъ благополучно
Къ нашему горю, увы, далеко
не все благополучно! Если Вы
просматривали послѣдніе номера
нашего журнала, то Вы могли
замѣтить, что съ опубликованіемъ
послѣднихъ новыхъ, политическихъ
въ №№ 82-87 какъ нарядическіе кор-
ды - надъ нами повисъ дамокло-
вочъ. Все же мы не могли предъ-
лагать, что шовинистическая кли-
посягнетъ на научную мысль,
между тѣмъ это случилось. Ма-
хаирываютъ. Казалось бы, если ни

1-я страница письма П.Н. Якоби от 30 сентября 1937 г. Александру Васильевичу Маклецову на бланке журнала «Закон и суд» о предстоящем закрытии журнала.
Архив Библиотеки конгресса США

«Над нами повис дамоклов меч... мы не могли предполагать, что шовинистическая власть посягнет на научную мысль, между тем это случилось. Нас закрывают. Казалось бы, если им не нужен наш журнал, то зачем же закрывать возможность следить за развитием русской юридической мысли тем, кто интересуется нашим журналом. А вот видите же, мегаломания и шовинистический обскурантизм пресек нашу деятельность».

После этого разрешено было выпустить последний, заключительный номер. Всего за 10 лет существования в 90 номерах журнала появилось 395 статей, не считая заметок в летописи, хронике и почтовом ящике — разделах, которые вел сам Якоби.

В заключительном номере редакция высказывает надежду:

«При смене действующего в СССР бесправного режима, с переходом к принципам правового государства русский законодатель найдет ценный материал в этом единственном за рубежом хранилище русской юридической традиции, где собрались труды по разработке русского права в преобразовавшихся соседних государствах. В этом, в перспективе истории, значение нашего журнала, ныне прекратившего по независимым от издательства причинам свое существование».

Через год после закрытия журнала разразилась Вторая мировая война. Советская оккупация Латвии сменилась немецкой, потом снова советской... Журнал был изъят из библиотек, исчез из личных архивов. Его полный комплект сохранился в двух-трех крупных библиотеках мира. Этим воспользовался сын латышского сенатора Августа Лебера Дитрих Андрей Лебер, который на средства фонда имени его отца в 2000 году выпустил в Риге восемь томов факсимильного издания журнала.

Теперь журнал «Закон и суд» имеется не только в Латвии; некоторые комплекты его попали и в Россию, в частности в библиотечный фонд Дома русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве.

X. МАМА

Дедушка любил всех своих детей, ценил и поощрял их способности, снисходительно прощал проступки и в силу своих возможностей поддерживал материально. Но с моей мамой у них были особенно теплые отношения. Сравнивая себя с королем Лиром, он называл ее своей Корделией и говорил, что Зина закроет ему глаза, чего, как мы знаем, не случилось.

У мамы были несомненные способности к рисованию и ваянию, она прекрасно схватывала сходство людей, но, окончив в Риге гимназию Лишиной, за неимением средств, вместо того чтобы учиться живописи, сразу приступила к поискам заработка. Еще совсем молодой и неопытной она как-то решила взять пансион в Белом замке в свои руки. Дала объявления в газете, пообещав первоклассную кухню. Но нанять заблаговременно необходимый персонал не могла — не было денег. Далее из ее воспоминаний:

«Вот наступил день, когда должен был приехать первый, очень богатый пансионер. Прислуги не было... за кухарку все та же Марта. Я вставала рано, ждала, когда пансионер шел брать серные ванны, неслась в его комнату, убирала ее, потом убирала весь дом. Марта готовила обед, а за обедом сидели двое — я и этот богатый человек. Он прожил там недели три, а когда уезжал, сунул мне чаевые для прислуги и сказал: “Первый раз в жизни я жил в пансионе, где никогда не видел прислуг. Это было очень приятно”. Поблагодарив, я взяла его деньги. Стали набираться и другие пансионеры. Так как я была знакома со многими состоятельными людьми, то они решили поддержать мое предприятие и приехали целым скопом на все лето, что очень помогло делу».

Мама продержала пансион только одно лето, но многим постояльцам, сдружившимся с семьей Якоби, так понравилась

Выпускной класс женской гимназии Лишиной. Зина Якоби — 3-я справа в 3-м ряду. Рига, 1927. *Личный архив автора*

жизнь в Белом замке, что они и дальше стали приезжать туда, когда пансионом заведовал сам Ника Мицкевич.

Работала мама одно время репетитором, натаскивая какого-то нерадивого ребенка по арифметике. Потом поступила в немецкое страховое общество, где ей пришлось увертываться от ухаживаний шефа: «Зина Петровна, — говорил он ей, — Вы знаете, что такое вожделение?» — «Нет, не знаю», — отвечала Зина Петровна, и он отставал. Однажды шеф тщетно уговаривал ее принять в подарок драгоценное кольцо. Мама кольцо отвергла, оно куда-то закатилось, и шеф долго ползал по полу, стараясь его найти.

Из всех сестер самой близкой маме была Вера. В Петербурге маленькую Верочку однажды сводили в балет. Он произвел на нее ошеломляющее впечатление. Стать балериной сделалось

ее мечтой, к чему она неукоснительно стремилась. На этой почве Вера подружилась в Риге со своей сверстницей Галей Черновой. Обе поступили в балетную студию, которую вела прима-балерина Александра Федорова, в прошлом блиставшая на сцене Императорской оперы в Санкт-Петербурге. Подруги оказались способными, занимались с большим усердием и рано начали выступать на сцене.

А на домашней сцене появился брат Галины — Сергей. Появился не сразу: затащила его туда Галя. Потом он долго у Якоби не показывался. На уговоры матери, которая близко подружилась с Сусанной Яковлевной, пойти туда, где много молодежи, отмахивался: «У Якобов слишком шумно!»

Сергей, сын инженера Николая Абрамовича Чернова, окончил в эмиграции русскую гимназию в Берлине. Мечтал стать капитаном дальнего плавания. Однажды, пока семья жила в Берлине, сбежал из дома, чтобы попасть в Гамбурге на какое-нибудь судно. Но проголодав там беспризорником какое-то время, поневоле, поджав хвост, вынужден был вернуться в родительский дом и смириться с уготован-

Зинаида Петровна Якоби.
Рига, 1928.
Личный архив автора

Сергей Николаевич Чернов.
Рига, 1930-е гг.
Личный архив автора

ной ему участью — стать инженером. Свое высшее образование и диплом инженера-механика Сергей получил в Германии, кажется в Марбурге. К тому времени родители с Галиной уже обосновались в Риге, где отец открыл собственную небольшую фабрику. Сергей, окончив университет, должен был ему помогать вести дело, но сперва пришлось отбыть воинскую повинность в латышской армии. Ходил он с обритой головой, в солдатской форме. В таком виде, причем не слишком трезвом, он вторично явился к Якоби — с пасхальным визитом. Уходя, по ошибке надел чужое пальто, которое потом пришел вернуть. На сей раз мама оказалась дома. С того дня Сергей зачастил.

Была зима. У мамы начинался рождественский отпуск, который она решила провести в Бальдоне, прихватив с собой маленькую Гонечку. Этому событию посвящается мамино стихотворение, написанное 18 декабря 1929 года.

С автобуса тряского
До дома уютного
Пол большой версты.
А дорога вязкая,
Мгла такая мутная,
Скользкие листы...

Мы в Бальдон приехали.
Гоню в новой шапочке
Всю покрыл туман.
Это ль не потеха ли:
Гоня детской лапочкой
Тащит чемодан!

«Что, упала, Гонечка?
Поскользнулась ноженька?
Ничего, вставай!
Ты ступай легонечко,
Боль прогонит Боженька...
Слышишь, уже лай!»

Гонечка торопится...
Вон и окна светятся.
Там горячий чай.
В доме печка топится,
Гоня с Мартой встретится,
А затем — бай-бай.

Встретились они не только с Мартой. Первой работой Сергея оказалось наблюдение за постройкой электростанции... в Бальдоне.

После мамы осталось две тетрадки ее стихов. Стихотворение про поездку в Бальдон — одно из самых последних: счастливая любовь вытеснила музу. Спустя четыре месяца мои родители повенчались. Венчались они в православном кафедральном соборе. После праздничного ужина поздно ночью отправились в короткое свадебное путешествие в Зегевольд (Сигулда), где находился старинный рыцарский замок. Повез их туда на машине Ника Мицкевич. Не успели выехать из Риги, как на них напали бандиты в черных масках с каким-то оружием в руках. Это вечный выдумщик Коля мобилизовал гостей, среди которых был и незадачливый мамин шеф.

Молодые сняли комнату в одном семействе (на отдельную квартиру денег не было). Через

Зинаида Якоби во время венчания. Рига, 23 апреля 1930.
Личный архив автора

Православный кафедральный Христорождественский собор в Риге, 2000-е гг.

неделю после свадебного путешествия мама устроила прощальную вечеринку для своих бывших сослуживцев, благо незадолго до свадьбы она выиграла на балу в лотерею замечательный фарфоровый сервиз известной фирмы «Розенталь».

«Но в шуме и свалке вечеринки моя приятельница, подвыпив, поставила все чашки на подоконник, а потом, забыв об этом, открыла окно. Все вывалилось на улицу, разбившись на мелкие куски. На следующий день мой бывший директор, живший напротив, но который не был приглашен на вечеринку, сказал: “Зина Петровна, что происходило? По нашей улице идти нельзя!” Вот так началась моя брачная жизнь».

Скоро мама начала шить на заказ платья. Это оказалось большим подспорьем, так как дела на фабрике Чернова шли не блестяще. Спустя немногим более года со дня свадьбы Сергея и Зины родилась я.

Бабушка Суся, Сусанна Яковлевна, посвятила мне такое жизненное наставление:

Внучка моя Люсенька,
Ты еще малюсенька.
Будешь жить подольше,
Будешь знать побольше.

Есть на свете радости,
Есть на свете гадости,
Испытать все нужно,
Жить лишь надо дружно.

Поклонися Боженьке,
Поклонися в ноженьки,
Чтоб как у овечки
Дал тебе сердечко.

Чтоб любовью, ласкою
Скрасить дни, как сказкою,
А за огорченья —
Силу для прощенья.

Чтобы в жизни благостной
Сердце билось радостней,
Как из церкви дальней
Перезвон пасхальный.

Жила наша маленькая семья поначалу бедно. Помню себя двух-трехлетним ребенком на улице Мартас (Мартовской), где мы ютились в деревянном вросшем в землю домишке — окна выходили прямо на тротуар. Позже жили на центральной улице Бривибас с родителями отца, где меня баловали дедушка и бабушка Черновы.

Люся Чернова (автор) с собакой Бенкой. Бальдон, 1934.
Личный архив автора

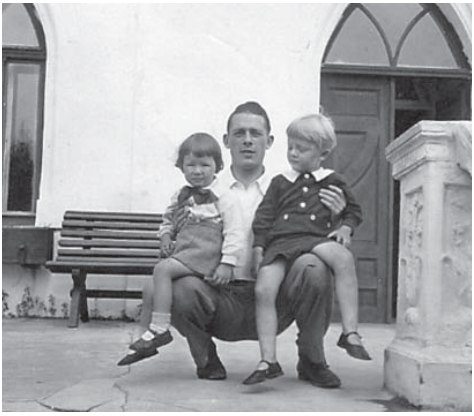
Задним числом стараюсь понять, на какой почве состоялась дружба между монархистами по убеждению Якоби и в прошлом революционерами Черновыми, сосланными при «кровавом» царском режиме в Вологду? По отбытии ссылки они благополучно приехали на жительство в Петербург. Дедушка, забыв про революцию, настолько преуспевал в своей специальности, что к 300-летию дома Романовых ему, бывшему политическому ссыльному, было поручено руководить в Москве устройством праздничной иллюминации!

После октябрьского переворота жизнь дедушки Чернова оказалась под угрозой со стороны большевиков. Ему и его семье пришлось спасаться бегством из страны. Увлечение революцией хотя и осталось позади, но все же старые Черновы придерживались левых взглядов, и когда обе семьи собирались за праздничным столом, то споры о том, кто погубил Россию, были громкими и яростными. Так спорить могут только русские!

Родители мои политических дебатов сторонились: их друзья придерживались разных убеждений. За бортом дружбы оставались только коммунисты, а впоследствии и появившиеся на сцене нацисты.

Со временем родители материально оперились: папа получил работу инженера на вагоностроительном заводе, а мамино швейное дело превратилось в настоящий салон мод. Мы переехали в собственную квартиру. Портниха-самоучка добилась того, что она стала обшивать жен иностранных дипломатов, щеголявших в ее туалетах на официальных приемах. Недавно от дочери маминой подруги, жены тогдашнего латвийского военного атташе в Лондоне, я получила фотографию, на которой мать и дочь сняты на королевском приеме в Виндзорском дворце в сногсшибательных вечерних туалетах, созданных моей матерью.

Тем временем Верочка и Галина, ставшая моей крестной матерью, перешли из студии Федоровой в балет Рижской оперы и выдвинулись в солистки. Крестная выступала под своей фамилией, как Галина Чернова, а Верочке отец, который вообще-то не был снобом, вдруг упершись, запретил ставить на афиши фамилию Якоби! Выручила бабушка: ее ничуть не смущало, что ее девичья фамилия будет использована дочерью для сцены. Так Верочка приобрела известность солистки рижского балета как Вера Лихачева. Она успешно выступала в главных ролях в «Лебедином озере», «Эсмеральде», в «Половецких плясках»,



Сергей Николаевич Чернов с дочкой Люсей и племянником Денисом. Бальдон, 1934.
Личный архив автора

Вера Петровна Якоби (Лихачева). Рига, 1930-е гг.
Личный архив автора

Вера Лихачева.
Рига, 1930-е гг.
Личный архив автора

Галина Чернова.
Рига, 1930-е гг.
Личный архив автора

«Бахчисарайском фонтане»... Иногда, если она или Галина получали контрамарки, нам — Гонечке, Денису и мне — выпадало счастье побывать на спектакле. Моим первым балетом оказался «Дон Кихот». Сидя на сундуке в передней квартиры Якоби, мы с Денисом обменивались впечатлениями. На вопрос, как мне понравился балет, я ответила, что «Тонкий Ход» мне понравился, но еще больше понравился «Толстый Ход» — первый все больше расхаживал по сцене весь в латах, а второй (Санчо Панса) куда смешнее! Я бы, конечно, не запомнила этого разговора, но его услышал кто-то из взрослых, и было смеху...

В «Бахчисарайском фонтане» Верочке выпала честь танцевать Зарему. Я была уже постарше и очень переживала ревность грузинки, с замиранием ожидая, когда Зарема — Вера совершит свой последний прыжок и бросится в пропасть. А вот бледная Мария не вызывала у меня ни малейшего сострадания. Под впечатлением балета обратилась к Пушкину. Стала я читать: «Гирей сидел, потупя взор; / Янтарь в устах его дымился...» Вот с этих волшебных слов пошла и моя влюбленность в Александра Сергеевича.

Мамино дело пошло, и в ее мастерской появилось несколько мастериц, больше, нежели полагалось по нашей жилплощади. Как-то к нам нагрянул латышский инспектор; одна мастерица, забыв снять наперсток, сделал вид, что она моя нянька, другая бросилась на кухню изображать кухарку, и только две остались на своих местах за большим столом для кройки. Должна сказать, что я очень любила околачиваться возле них. В мастерской было много смеха и шуток, маму называли Шефенькой, и я не помню, чтобы среди мастериц происходили какие-нибудь склоки. Выходившие из маминого салона туалеты и ее умение ладить с людьми создали ей в Риге прекрасную репутацию. Некоторые из ее заказчиц стали верными друзьями и впоследствии, когда мирная жизнь распалась и нашу семью стало носить по разным странам света, оказали нам существенную помощь.

Из всех сестер Якоби мама была самой практичной, решительной и смелой. Я была не раз свидетелем того, как она в критические минуты военного времени заступалась за людей, никогда не поддавалась панике или отчаянию, стараясь найти выход из любой ситуации.

Во время немецкой оккупации мать моя приняла деятельное участие и в акции спасения детей из концентрационного лагеря Саласпилс. Немцы поместили туда детей, вывезенных из уничтоженных ими белорусских деревень в той полосе, которую они «зачищали» от партизан. Причем (жуткая подробность!) стариков запирали в хаты и живьем сжигали в них. Женщины и дети были угнаны под Ригу, в Саласпилс. Потом их разлучили, отправив матерей якобы на работу в Германию. На самом деле, как позже выяснилось, если не все, то многие попали в лагерь смерти Треблинка и вскоре там погибли. Травмированные и голодающие дети были оставлены немцами в Саласпилсе на умирание.

Почти чудом, при участии митрополита Сергия (Воскресенского) и Русского комитета, удалось получить от немецких властей разрешение раздать детей по частным семьям при условии, что это будет проведено без особой огласки. Тем не менее весть о том, что такого-то числа в рижский православный женский монастырь станут привозить погибающих детей, мгновенно обле-

тела город. Детей брали и русские и латыши, и молодые семейные пары и люди преклонного возраста. Участие мамы в переговорах с немцами помогло урегулировать разногласия, возникшие в связи с деталями доставки детей в Ригу. Их, завшивевших, истощенных до предела и страдающих дизентерией, стали привозить из Саласпилса в монастырь на грузовиках. Мама и другие помощники выносила их на руках и помогали распределять среди приемных родителей. Помню, продолжалась эта акция несколько дней, но в первый же день мама привезла домой шестилетнюю еле державшуюся на ногах девочку Тасю. Ребенок, говорила мама, с самого начала не спускал с нее своих больших черных глаз. У детей на шее висели деревянные бирки с их именем и примерным возрастом, а у Таси на веревочке был еще и крестик, вырубленный из советской копеечки. Его сделал ее отец, которого, говорила она, расстреляли.

Тася, приемная дочь Черновых, через несколько месяцев после спасения из лагеря Саласпилс. Рига, 1943.
Личный архив автора

Мамина сестра Вера тоже откликнулась на бедственное положение детей. Ее сердцем завладел четырехлетний золотушный мальчик Шура. Так эти двое — Тася и Шурик — прочно вошли в нашу семью. (Подробности описаны в очерке «Страшное детство» в сборнике «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции».) Ужасно было то, что для некоторых из этих детей помощь пришла слишком поздно. Помню я очаровательную трехлетнюю девочку, которую взяла к себе Анна Андреевна Гумилева (речь о ней впереди). Когда я пришла посмотреть на этого ребенка, девочка была уже при смерти.

Ни о каком официальном удочерении Таси под немецкой оккупацией в Риге не могло быть и речи. Поэтому, когда нам при-

шлось уезжать из Латвии в Германию, мама не долго думая сама вписала в свой латвийский паспорт Тасю как собственную вторую дочь. Так она и проходила дальше через все этапы нашего скитания, вплоть до Америки, как Таисия Чернова, рожденная в Риге 16 апреля 1935 года. Дату эту придумала мама. Она же сочинила и липовый документ для Шурика.

Был у мамы верный поклонник, которого дома называли только по фамилии — Недумов. Поэтому не знаю, был ли он Алексеем или Александром. Он писал стихи и говорил: «Писать можно, но не обязательно печататься». И не печатался. Умер Недумов в Австралии. В маминых бумагах сохранилось аккуратно написанное от руки стихотворение, которое он ей посвятил, когда я была еще совсем маленькая и мы жили в домике на Мартовской улице. Надеюсь, мне простится, если предам его огласке:

ЗИНЕ

Как ни навязчивы волненья,
Пора привыкнуть в тридцать лет
Переносить без исступленья
Существованья тихий бред.

И заглушая в сердце строго
Неврастеническую муть,
Люблю знакомою дорогой
В Ваш переулок заглянуть,

Где у наивных низких окон
Так мирно дремлют тополя,
Что забываешь, как жестока
Осатанелая земля.

И долгий вечер с Вами рядом
В глаза спокойные смотреть.
Под этим ясным умным взглядом
Так просто: жить и умереть.

Ал. Недумов

XI. РУССКАЯ РИГА

Наиболее исчерпывающую информацию о русских в Латвии и ее столице Риге дает историк Татьяна Фейгман (Фейгмане). Ей принадлежит книга «Русские в довоенной Латвии» (Рига: Балтийский русский институт, 2000). Здесь и таблицы, дающие представление о национальном составе населения, где русские были самым многочисленным национальным меньшинством, и вся многовековая история взаимоотношений между латвийским и русским народами. В частности, Фейгман указывает, что приток русских поселенцев на территорию Латгалии (восточная Латвия), входившей в состав Речи Посполитой, начался в конце XVII столетия. Это были гонимые у себя на родине старообрядцы. Некоторые их потомки до сих пор живут в Латгалии, другие расселились по иным районам Латвии. Помню, в моей рижской 13-й русской школе был значительный контингент учеников-старообрядцев, живших преимущественно на так называемом Московском форштадте. Кстати, Фейгман отмечает, что старейшим русским обществом в Латвии была Гребенщиковская старообрядческая богадельня, основанная еще в 1813 году богатым рижским купцом А.П. Гребенщиковым и просуществовавшая до 1940 года, т. е. года присоединения Латвии к СССР.

В книге Фейгман можно найти справки о русских учебных заведениях, русской профессуре, молодежных, религиозных и студенческих организациях, книгоиздательствах, газетах, об участии русских в политической жизни страны, о православной церкви, политических и общественных организациях, о русских в академической жизни страны и об их участии в культурной жизни Латвии. Это исключительно ценный и всеобъемлющий труд, из которого можно вынести весьма полное представление

о насыщенной жизни русской общественности в период между двумя мировыми войнами.

Есть еще один автор, который описывает Ригу между двумя войнами, но делает это в жанре художественной прозы. Я имею в виду писательницу Ирину Сабурову (настоящие имя и фамилия Ирина Евгеньевна Кутитонская, 1907–1979). Она дружила с несколькими членами семьи Якоби и вывела их в своем романе «Корабли старого города».

В добрые рижские времена Сабурова сотрудничала в русских газетах как журналист Тонский, а под псевдонимом Ирина Сабурова публиковала свои рассказы в журнале «Для Вас». Начинались они с речитатива вроде: «В королевстве Алых Башен жили рыцари и маги, и на самой древней башне — старый мудрый Звездочет: он скрипел пером гусиным и записывал, что было и что будет каждый год...» Оказавшись после войны в Мюнхене, Сабурова выпустила книгу под названием «Королевство Алых Башен», в которую вошли ее рассказы, печатавшиеся в Риге. Книжка была на дешевой бумаге, в мягкой обложке, а на ней, помню, были изображены красные средневековые башни и пепельница с дымящейся папироской. На обороте стоял штемпель оккупационных властей, свидетельствующий, что книга политически не предосудительна и допущена к печати. Таких книг в ранний послевоенный период были единицы, и каждая из них — нарасхват. Мы, гимназистки, зачитывались «Королевством...» с упоением. После пережитых ужасов войны и беженства, на фоне послевоенной разрухи и нужды эти сказки для взрослых о несуществующем «царстве» действовали на нас пленительно: «...в королевстве Алых Башен никогда не лились слезы, в королевстве Алых Башен было счастье без конца». А для меня они имели особую прелесть, напоминая мирную жизнь родного города. Часто действие их происходило под Рождество, которое в ганзейской Риге отмечалось особенно празднично и вкусно. «Так, перед сочельником, бродишь, заглядываясь на все эти замечательные заманчивые вещи — пестрые переплеты сказок в строгих книжных витринах, яркие бумажки конфет, толстые коричневые пряники в ватном снеге

кондитерских», — писала Сабурова. Ведь все это действительно было!

Живя в Мюнхене, Ирина Сабурова продолжала писать. Она выпустила небольшой сборник стихов «Разговор молча» (1956) и несколько книг. Главный труд ее — роман «Корабли старого города», написанный в 1947–1949 годах, впервые увидел свет в немецком переводе с рукописи в 1950 году («Die Stadt der verlorenen Schiffe»). По-русски книга вышла в Германии значительно позже (1976), а в 2005 году была издана там, где разворачивалось ее действие, в самой Риге.

В предисловии к книге Сабурова говорит:

«О русских балтийцах, очевидно, некому больше рассказать, а ведь мы представляли собой исторический и политический курьез: русское население, коренное и пришлое (после революции), жившее в трех балтийских республиках — Латвии, Эстонии и Литве (всего примерно около полумиллиона), — оказалось на Западе, в “эмиграции”, хотя и продолжало жить на своей родине».

Сабурова напоминает, что мы были не иностранной колонией, как все остальные эмигранты, а национальным меньшинством со своими школами, церковью, печатью, театрами и разными общественными организациями. Вот этому русскому миру Сабурова и посвятила фабулу своей книги.

Рига город небольшой, а русская Рига — и подавно. Там в среде интеллигенции 1920–1930-х годов почти все друг друга знали. Поэтому некоторых героев романа можно опознать без труда. Скончавшийся в Риге исследователь Юрий Абызов, который положил много сил на то, чтобы не пропал след русских, живших и творивших в Прибалтике между двумя мировыми войнами, написал послесловие к роману Сабуровой и раскрыл реальные имена его прототипов. Он поместил в книге и ряд фотографий, в том числе и семьи Якоби. Абызов справедливо называет роман в значительной мере автобиографическим. Героиня Джан — сама Сабурова, муж героини, Бей, списан с Александра Перфильева, журналиста и поэта. Там фигурирует под именем Нездолин видный русский режиссер Константин Незлобин, основатель Студии Народного театра, а несколько членов семьи Якоби — под

фамилией Девиер: дедушка Петр Николаевич у нее становится Петром Федоровичем, Маврик — Лавриком, а бабушка из Сусанны Яковлевны превратилась в отзывчивую (какой и была в действительности) Екатерину Андреевну Девиер. Правда, тут авторская фантазия зашла слишком далеко: в лютую зиму советского года Екатерина Андреевна, спасая от НКВД рукопись какого-то профессора, садится на льдину и на ней уплывает в Швецию! Представить себе мою тучную бабушку, которая даже в море не купалась, сидящей на льдине, признаться, трудно.

Под именем Варвары Вересковой можно узнать в романе недоброй славы журналистку Киру Верховскую, оказавшуюся, как многие не без основания считали, советским провокатором и автором доносов, приведших к аресту ряда лиц. Вот отрывок из романа, касающийся этой персоны:

«— А я вот слышал сегодня еще одну, но совсем сногсшибательную новость, — заявил Лаврик. — Конечно, слух еще не проверен...

— А именно?

— Вара Верескова — агент-провокатор, — отрезал Лаврик.

— Я всегда говорил, что она сволочь, а вы мне не верили! Умная женщина, как же!

— Нельзя же так сразу, Бей, обвинять человека... Для чего ей это? — недоумевает Джан. — Конечно, в газете она потеряла место, но неужели другой работы не найдется? Она и на машинке пишет, и языки знает...

— Да не стала она агентом только, а и раньше работала для них, — громко заявляет с порога незаметно вошедший Петр Федорович.

— Здравствуйте, господа. Что это у вас — двери раскрыты, и каждый войти и услышать может. Вы эти буржуазные замашки бросьте. Да, так вот относительно Вары Вересковой: к сожалению, не слух. Она сейчас работает в НКВД и имела достаточно времени, чтобы приготовить все списки заранее. Верескова вела русский отдел в газете, состояла во всех эмигрантских обществах и знает подноготную каждого. Уже достоверно известно, что газетные сотрудники и сокола, арестованные в первую очередь, — ее работа. А кроме того, многие другие...

— Если уже вы говорите, Петр Федорович, — значит, сомневаться не приходится...»

Не все, разумеется, по фабуле совпадает с судьбой прототипов. На то это и роман. Зато Сабурова очень точно передает атмосферу, в которой эти люди жили, творили, общались. Часть действия романа происходит за кулисами театра, для которого героиня Джан пишет свою пьесу.

Сделаю отступление: в Риге поначалу было два русских театра: Студия Народного театра, в основном любительская (1928–1930), и Театр русской драмы, где мой дядя Маврик подрабатывал декоратором. Они, как отмечает Фейгман, конкурировали между собой за право быть признанными властями, вообще-то не поощрявшими существования русской сцены. Соперничество закончилось победой Театра русской драмы, вобравшего в себя плеяду артистов, известных еще в России. Позднее театр был переименован в Русский театр и оставался согласно Фейгман единственным действующим русским театром за рубежом. Впервые после детства я попала в него, приехав в Ригу во второй половине 1980-х годов. Давали пьесу Галича «Матросская тишина». Постановка была хорошая, играли тоже хорошо, но публика... публика была уже не та: куда девались дамы в пусть единственном, но элегантном платье, мужчины, целующие им ручки, девицы с кавалерами, которые предупредительно снимают с них пальто в гардеробе? А главное, не было оживленного обмена впечатлениями между давно и хорошо друг друга знавшими людьми.

Общительность, вот что было так характерно для довоенной Риги. Где только русские не встречались: после воскресной литургии в одной из многих церквей, на собраниях студенческих организаций, в театре, на концертах, балах и вечеринках. Встречались в Обществе русских артистов и в других объединениях, забегали друг к другу просто так, без предупреждения (мало у кого был тогда телефон), а стоило выйти из дома и куда-нибудь отправиться пешком или на трамвае, вы непременно встретите кого-то из знакомых.

Дедушкин мир вне семьи был обусловлен широкой общественной деятельностью, но дети Петра Николаевича сторони-

лись формального участия в каких-либо организациях, слишком они были независимыми индивидуалистами, предпочитая чисто дружеское общение с людьми. Оба брата Якоби были завсегдатаями той журнальной и театральной богемы, к которой принадлежала и сама Сабурова. Зная хорошо эту среду и наиболее ярких ее представителей, Сабурова возводит Маврика — Лаврика в степень одного из героев романа. Но в моем восприятии главным персонажем романа является сам город, так живо ею описанный, узнаваемый мною с детства.

Сабурова пишет:

«Узкие кривые улочки в ребрах неожиданных и беспорядочных домов сходятся на перекрестке с разливным асфальтом широких бульваров в липах. Крепостных стен давно нет. От них осталось названье, мутная глубь канала, широкое шелестящее кольцо зелени. С розового гранитного мостика через канал, у главного входа в Старый Город — на Известковую, разбегаются твердые дорожки лиловеющего от осенней сырости песка. Слева — огибают белый Колоннадный киоск с пестрой суматохой журнальных обложек, извиваются вокруг фонтана, перед высокой белой Оперой, дальше, вплоть до грохочущего вокзала. Справа — стремительно летят вниз и сразу же весело карабкаются на Бастионную Горку...»

Перестроенное после войны белое здание Оперы, на мой взгляд, потеряло свой прежний шарм, став слишком громоздким и разбухшим. В детстве я очень его любила. Иногда тети Вера и Галя брали меня к себе за кулисы — загадочное хранилище декораций, костюмов, грима (до сих пор помню его запах!) и разной бутафории. Все было очень интересно, но немного разочаровывало: пропахшие потом и потрепанные костюмы, картонные деревья, бедненькие занавесы не шли в сравнение с обманным блеском сцены, видимым из зрительного зала.

В своем романе Сабурова не преуменьшает бытовых трудностей русских жителей. Борьба за существование была вполне реальной, особенно после переворота 1934 года, когда посредством путча к власти пришел Карлис Ульманис и установленный им авторитарный режим привел к ущемлению прав русских.

Прямым результатом этой политики явилось увольнение на пенсию дедушки Якоби и других русских юристов из Министерства юстиции, даже тех, кто, как дедушка, имел латвийское гражданство, полученное им и его семьей в 1928 году. Закрыт был после путча Русский национальный союз, в котором дедушка играл ведущую роль и был его председателем с 1929 по 1931 год. Закрылись гимназия Лишиной и Ломоносовская. Учеников перевели в Русскую правительственную гимназию. И все же русская общественная жизнь окончательно не заглохла, чему свидетельство Пушкинские торжества 1937 года. Они отмечались в Русском театре, в школах, разных клубах и уцелевших при новом режиме культурных организациях. К этой дате дедушка издал свой труд «Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями», в которую также вошли статьи «Пушкин о Байроне и Шекспире» и «Пушкин, Шенье и революция», а в одном из последних допущенных к печати номеров журнала «Закон и суд» он поместил историческую справку «по данным подлинного производства Военно-судной комиссии и дела Аудиторского департамента Военного министерства 1837 года» о дуэли Пушкина с Дантесом-Геккерном. Особая комиссия военного суда была создана «по высочайшему повелению» Николая I. В том же номере была помещена его пространная статья «Пушкин и декабристы», а в разделе «Хроника» — доклады о правосознании Пушкина, прочитанные П.Н. Якоби. Я, конечно, была еще слишком мала, чтобы слушать доклады, но на какой-то пушкинский вечер в Русском театре меня сводили, а на какой — не помню!

В тот год я впервые услышала звучное слово «вернисаж». Оно возникло в связи с выставкой в Академии художеств, на которой выставлялись работы Маврикия Якоби. На этот вернисаж взяли и меня. Автора картин, который только что перед этим с отличием окончил Академию, поздравляли с успехом, пророчили дальнейшие успехи на художественном поприще.

Вскоре я заболела сильным воспалением легких, после чего по совету врача (не дай бог, туберкулез!) меня отправили из города на свежий бальдонский воздух, но не к доброй Марте, а в немецкий пансион, который держала некая фрау Апинь. Там

Зинаида Петровна Чернова. Берлин, 1938. *Личный архив автора*

я оказалась единственным ребенком и порядком скучала, хотя обитатели дома, в том числе воздыхавшая по Гитлеру одинокая фрау Шульц, относились ко мне хорошо. С самого начала мне было поставлено на вид, что я не смею говорить ни по-русски, ни по-латышски, а только по-немецки, на языке, на котором я знала всего несколько слов. Промолчав какое-то время, я вскоре бегло заболтала по-немецки.

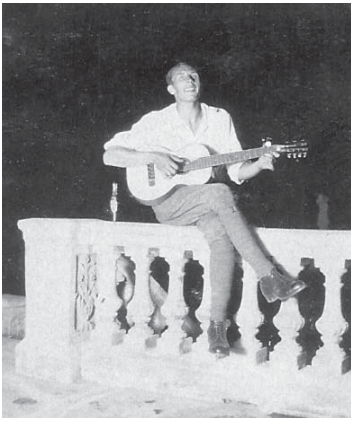
С наступлением лета жизнь оживилась. Родители мои появлялись редко: мама много работала, выполняя заказы, но умудрилась съездить (тайком от меня, чтоб я не плакала!) к подруге в Лондон с остановкой в Берлине. Оттуда мне была прислана фотография мамы в берлинском зоопарке. На руках у нее двое львят. Так я узнала о ее таинственном исчезновении! Папа мой предпочитал свободное время проводить на своей яхте. Зато в пансион приехали семьи постояльцев, с детьми которых я могла играть. В тот год, на радость нам, в Бальдоне открыли бассейн, где я научилась плавать, а главное — вернулась из города семья Мицкевичей, и я стала много времени проводить с Денисом.

Событием того лета была идея дяди Ники Мицкевича построить в Бальдоне православную церковь. В центре курорта, где была конечная остановка приходившего из Риги автобуса, стоял киоск. В нем продавали вкусное мороженое. По каким-то причинам «отцы города» решили киоск ликвидировать. Новый так и не был построен, а старый киоск на наших с Денисом глазах целиком перевезли на предоставленный дирекцией курорта лесистый участок летнего парка. Церковь строилась на добровольные пожертвования по проекту архитектора С. Антонова. Дядя Ника Мицкевич наблюдал за постройкой и сам трудился над его внутренней отделкой. Нам с Денисом интересно было смотреть, как продвигалась работа.

Но вот решив, что опасность чахотки миновала, меня вернули в город к началу учебного года. 10 октября 1938 года бабушка Чернова отвела меня в приготовительный класс 13-й школы. Она помещалась в Старом городе на улице Грециниеку (Грешников). «Почему грешников?» — озадачила я бабушку вопросом. Ответ был уклончивый: «Наверное, здесь прежде жили воры».

Кончились занятия первого дня. Я радостно выбежала к пришедшей за мной бабушке и узнала страшную новость: вчера утонул Маврик.

Постепенно выяснились такие подробности: приятель моего отца, владелец моторной лодки, пригласил друзей совершить на ней последний рейс в устье Двины и доставить лодку на зимнюю стоянку. В прогулку отправились среди прочих мой отец, Маврик и обладательница хорошего голоса Вера Колачева, часто певшая с Мавриком. Компания была веселая. Маврик со своей неизменной гитарой сидел на крыше каюты. Пели. Вдруг лодку рвануло. Маврик и Вера Колачева упали в воду.



«Серенада». Маврик в Белом замке. Бальдон, 1930-е гг.
Личный архив автора

Маврикий Петрович Якоби (1906–1938). Рига, 1938.
Личный архив автора

Им бросили веревку. Вера за нее ухватилась, ее втащили на борт. А Маврик пошел ко дну. У Маврика от рождения была деформированная стопа; стесняясь ее, он избегал купания и не научился плавать. Отец мой бросился в воду, стал нырять, но обнаружить Маврика в мутной, уже ледяной воде не удалось. Денис хорошо помнит, как мой папа, в еще мокрой одежде, принес на Ленцевую улицу эту страшную весть. Гибель всеми любимого Маврика глубоко потрясла семью.

Тело Маврика долго не могли обнаружить. Из «Семи медальонов» тети Кати Мицкевич:

<...>
Маврика укачало
В темной, как сталь, воде.

Двадцать дней волны носили
Труп его. А потом,
Маму к нему водили
С красным от слез лицом.

В темном гробу, среди лавров
Был ей показан он.
С черным лицом, как у мавров.
Как и его патрон.

Можно без преувеличения сказать, что не только семья, Маврика оплакивала и провожала вся знавшая его Рига — художни-

ки, актеры, Вера Колачева, считавшая себя его невестой, сотрудники газет и журнала.

Проникновенный некролог посвятила ему Ирина Сабурова в журнале «Для Вас» от 16 октября 1938 года, где воспроизведены и три крупные работы Маврика, к сожалению не в цвете. Сабурова писала:

«Есть таланты, роднящиеся со всеми. А он был не только талантливым художником, только что вышедшим “на большую дорогу”, начавшим писать большие полотна, не только певцом и редким гитаристом, не только весельчаком и балагуром, смешившим врожденным, искренним юмором. Он умел близко и просто подходить ко всем, сердечно и открыто отнестись к каждому, поэтому его любили все: товарищи, коллеги, родные, все, с кем ему только ни приходилось встречаться, а знал его, слышал о нем, можно без преувеличения сказать — весь город».

Приведя кратко его биографию, Сабурова отметила качества Маврика как художника:

«В живописи он писал широко и смело, свободным сильным мазком. Главное: жанр и портрет. Увлекался иконописью, обновлял иконостасы, писал большие полотна на русские исторические сюжеты — иноков и богатырей.

Таким же, размашистым и устремленным, многогранным и простым, был и сам. И как страшно сказать “был”...»

Ближайший друг Маврика талантливый карикатурист Иван Пертс поместил в № 42 за 1938 года журнала «Для Вас» очерк памяти Маврика Якоби «Наша потерянная юность». Привожу его с сокращениями:

«Не друга, не брата мы потеряли, а юность нашу общую, юность целого поколения. Ибо Маврик был не только одним из нас, не только певцом нашей юности, но воплощением ее, юности мальчиков и девочек, еще игравших в Летнем, Александровском и Таврическом садах, еще успевших побродить весенним вечером по набережным Невы и каналов, запомнивших призрачные очертания дворцов и соборов, уловивших дыхание огромной столицы, уловивших и сохранивших это дыхание в собственной груди и унесших его на чужбину, где оно возгорелось юноше-

ским воздыханием по мифическому городу Растрелли, Пушкина и Чайковского.

Отблеском этой пушкинской романтики был для нас Маврик. <...>

И вот еще несколько дней тому назад мы с удовлетворением наблюдали за ростом собственной деловитости и хмурились при воспоминаниях о своих юношеских заблуждениях, а теперь, когда Маврика уже нигде не встретить и некому больше вернуть нам всю прелесть этих заблуждений, весь красивый вздор нашей юности, как холодно стало нам всем, как жутко, холодно и пусто.

Точно не чужое тело, а собственную душу унесло безвозвратным течением в море».

XII. ПЕРЕЛОМНЫЙ 1939-й

Задним числом гибель Маврика воспринимается как предвозвестница наступающих тревожных дней и мрачных событий. Но покуда семья была в трауре, Рига, как всегда (в последний раз!), празднично готовилась к Рождеству. Вот слова Ирины Сабуровой:

«К середине декабря на Эспланаде, на Марсовом поле, позади коричневого византийского собора в голубоватых куполах (в нем-то и венчались мои родители, и в нем меня крестили. — *Л.Ф.*) уже утоптаны дорожки, и по ночам сторожа греются у костра, над оранжевыми искрами топорщатся ушастые шапки. Поперек поля выстроились веселые лотки благотворительного базара, елочные игрушки сверкают, как ювелирная витрина, и свечи, свечи, свечи! Витые, гладкие, белые, цветные... В конце ряда ларек, слышный уже издалека особенно вкусным на морозе запахом сладкого, чуть подгоревшего масла, пекутся вафли и тут же набиваются взбитыми сливками, по десять сантимов штука».

Незабываемые, благоухающие ванилью горячие «трубочки со сливками»! И тут же по ассоциации вспоминается: синие рижские сумерки, бесшумно скользят полозья саней извозчиков, только позванивают сбруи лошадей, тренькает освещенный изнутри трамвай... Кажется, сценки эти относятся к концу XIX, а не XX веку, но в том-то и дело, что наша Рига была связующим звеном между прошлым и настоящим, между старым миром и новым. Мне удалось захватить оба, а удача Сабуровой в том, что она сумела передать дух благополучной предвоенной Риги и происшедший затем перелом: «Жизнь кончилась. Началась история», — пишет она о событиях, предвещавших Вторую мировую войну. В газетах, напоминает Сабурова, появились снимки советского и германского генералов, пожимающих друг

Петр Николаевич Якоби
с дочерью Анной. Рига, 1939.
Личный архив автора

другу руки — результат пакта, заключенного в 1939 году между Сталиным и Гитлером, по которому была разделена их «сфера влияния» в Польше и Прибалтике и который позволил Советскому Союзу «занять в Балтике опорные пункты и морские базы».

Вот почему Гитлер сразу же начал организованно проводить репатриацию всех балтийских немцев. Сабурова пишет:

«Паника взмыла в Риге в первых днях 1939 года. Хрустальная золотая осень. Но хрусталь разбивается мелкими брызгами в дрожащих руках, а золото вскочило в цене. Банки и ювелиры по распоряжению правительства спустили на окнах решетки и закрылись. Магазины штурмовались публикой, как при распродажах. Покупали все: селедки бочками, перец фунтами, туфли десятками пар. Старинные фирмы, существовавшие по несколько сотен лет, закрывали ставни и двери. Немецкие школы превратились в бюро по репатриации. Шла запись. Выдавали номерки, сообщали название парохода и срок отправки, снабжали упаковочным материалом, записывали имущество».

Уезжать или не уезжать — вопрос этот обсуждался на семейных советах и среди друзей, иногда доходя до громогласных споров, ссор и душераздирающих решений одних — уезжать, других — оставаться. В то время, чтобы получить возможность репатриироваться в Германию, не обязательно было быть чистокровным немцем. Но кому хотелось туда ехать?

По роману «Корабли старого города» Маврик — Лаврик не погибает в балтийских водах; автор готовит ему иную участь, он становится мужем сестры героини и принимает участие в судь-

боносном решении оставаться, аргументируя это следующим образом: «Видит Бог, я не большевик. Но в конце концов, партия, приходящая к власти, никакую революцию в белых перчатках не делает. А партия, правящая двадцать пять лет, это уже государство. Не одни же чекистские подвалы только. И все-таки свои, русские, что там ни говори...»

Мы не знаем, что по этому поводу мог бы думать Маврик, не доживший до подписания пакта Молотова — Риббентропа, но примерно так рассуждал его отец, и это могла слышать от него Сабурова. Мой дедушка-юрист считал, что советский строй, какой он ни на есть, раз прочно утвердившись, должен теперь опираться на известную законность. К тому же дедушке представлялось невообразимым попасть в Германию, сегодняшнюю союзницу СССР, но вчера еще бывшую врагом России, и не строил он себе иллюзий в отношении политики Гитлера.

Покуда в семье шли мучительные дебаты на предмет репатриации, в ней произошло одно знаменательное и на сей раз радостное событие: помолвка двух дочерей Якоби с двумя братьями — князьями Енгалычевыми.

Младшего из них, Николая, в семье Якоби знали давно. Он часто появлялся у них и ухаживал за Верочкой. А его старший брат Андрей работал горным инженером на алмазных приисках в Бельгийском Конго. Получив отпуск, Андрей приехал на побывку в Латвию. Мать его жила по большей части в своем латгальском имении Крыжуты, принадлежавшем ее семье еще с дореволюционных времен. Было оно недалеко от русской границы. Там Анастасия Андреевна Енгалычева вместе со своим братом Василием Фрейгангом вела хозяйство, не гнушаясь никакой работой. Сестра ее Анна Андреевна Гумилева, в прошлом жена брата поэта Николая Гумилева (по странному совпадению оба брата были женаты на женщинах, носивших одинаковые имена), преподавала в Риге в одной из русских школ и дружила с семьей Якоби. Вот и Андрей попал к ним. Влюбившись в Асю, он не долго думая сделал ей предложение и получил согласие.

Верочка в отношении Николая колебалась — выходить ли за него замуж. По церковным правилам, породнившись с Никола-

Церковь Св. великомученика Пантелеймона-целителя. Бальдон, 1939.
Личный архив автора

ем через брак Андрея с Асей, она уже не могла бы быть с ним повенчана. Такой брак мог состояться только одновременно. И Вера согласилась. Семья в то время еще была в трауре по Маврику, но откладывать свадьбу было нельзя: отпуск Андрея кончался, он должен был возвращаться в Конго. Двойная свадьба была назначена на 23 июля 1939 года.

Меня очень волновали все приготовления к этой необычайной свадьбе и тот факт, что мои тетки становились княгинями. Своими мыслями я делилась с бабушкой Черновой, которая старалась убедить меня, что от их титула они не станут ни хуже ни лучше. Мне в это верилось с трудом. (Кабы знала я, что и моим мужем станет князь — князь Оболенский.) Венчание должно было состояться в только что выстроенной бальдонской церкви Св. великомученика Пантелеймона-целителя. Освящение ее было назначено на 18 июня. В связи с этим в № 25 журнала «Для Вас» появилась статья Николая Якоби, в которой он описывает историю возникновения церкви усилиями строительного комитета при деятельном участии инициатора этой акции Николая Адамовича (дяди Ники) Мицкевича. Вот отрывок из статьи, озаглавленной «Церковка в лесу»:

«Маленькая, но стильная церковка, едва только появившаяся вчерне, посреди обступивших ее столетних елей, сразу привлекла внимание всех проходивших мимо растущего строения людей. Часто заходили дачники вовнутрь, интересовались работами, расспрашивали, откуда будет взят инвентарь, когда храм будет готов, и редкий уходил, не оставив своей лепты.

Многие жертвовали: организации, русские фирмы, пресса, частные лица, священнослужители. Кто не имел средств, отдавал свою работу. Многое было вышито, нарисовано, исправлено или создано заново совершенно безвозмездно. Архитектор отдавал свой талант. Художники Богданов-Бельский, Климов, Розеншильд-Качалова и Прэн — свое искусство. Русские гайды (девочки-скаутки. — *Л.Ф.*) вышивали покровы и облачения. Когда не хватало пожертвований, выручала коммерция. Члены комитета, в том числе безвременно погибший художник М. Якоби, разрисовывали пасхальные яйца, часть которых была раскуплена иностранцами и теперь увезена за моря.

Благодаря энергичному руководству председателя строительного комитета о. Николая Македонского церковка теперь готова. Она небольшая, но достойная своим оформлением курорта. Стены "под бревно", выкрашенные в мягкий коричневый тон, придают ей вид лесного скита. Три ярких маковки, увенчанные золотыми крестами, уже издали манят сквозь изумрудную хвою деревьев. Внутри церковка бирюзовая. Шесть колонн поддерживают ее свод. Иконостас, перевезенный из бывшей слокской церкви, гармонично уменьшен, поврежденные большевицкими штыками и пулями иконы реставрированы, иконостас теперь горит как новый».

Церковь освятил епископ Елгавский Иаков, приехавший в Бальдон с целой свитой священнослужителей, после чего в Белом замке состоялся торжественный обед. Событие это увековечено групповым снимком, на котором узнаю дядю Колю, дедушку Петю, тетю Катю и дядю Нику, их дочь Веронику, тетю Веру, семью Колачевых, о. Николая Македонского, даже хозяйку моего пансиона госпожу Апинь и др. До свадьбы сестер Якоби оставалось чуть больше месяца.

Наконец настал долгожданный день. Церковь выглядела очень нарядно, а обе сестры в подвенечных платьях, сшитых моей мамой, казались мне невестами необычайной красоты. (Я даже не заметила, что у Верочки были заплаканные глаза.) Двоюродные братья Денис и Коленька с серьезными лицами выполняли ответственную роль мальчиков с образом, а я, в моем

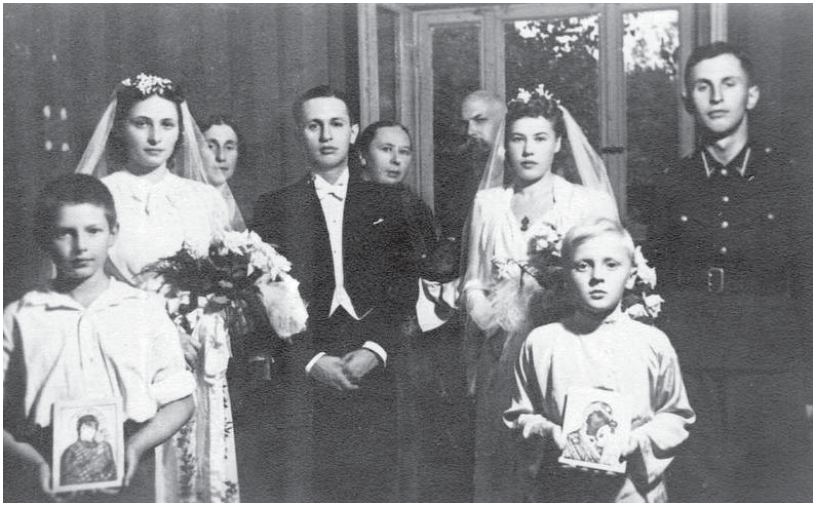
Семья, духовенство, певчие и гости на лестнице Белого замка после освящения храма Св. великомученика Пантелеймона-целителя. Бальдон, 1939.
Личный архив автора

нарядном платье из голубой тафты и с таким же бантом в волосах, страдала от черной зависти — в этом сногсшибательном торжестве для меня роли не нашлось.

Когда новобрачные прибыли из церкви в Белый замок, родные и гости встретили их заранее отрепетированным хоралом (автор Николай Якоби):

Громоподобно грянем
Гимн молодым супругам!
Радостно пожелаем
Счастия им повсюду!

Пусть вечно напевает Лель!
Пусть солнце светит в колыбель!
Пускай успех и счастие
Отгонят все ненастия.

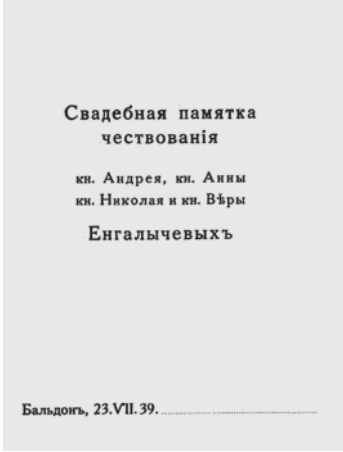


Венчание сестер Якоби и братьев кн. Енгалычевых. Слева направо: Коленька Якоби, Ася (Анна) Якоби, кн. Анна Андреевна Енгалычева, Андрей Енгалычев, Сусанна Яковлевна и Петр Николаевич Якоби, Вера Якоби, Денис Мицкевич, Николай Енгалычев. Бальдон, 23 июля 1939. *Личный архив автора*

Громоподобно грянем
Многая лета и славу!
Пусть трубным гласом рвутся
Наши ура новобрачным! (*Все кричат «ура!»*)

В большом зале Белого замка столы были расставлены буквой «П». Во главе — молодожены с родителями и их шаферы. Нас, троих детей, усадили у левой ножки «П», откуда мы следили за происходящим: тостами и песнями в честь молодоженов. Текст их сохранился в «Свадебной памятке чествования кн. Андрея, кн. Анны, кн. Николая и кн. Веры Енгалычевых». Во славу молодых дедушка Петр Николаевич сочинил «Застольную»:

Слава вам, молодожены,
Слава вам на много лет!
Пусть не ставит вам препоны
Рок — источник всяких бед!



Свадебная памятка
чествованія

кн. Андрея, кн. Анны
кн. Николая и кн. Вѣры

Енгалычевыхъ

Бальдонъ, 23.VII.39.

Свадебная памятка чествования кн. Андрея, кн. Анны, кн. Николая и кн. Веры Енгалычевых. Рига, 1939. *Личный архив автора*

Пусть из рога изобилья
Только пышные цветы
Сыплет ветренные крылья
Лучезарнейшей мечты!

Пусть усыпят только розы
Ваш взаимный жизни путь
И житейские морозы
Не посмеют вас вспугнуть.

Пусть минутное ненастье
Вам сменяет солнца свет,
Да сопутствует вам счастье,
Много счастья, много лет!!

А перу тети Кати принадлежит «Эпиталама» в честь новобрачных:

Честь и слава новобрачным,
Пьем за здравье молодых:
Купидон рывком удачным
Разом ранил четверых.

И смеющиеся боги
Розы сыплют к их ногам...
Да гремят сии чертоги
Громом двух эпиталам.

Воспоем с сугубым рвеньем
Счастья юного угар.
Жизнь, хвала твоим мгновеньям.
Выше взлет заздравных чар.

Счастья огненные струи
Да прильют к младым сердцам.
Больше жизни в поцелуи —
Дань ликующим богам.

Тост произносился за тостом, кричали, как полагается, «горько!», лилось шампанское... На нас в конце стола внимания не обращали, завладели бутылкой и мы. Где-то есть фотография, на которой у мальчиков слегка осоловевший вид, у меня — сползший набок бант. Потом мы трое, обойдя стол и допив из бокалов остатки сладкого вина, долго ходили в обнимку по темным аллеям парка, горланя лихие русские песни. Когда нас наконец отловили и собирались отправить спать, молодые уже уезжали. Им вдогонку прогремела «Прощальная»:

В добрый час, молодожены,
Славный Енгалычев род.
Тщетны россам все препоны:
Пусть сей возглас вас ведет
И пусть счастлив будет путь,
И пусть счастлив будет путь
От Крыжут до дебрей Конго,
От Бальдона — к Чикапа
Словно звук большого гонга
Наши долетят слова:
Пусть вам счастлив будет путь,
Пусть вам счастлив будет путь.

Так отгремело последнее торжество в стенах Белого замка. Так в последний раз собрался воедино весь оставшийся после смерти Маврика якобинский клан во главе с дедушкой Петром Николаевичем и бабушкой Сусанной Яковлевной, и в последний раз Коленька, Денис и я испытывали чувство, казалось, нерушимой спайки.

Спустя несколько месяцев, подгоняя неизменно опаздывающую тетю Катю, мы проводили на германский пароход семью Мицкевичей. Их решение не оставаться под советами было твердым и окончательным. Денис утешал: когда мне исполнится 16 лет, а ему 18, он вернется в Ригу и женится на мне!

XIII. ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Мои родители делали ставку не на Германию, а на Америку, но в тот самый день, когда маму вызвали в американское консульство для уведомления, что на нашу семью получен официальный «аффидевит» от спонсоров в США, в Ригу вошли советские танки. Мы оказались в западне.

О том, что было в городе потом, пишет Сабурова:

«Несколько дней подряд газеты выходят ежедневно под другим заголовком — меняются редакции... Иностранных сообщений нет, только короткие, выжатые досуха телеграммы официального агентства — ЛТА, местной хроники нет, объявлений тоже. Но все знают уже, что в доме на углу Бривибас и Столбовой, в Министерстве внутренних дел нет больше министерства. Под липами тихой Столбовой военные автомобили и часовые, а на углу, в бывшем цветочном магазине, выдают пропуска в новое учреждение, и оно называется коротко и страшно: НКВД».

Далее Сабурова приводит такую деталь: в одной из крупных типографий спешно печатается на русском и латышском языках сталинская конституция, по которой всем прощается не только происхождение, но даже и борьба в прошлом против коммунизма! А тем временем сжимаются тиски террора: ночные аресты, бесплодные попытки родных получить доступ к невинно заключенным, исчезновение близких и друзей, слухи — впоследствии подтвердившиеся — о ночных расстрелах. Добиваясь свидания с дедушкой, моя мать встречает в тюрьме директрису своей бывшей гимназии Олимпиаду Николаевну Лишину. Та старается выяснить, где находится ее арестованный сын Николай, один из главных организаторов в Латвии русской молодежной сокольской организации. Она еще не знала, что сын приговорен к расстрелу.

Много лет спустя мне нужно было для служебной поездки получить в Вашингтоне визу в Советский Союз. Тип с холодными глазами из консульской службы заявил, что сперва мне необходимо подать ходатайство о выходе из советского гражданства. Я возмутилась: никакого советского гражданства я никогда не принимала! Было у меня латвийское гражданство, а потом американское. «Но Латвия ведь присоединилась к СССР», — настаивал он. Не выдержав, я возразила, что присоединение не было добровольным и требовать от меня отказа от гражданства все равно что женщине требовать развода от изнасиловавшего ее мужчины. Поездка не состоялась.

Интересно, знал ли этот чиновник, при каких обстоятельствах произошло присоединение, или искренне считал, что балтийские страны добровольно вошли в состав СССР?

Фарс с «просьбой балтийских государств о принятии их в Союз Советских Республик» описала Сабурова. Этому предшествовали «выборы». Сперва было объявлено два списка: блок трудового народа (включавший коммунистов и сочувствовавших им) и демократический блок, состоявший из популярных политических, общественных и культурных деятелей Латвии, который, однако, вообще не был допущен до выборов. А уклониться от «выборов» было нельзя, так как в паспорте ставился штемпель. В полицию стали поступать сотни заявок о «потере» паспортов, но уловка не удалась: «потерявшего» брали на подозрение и накладывали крупный штраф. «Выборы», естественно, прошли «единогласно», и вопрос о «добровольном» присоединении был решен.

Аресты, начавшиеся еще до формального присоединения Латвии к СССР, продолжались в течение всего периода советской оккупации 1940–1941 годов. Дедушка Якоби, которого забрали в самый день присоединения, встретил в тюрьме некоторых старых знакомых. Находился с ним в камере и один новый знакомый по фамилии Вильчук. О нем моей матери написала в 1990 году из Риги вдова погибшего в концлагере гроссмейстера Владимира Петрова Галина Матис. Она была основателем и первым руководителем общества «Мемориал» в Латвии. В молодости она хорошо знала Маврика, о чем написала маме в первом

Ордер № 18072 1
арестован 6/VIII. 40 г.

Сов.Секретно.-

"УТВЕРЖДАЮ".
Тов.Министра Внутрен.Дел
/ЛАТЫШЕВСКИЙ/

"5" августа 1940 года.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

/на арест/

1940 г.августа "___" дня гор.Р и г а

Я,сотрудник особого отдела Управления Государственной безопасности ВИРЗА В.,рассмотрев мтариал на ЯКОБИ Петра,1877 г.рожд.,уроженец Петрограда ,в настоящее время пенсионер,проживает по адресу гор.Рига, Ленчу ул.,дом № 2,кв.29.

Н а ш е л:

ЯКОБИ П.в прошлом юристконсульт Латвийского министерства юстиции.По материалам проходит,как активный участник легальных эмигрантских организаций /член правления общества "Розмысл"/.На основании вышеизложенного

П о с т а н о в и л:

ЯКОБИ Петра арестовать и произвести обыск.

Сотрудник Особого Отд.
Управ.Госбезопасности /ВИРЗА/

"СОГЛАСЕН": Нач.Следственного Отд.
Управ.Госбезопасности /ДОНИХИН/

Ордер на арест П.Н. Якоби от 5 августа 1940 г.
Фотокопия. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

письме: «Мы часто встречались в ОРСЛУ (Общество русских студентов Латвийского университета. — *Л.Ф.*). Я, как и многие другие девчата, в то время млела, слушая его пение под гитару. До сих пор помню много песен из его репертуара». Возможно, именно поэтому она заинтересовалась судьбой Петра Николаевича Якоби, которого «лично не знала, но много в свое время о нем слышала в кругах русской интеллигенции». В.А. Вильчук, отбыв тюрьму и лагеря, вернулся в Ригу слепой и глухой, но несмотря на свои 85 лет обладал прекрасной памятью. С моим дедушкой Вильчук провел в одной камере три с половиной месяца, и они подружились. Все, что он рассказал о своем сокамернике, Галина Матис записала и прислала моей матери:

«Спали они рядом на полу, плечом к плечу. У Вильчука был узел с теплым бельем, и он его подложил Петру Николаевичу под голову и плечи, т. к. П.Н. спал полусидя, опасаясь сердечного приступа.

Во время пребывания в “санатории” Петр Николаевич обучал его французскому языку. Научил его на французском языке молитве “Отче наш”, и они вместе ежедневно молились.

Петр Николаевич любил напевать и насвистывать “Как хороши, как свежи были розы...” и песню Сольвейг. Много декламировал. Он говорил: “В таких случаях и в таких жизненных условиях, в каких мы находимся, не надо ни смеяться, ни плакать, ни приходить в отчаянье, а надо все понимать” (Спиноза).

Чувствовал он себя неплохо, но переживал, что в камере курят. Это на него плохо действовало, и он забирался от курильщиков в дальний угол камеры.

С находившимся в той же камере польским офицером Станиславом Адамовичем Серафиновичем играл в шахматы. Когда охранники их отобрали, Петр Николаевич был очень расстроен. Но скульптор Томашицкий сделал очень изящные из хлеба, который для этого пожертвовали из своей “пайки” остальные. В турнирах первое место занимали Якоби и Серафинович.

Вначале Петра Николаевича вызывали редко, потом все чаще и чаще. Однажды допрашивали 16 часов подряд. Три стенографистки записывали. Следователь был поляк Дуплевский. О нем

Петр Николаевич отзывался положительно, он был вежлив и корректен, относился к П.Н с большим уважением».

Любопытная подробность: по словам Вильчука, дедушка просил этого следователя передать жене или дочери три написанных им в тюрьме стихотворения и Дуплевский обещал это сделать! Вильчук не знал, исполнил ли Дуплевский свое обещание, но мы знаем, что эти три стихотворения бабушка каким-то образом получила. В том числе и то, которое он нацарапал ложкой на полу камеры и, взяв за руку Вильчука, сказал: «Вы еще молоды, вам 30 лет. Если уцелеете, разыщите жену или дочь, передайте это стихотворение, выучив его наизусть». И Вильчук выучил. И запомнил. И пятьдесят лет спустя продиктовал Галине Матис, а она, записав, переслала стихотворение моей матери в Америку. Оно слово в слово совпадает с одним из трех стихотворений, полученных бабушкой то ли в 1940-м, то ли в 1941 году в Риге.

Все, что лелеял я в мечтаньях прихотливых, —
Все унеслось, рассеялось, как дым.
И не вернуть мне прежних дней счастливых,
Минувшему не быть, не сбыться снам былым.

Все, что созидал любовно и упорно,
Все рухнуло на голову мою,
Но под облаками все еще дышу задорно
И память о былом я бережно храню.

За три с лишним месяца, проведенных в одной камере, дедушка и его молодой друг успели многое рассказать о себе. Однажды дедушка поведал ему, что он в этой тюрьме не впервые. Вот что он рассказал: «Меня неожиданно вызвали к Императору Николаю II. Я очень волновался и недоумевал: по какому поводу? Так состоялась встреча с Николаем II. Еще кто-то присутствовал из Риги, кто — не помню. Мне дали прочесть жалобу Николаю II об очень плохих условиях в рижской тюрьме и поручили объективно расследовать на месте эту жалобу». Вот уж, действительно, ирония судьбы!

Галина Матис далее пишет: «Вильчук распрощался с Петром Николаевичем 24.XII.1940 года. Он его перекрестил и поцеловал. Проведенные вместе с Якоби месяцы оставили неизгладимый след. Такого человека, как П.Н., он за всю свою жизнь не встречал».

Вскоре и дедушка распрощался с этой еще сравнительно сносной тюрьмой и был поэтапно отправлен в Сибирь. А мы — даже дети — с ужасом узнавали об исчезновении то одного, то другого знакомого. Но самая развернутая акция террора произошла в ночь с 13 на 14 июня; в Риге, Ревеле (Тарту), Ковно (Каунасе), по всем городам и местечкам Балтии.

Как раз 14 июня того года мне исполнилось десять лет — больше не ребенок! Но событие это сразу отошло на задний план: с раннего утра начались тревожные звонки: «У вас все дома? А у нас, знаете, уехали сестра с мужем...» Вышли мы с мамой на улицу: перед многими домами стоят грузовики, помеченные, помню, косыми белыми полосами, а в кузове целыми семьями, с растерянным видом, под открытым небом сидят люди на своих узлах с наскоро сложенными пожитками — на сборы давалось полчаса. Забрали в тот день и мою лучшую подругу Тусю Кривошапкину с отцом, матерью и двумя братьями. Из них после войны в Ригу вернулись только Туся и один из ее братьев. Остальные погибли в Сибири.

Чудовищная эта акция подготавливалась в глубокой тайне, но весть о том, что творится на товарной станции, очень скоро разнеслась по Риге, и стали явными ее страшные масштабы. Родственники людей, посаженных под стражу в товарные вагоны, рассказывали, что они сидят там без еды и питья, что мужчин отделили, что есть якобы вагоны с одними только детьми. Забирали латышей, и русских, и евреев... Повезло лишь немцам, которые успели уехать в Германию. Слышали, что забирают и крестьян. Забирали целыми семьями, вместе с детьми и стариками. Застрахован не был никто. Из одной только Латвии было депортировано 15,5 тысячи человек.

Депортация и аресты продолжались и после 14 июня, но уже не в массовом порядке. Приходили обычно ночью. Ложась спать,

мы не знали, пробудем ли в своей постели до утра. Рядом с моей кроватью был поставлен красный клеенчатый чемодан с зимней одеждой, с сухарями и водой. Мне было строго наказано чемодан ни при каких условиях не оставлять. Сложены чемоданы были и у родителей. Как впоследствии выяснилось, мы уже были в списке, но за нами не успели прийти — 22 июня Гитлер напал на Советский Союз и началась спешная эвакуация советских учреждений. Один рабочий-коммунист на заводе предупредил отца, что ему грозит расстрел, и последние дни перед приходом немцев отец скрывался в каком-то овраге.

Немцы занимали Латвию без всякого сопротивления, по пятам спешно отступавшей Красной армии. В Ригу они вошли уже через неделю после начала наступления. Их, как освободителей, встречали цветами.

Стали раскрываться масштабы чекистских преступлений, обнаруживаться общие могилы, куда сбрасывали тела расстрелянных. Вблизи дома, где на лето снимали комнаты мои родители (на Белом озере около Риги), находилась дача одного состоятельного рижанина. Сам он был арестован в Риге, а дача его реквизирована под нужды НКВД и обнесена высоким бревенчатым забором. Почему-то по ночам чекисты заводили моторы машин, мешали нам спать. Когда пришли немцы, дачу открыли. В саду была обнаружена яма с несколькими десятками трупов, в том числе и самого хозяина, расстрелянного под шум моторов в его же собственном саду. Раскапывать полуразложившиеся трупы (помню этот запах) немцы пригнали евреев — жуткое предзнаменование грядущей над ними расправы.

А вскоре стали мы свидетелями того, как наши «освободители» обращались с советскими пленными. Пишет Сабурова:

«Проходили по улицам колонны — длинные, серые, с черными людьми. Пленные. Шинели волочились, окровавленные повязки почернели, и пыль долгих километров, пыль побежденных запекалась коркой на лицах. Пустые сумасшедшие глаза в глубоких провалах, скрюченные рты. Колонны шли иногда часами. Медленно, тупо, с немногими сторожевыми по бокам. Кто-то падал, его подхватывали, тащили несколько шагов, вы-

пускали из рук. Иногда он поднимался, чаще оставался лежать, потом подбирали трупы. <...> Иногда прохожие протягивали хлеб. Его сразу рвали на части, поднималась свалка, опять приклады, грозные крики, выстрелы. Советскую армию не брали в плен, она сдавалась сама. Гитлер освобождал от большевиков! Немцы — избавители! Пленных гнали в лагеря, наспех затянутые проволокой. По дороге вслед за ними тянулась выеденная трава и оборванные листья на деревьях. В казармы одного латышского полка на Гризенкалне, где в мирное время размещалось полторы тысячи человек, согнали сорок тысяч. Голод, дизентерия, тиф».

Поразительно, что немцы даже не прятали своего бесчеловечного обращения с пленными. Помню, как гнали такую колонну доходяг по главной улице города. На глазах у прохожих конвоир прикладом бил падающих и отстающих. Бабушка уткнула мою голову себе в пальто, чтоб я не видела конца расправы. Моя мама старалась использовать любой случай, чтобы выпросить у стражи разрешение накормить несчастных чем могла — супом ли, сухарями, на которые они набрасывались как звери. А раз она увидела зимой из нашего окна, как пленные голыми руками кололи и складывал для немцев дрова. Уговорив стражу, она бросилась строчить из всевозможных накопившихся у нее разноцветных шерстяных обрезков материи варежки для пленных. Варежки были похожи на попугаев, но как им обрадовались пленные!

Среди еврейской интеллигенции в Риге было многих таких, кто мог податься на восток с уходящей Красной армией, но им не верилось, что немцы окажутся хуже большевиков («старая культура... Шиллер... Гете...»). Иллюзии, иллюзии... Сперва был издан приказ, чтобы евреи носили на груди желтую шестиконечную звезду и ходили только по мостовой. Потом евреев выселили из их квартир, перевели в гетто на Московский форштадт, стали гонять на принудительные работы. Мать моя, рискуя собственной свободой, пыталась заступиться за семью наших ближайших друзей Бернгардов, но попытка оказалась тщетной. Высокопоставленный гестаповец, до которого она добралась, цинично

посоветовал: «Если муж хочет спасти семью (он был еврей, жена караимка), то пусть застрелится». Семью отправили в гетто, а к нам через весь город прибежала их собачка Бенка.

30 ноября 1941 года наступил день массового истребления. Об этом Сабурова повествует в своем романе с журналистской точностью:

«Улицы Московского форштадта, прилегающие к гетто, разбужены на рассвете воплем. Гетто поднято на ноги и кипит адским зельем. Женщины с детьми выгоняются из домов. Дети кричат спросонок, им холодно и страшно. Куда? Зачем? Вещи хватаются дрожащими руками, падают. Никаких вещей. Гестаповские отряды топчут по лестницам, в домах, выгоняют из чердаков и погребов запрятавшихся, из уборных, из больницы. Калеки пристреливаются тут же, вещи летят из окон, срываются кольца, серьги, грабеж в разгаре, мимоходом насилуют... Полуодетые мужчины напирают на проволоку, протягивают руки, кричат, умоляют, прорываются... “назад!”».

Этому были свидетели люди на «арийской» половине улицы. Это с их слов Сабурова описывает жуткое шествие женщин с детскими колясками, с узлами, которые падают из рук...

«Их гонят все дальше. Около фабрики “Квадрат” русские пленные роют широко раскинувшуюся неглубокую яму. Пьяные пулеметчики открывают огонь. (Расстрел происходил в Румбульском лесу. — *Л.Ф.*). Детей приканчивают штыками».

Родители мои старались узнать, что случилось с их знакомыми и друзьями. То, что они услышали, совпадает с описанием Сабуровой. Двое маленьких сыновей Бернгардов, Сережа, с которым я часто играла, и его трехлетний братик Юрочка, были убиты в то утро на глазах их обезумевшей матери и рвущегося к ним отца.

«Ты видел, Старый Город?» — взывает автор романа Ирина Сабурова.

XIV. НЕПРАВЫЙ СУД

«Неправый суд над правоведом П.Н. Якоби» — под таким названием в IV номере «Балтийского архива» (Рига, 1999) появилась публикация покойного Ю. Абызова и Т. Фейгман.

Подробности о ходе его судебного дела сделались достоянием общественности после распада Советского Союза, чем и воспользовались оба автора. В своем исследовании они приводят протоколы допросов, которым подвергся мой дед, а также два письма, перехваченные НКВД еще до ареста их автора, совпавшего с днем формального присоединения Латвии к СССР. Впервые эти письма были опубликованы в 1994 году в «Рижском альманахе» Борисом Равдиным, с его же предисловием. (Там он первый указал и наиболее точную дату смерти деда.)

Первое письмо от 25 июня 1940 года обращено к «дорогой, милой Асеньке», дочери, которая к тому времени уже находилась со своим мужем Андреем Енгалычевым в Бельгийском Конго. В этом письме дедушка подробно описывает события, явившиеся результатом пакта Молтова — Риббентропа, — введение советских войск и смену правительства.

«21 июня был опубликован список лиц, вошедших в новое правительство, и того же 21 июня состоялась грандиозная многотысячная народная демонстрация в виде бесконечного шествия для приветствия полпредства и нового правительства. Толпа всегда готова перейти от криков “осанна” к угрозам “распни”, и на этот раз не обошлось без прямых оскорблений и угроз по отношению павших властей. Несомненно, эта манифестация была заранее подготовлена агитаторами».

Дедушка пишет, что не получил от дочери ни одной весточки после того, как Бельгию оккупировали немцы и Франция оказалась побежденной страной. В одном он не может немцам отказать:

«...они поставили Францию на колени именно там, где в 1918 году их поставили на колени, в том же месте и в том же вагоне. Вот где бы русским поучиться смыть брестский позор», — замечает он.

Заканчивая письмо, дед пишет:

«Живем мы во времена, когда не знаешь ни дня, ни часа, что с тобой будет, и эта неуверенность в будущем, в завтрашнем дне несколько утомляет, чтобы не сказать больше. В одном я счастлив, что мы с мамой не подвержены панике. Тут же люди, окружающие нас, положительно болеют и рисуют себе всякие ужасы, которые могут быть, но могут и не быть».

Второе перехваченное и не дошедшее до адресата письмо датировано 29 июня 1940 года. Оно адресовано Анне Андреевне Гумилевой, которая проводила лето в Крыжутах, в имении ее сестры княгини Енгалычевой. Письмо примечательно тем, что из него становится понятно, почему дедушка, хотя и мог, не уехал в Германию. Заметив, что можно только диву даваться темпам советизации и тому, как «все наперегонки спешат ручку поцеловать новому барину», он замечает, что «ситуация теперь не 1917–1919 гг.». Развивая эту мысль, он далее пишет:

«Многое уже слишком переделалось. Пролетариат довольно попил кровушки и не так голоден, буржуй стал сильно потрепанным и не представляет прежней лакомой приманки, солдатня далеко не прежняя, слева идет покрикивание о дисциплине, идет речь о разных недопустимых перегибах, уклонах и прочем. А главное, психологически для террора нет страха перед реакцией и реставрацией с возможной ответственностью за содеянное. Теперь захватчики власти, преступники, стали властью, и какой властью — несокрушимой, уверенной в себе, в своей прочности и непоколебимой силе. Всегда так было, что шайка разбойников режет направо и налево, чтобы избавиться от своих преследователей, чтобы связать свою шайку круговой ответственностью, посылает своего сообщника пустить кровушки, дабы подлец не ушел, а связался со всеми соучастием... Теперь левым не страшен никакой супостат, они просто его игнорируют...»

Хочется крикнуть в прошлое: «Дедушка, неужели ты был так наивен, неужели думал, что Сталин, расправившись с ари-

стократией, интеллигенцией, с “кулаками” и прочими “врагами народа”, включая самих партийцев, на этом успокоился?!» Мои далекие от политики родители себя такими надеждами не обольщали. Не строили себе иллюзий и Мицкевичи, как и многие уехавшие в Германию знакомые. А дедушка упорно считал, что за четверть века в СССР дела утряслись, введены законы, конституция... Думаю, ему хотелось в это верить в силу его глубокого патриотизма — пусть под советской властью, но со своей страной!

Как жестоко дедушка обманулся, видно не только из самого факта ареста, но по ведению дела, идущему вопреки всякой законности. Об этом свидетельствуют документы. Военный трибунал в Риге не успел уничтожить все архивы, когда началось немецкое наступление; они так и продолжали лежать в Риге в «следственном деле по обвинению П.Н. Якоби» и находятся теперь в Латвийском государственном архиве.

Вот копия ордера на его арест (№ 18072) от 5 августа 1940 года. Сотрудник Особого отдела Управления госбезопасности по фамилии Вирза, «рассмотрев материал на ЯКОБИ Петра, 1877 г. рожд., уроженца Петрограда (!)», счел возможным написать следующее (цитирую с опечатками):

«Н а ш е л:

ЯКОБИ П. В прошлом юристконсульт Латвийского министерства юстиции. По материалам проходит, как активный участник легальных эмигрантских организаций /член правления общества «Розмысл». На основании изложенного

П о с т а н о в и л:

Якоби Петра арестовать и произвести обыск».

Насколько тщательно товарищ Вирза ознакомился с материалом, видно хотя бы из того, что дедушка никогда в обществе «Розмысл» не состоял и состоять не мог, так как это было объединение инженеров. Состоял в нем однофамилец, инженер Евгений Оскарович Якоби.

Изучившие дедушкино дело Абызов и Фейгман также обнаружили следующее: «...по постановлению на арест Петра Николаевича взяли в связи с тем, что он работал юрисконсультом в Министерстве юстиции (хотя он уже лет пять как там не работал)

и являлся активным участником легальных эмигрантских организаций».

В бумаге, подтверждающей его арест 5 августа 1940 года, тоже сказано: «Окраска: чл. легальных эмигрантских орг.» Отмечается, что он беспартийный, а в графе «Прошлое» говорится: «из сенаторов»! Нечего и говорить — достаточный повод для обвинения в уголовном преступлении!!!

Поражает не только то, что принадлежность к существовавшим легально организациям — достаточный повод для ареста, но и дальнейшая небрежность в документации. Что значит «из сенаторов»? Какое это такое сословие? А в обвинительном акте он сам назван сенатором. На эту ошибку Якоби обращает внимание в письменной форме: «Прошу учесть, что в обвинительном акте я назван сенатором, тогда как я только являлся сыном сенатора, и второе, что я не бежал, т. е. не эмигрировал из России в Ригу, а уехал с разрешения комиссара Первухина для сопровождения семьи до г. Риги, но назад не мог вернуться, так как Рига была занята немцами». Тут, вероятно, произошла описка: должно быть не «*до* Риги», а «*из* Риги», так как семья уже находилась там. К тому же во время одного из допросов дед достаточно ясно объяснил свой совершенно легальный приезд в Ригу тем, что получил отпуск от комиссара здравоохранения Первухина для поездки *за* семьей. Имеются в протоколе и другие несуразицы. Например, у дедушки язык не повернулся бы сказать, что он «родился в Ленинграде», и выражение «белогвардейские организации» тоже не присутствовало в его лексиконе.

Из публикации Абызова и Фейгман узнаю, что дедушку пытались завербовать в осведомители. Они цитируют графу из так называемого «Наблюдательного дела П.Н. Якоби», где говорится о возможности вербовать подследственного и для какой работы. Там записано: «Нет, так как по своим убеждениям и взглядам является монархистом; от вербовки отказывается и на нее не пойдет».

На допросах у дедушки пытались добыть компрометирующую информацию относительно других видных русских общественных деятелей в Латвии. Отвечая сжато, ясно и определенно, не стараясь, как пишут Абызов и Фейгман, «запутать» следствие или пере-

ложить вину на кого-то другого, он назвал ряд лиц, чьи взгляды на коммунизм были общеизвестны по их выступлениям в прессе, а также лиц, уже находившихся за пределами досягаемости НКВД, как, например, Р.М. Зиле, И.А. Ильин, Г.П. Толстой, братья Фехнеры и др. По любой названной им фамилии следователь старался добыть дополнительную информацию, но когда дедушка сказал про Киру Верховскую: «Киру в последнее время стали упрекать в том, что она стала провокаторшей и работает в пользу советской разведки», дальнейших вопросов не последовало.

Я не могу судить, повредили ли кому-либо из упомянутых дедушкой лиц его показания, но в дошедшем до меня письме Ю.А. Абызова, адресованном в Америке Д.А. Левицкому, в частности, говорится: «И если недержанием слова страдали... (сознательно опускаю их имена. — *Л.Ф.*), то удивительным молодцом был П.Н. Якоби». Должна отдать должное заключенным Дмитрию Шатрову и Борису Меркулову: в их немногословных и сдержанных показаниях о П.Н. Якоби, приложенных к делу, не содержится ничего такого, что могло бы быть использовано против него. А ведь и тот и другой прекрасно знали об отношении деда к большевикам!

Сам он своих убеждений не скрывал.

Уже на первом допросе, 19 августа, когда был задан вопрос: «Расскажите о вашей контрреволюционной деятельности», он дал такой ответ:

«Моя контрреволюционная деятельность против Советского Союза выразилась в ряде печатных трудов и в докладах, которые тоже все появились в печати.

Эта деятельность объяснялась идеологическим расхождением с советским режимом, понимаемым мною как коллектив, подавляющий отдельные личности и свободную инициативу. Особенно меня отвращал режим террора. Не скрою, что за 22 года у меня сохранилось воспоминание о военном коммунизме 1918–1919 гг.»

После допросов дедушка имел возможность написать свои пояснения, адресованные следователю Дуплевскому. Так, в первом из них он пишет чернилами не очень верной рукой:

«Я считаю нужным обратить внимание на юридическую сторону дела, что мои произведения и доклады появились в свет при демократическом правительстве суверенной Латвии, преследовавшем коммунизм. Будучи изданы десять — двадцать лет тому назад, эти произведения подпадают под действие давности. Если принять во внимание, что советский строй Латвия восприняла только 21 июня 1940, то, казалось бы, только издания этих произведений после вступления Латвии в Советский Союз могли бы быть на ответственности автора. Произведения же, изданные до того (неразборчиво) и в пределах законов демократической Латвии, являются закономерными» (здесь и ниже цитирую по документам, хранящимся в моем архиве).

Во время первого обыска при аресте дедушки, по словам следователя, «у Якоби не были изъяты издания, в которых он сотрудничал, и не были изъяты другие белогвардейские издания». Поэтому 12 августа Дуплевский подписывает ордер на вторичный обыск. Какие же документы были потом подшиты к его делу, помимо двух уже упомянутых писем к дочери и А.А. Гумилевой? Я не располагаю стенографической записью допроса, состоявшегося 26 августа, но, судя по письменному пояснению дедушки, там фигурировали стихи. Привожу его слова:

«На допросе 26 сего августа мне были предъявлены некоторые стихотворения, выписанные на пишущей машинке. По этому поводу я считаю нужным пояснить, что эти произведения, как лично мои, так и других авторов, были мной собраны и размещены по соответствующим заметкам и отчетным статьям журнала “Для Вас”, равно как газетный материал, в целях использования для предполагавшейся, в пределах Латвийских условий, брошюры, имеющей обрисовать “настроения, мысли и чаянья русского зарубежья”. Мои наброски в окончательном неизданном виде я хранил *не для распространения* и широкой огласки (особливо в настольном виде). В этом отношении уместно напомнить, что русским Сенатом в свое время было разрешено: “хранение в ограниченном количестве даже нелегальных произведений для личного пользования является уголовно безразличным деянием” (далее Якоби приводит по памяти ссылку

на конкретное использование данного законодательного положения. — *Л.Ф.*).

Эту точку зрения разделяла и латвийская судебная практика. Пишу это потому, что полагаю, что советские законоположения

Ордр № 18360 10

"УТВЕРЖДАЮ"
ТОВАРИЩ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
(ЛАТКОВСКИЙ)
"12" августа 1940 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(на обыск)

1940 года, августа "12" дня, гор.Рига.

Я, следователь следственной части Управления Государственной безопасности ДУПЛЕВСКИЙ Л., приняв к производству следственное дело арестованного ЯКОБИ Петра, установил, что ЯКОБИ до последнего времени являлся сотрудником ряда белогвардейских изданий и в частности журнала "Для Вас". При производстве обыска у ЯКОБИ не были из'яты издания, в которых он сотрудничал и не были из'яты другие белогвардейские издания.

В связи с тем, что из'ятие этих изданий облегчит ход следствия

ПОСТАНОВИЛ

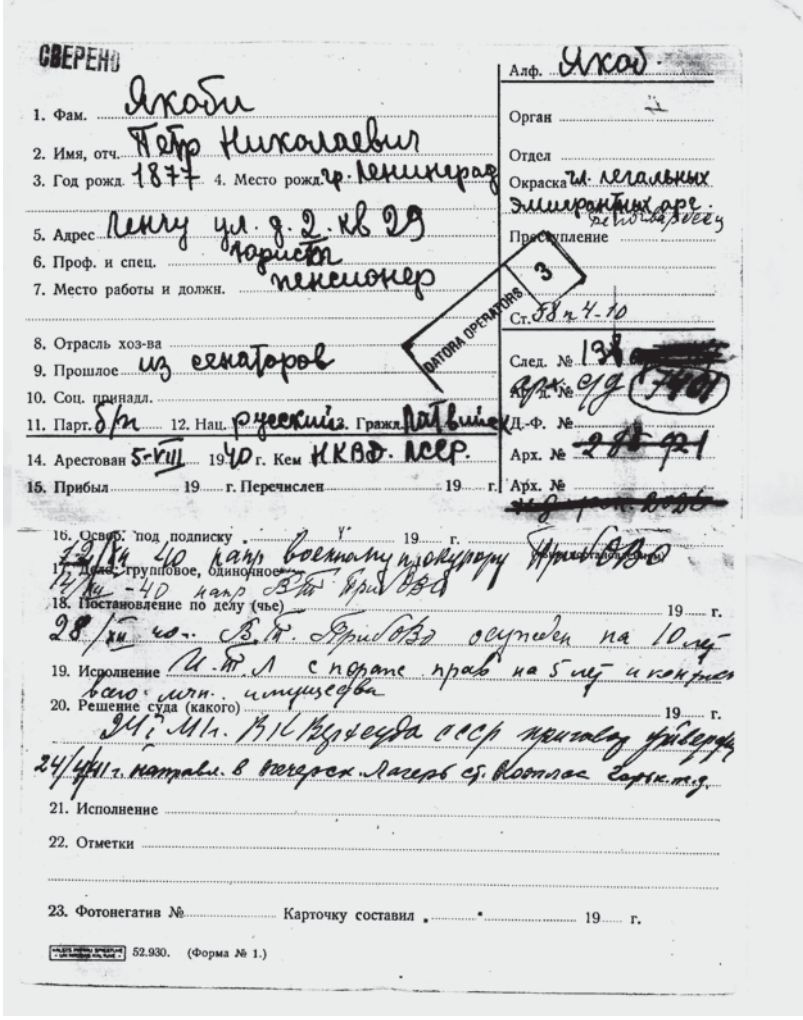
На квартире у ЯКОБИ произвести вторичный обыск.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕД.ЧАСТИ
УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ.БЕЗОПАСНОСТИ (ДУПЛЕВСКИЙ)

"СОГЛАСЕН" НАЧ.СЛЕД.ЧАСТИ
УПРАВЛЕНИЯ ГОС.БЕЗОПАСНОСТИ (ДОНХИН)

Постановление на вторичный обыск у П.Н. Якоби от 12 августа 1940 г.
Фотокопия. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

могут быть применяемы на территории Латвии лишь после официального ее присоединения к СССР, т. е. после 5/VIII/40.



СВЕРЕНО

Алф. Якоб.

1. Фам. Якоби

Орган

2. Имя, отч. Петр Николаевич

Отдел

3. Год рожд. 1877 4. Место рожд. гр. Ленинград

Окраска гл. легальных эмигрантских арх. Белогвардейц

5. Адрес Ленгу ул. д. 2. кв 29

Преступление

6. Проф. и спец. юрист

7. Место работы и должн. пенсионер

3

DATORA OPERATORS

Ст. 58 п 4-10

8. Отрасль хоз-ва

9. Прошлое из сенаторов

След. № 138

10. Соц. принадл.

Арх. № с/д (7401)

11. Парт. б/п 12. Нац. русский 13. Гражд. Латвийск

Д.-Ф. №

14. Арестован 5-VIII 1940 г. Кем НКВД. ЛССР.

Арх. № ~~285-921~~

15. Прибыл 19 г. Перечислен 19 г.

Арх. № ~~[illegible]~~

16. Освоб. под подписку 19 г.

12/XII 40 напр военному прокурору Прибово

17. Дело: групповое, одиночное

14/XII-40 напр В.Т. Прибово

18. Постановление по делу (чье) 19 г.

28/XII 40 г. В.Т. Прибово осужден на 10 лет

19. Исполнение И.Т.Л. с поражен. прав на 5 лет и конфиск. всего лич. имущества

20. Решение суда (какого) 19 г.

24/VI 41 г. ВК Верхсуда СССР приговор утвержден

24/VI 41 г. направл. в Печерск. Лагерь ст. Кооплас Горьк. ж.д.

21. Исполнение

22. Отметки

23. Фотонегатив № Карточку составил 19 г.

52.930. (Форма № 1.)

Страница из дела П.Н. Якоби.
Фотокопия. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

В частности, я целиком просмотрел приложенную к делу печатную критическую заметку, составленную из склеенных отдельно отрывков, означенных моей фамилией или псевдонимом. По-видимому, это та сборная заметка, куда вошли отрывки статей проф. Тимашева и доц. В. Вишняка. Это легко проверить.

В заключение полагаю, что Вы могли уже теперь убедиться, что перед Вами не конспиратор (конспирация по свойству моей натуры решительно мне чужда), а кабинетный работник. Об этом свидетельствует количество характеризующих мою личность письменных материалов, которых настоящий конспиратор никогда бы не оставил открыто».

Как ни странно, насколько я могу судить, среди предъявленных материалов не фигурировал его журнал «Закон и суд», следователи обходили журнал молчанием. Зато к «делу Якоби» в качестве вещественного доказательства его «контрреволюционной деятельности» приложено стихотворение «Я знал Великую Россию» («Была Великая Россия, / Я знал ее былую мощь, / Когда насильники лихие / Не срыли заповедных рощ...»). В связи с этим стихотворением и другими материалами он пишет 30 августа следующее пояснение:

«Собранный против меня письменный материал, являясь односторонним, охватывает период четвертивекового моего творчества, разновременно выполненного. Этот материал, в сущности, искажает перспективу, т. к. являет лишь самую незначительную часть моих произведений, как беллетристических, так и научных, если вспомнить, что среди моих произведений имеются труды в сотни страниц. Я принадлежу к типу созерцательных людей, а отнюдь не активистов, и потому мою творческую деятельность нельзя рассматривать исключительно как агитационную. Если, скажем, Пушкин написал стих “Кинжал”, то отсюда не следует, что он был готов на деле учинить ножевую расправу.

Мои произведения политического и обличительного характера нельзя рассматривать отдельно от общей обстановки того времени в Прибалтике. Они в концентрированной форме запечатлевали только то, что говорилось тогда в суде, в прениях сторон, в министерствах, канцеляриях, комиссиях, в повседневной

прессе, в книгах, общественных и частных беседах. Отдельные стихотворные отрывки, разумеется, были вызваны какими-либо фактами, особо волновавшими автора. Так, обнаруженный в моих бумагах никогда нигде не опубликованный и не распространенный набросок 1924 г. “Я знал Великую Россию” был подсказан волновавшим меня известием о совершенном уничтожении срубленного крестьянами полного для меня воспоминаниями юности заповедного парка».

К этому пояснению мой дедушка-правовед пишет через день дополнение:

«Охватывая мысленным взором весь мой пройденный 63-летний жизненный путь, должен констатировать, что моя т. н. “контрреволюционная деятельность” протекала в мозгах; в деяниях только постольку, поскольку мои произведения печатались и я выступал с докладами. По поводу стихотворных произведений подчеркиваю, что к делу приобщены не только напечатанные, но и то, что было найдено на обыске, что не было напечатано, не предназначалось к печати и хранилось у меня как архивный материал. Он увидел свет только благодаря выслежки (так в оригинале – *Л.Ф.*) следователей».

25 октября состоялся допрос, продолжавшийся более часа, но стенографический отчет его занял менее одной страницы. Допрашивает все тот же Дуплевский:

«*Вопрос:* Вам предъявлено обвинение о привлечении Вас к ответственности по ст. 58 п. 4 и 10 УК РСФСР. Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Ответ: Виновным себя признаю в фактической части предъявленного обвинения, но, как юрист классической доктрины, отрицаю возможность предъявления обвинения мне по ст. 58 п. 4 и 10 советского Уголовного кодекса. Вопрос о применении таковых статей мог быть лишь при условии учинения вменяемых мне деяний после 5 августа 1940 года, т. е. фактического и юридического вхождения Латвии в Союз ССР. До означенной даты учиненные деяния, казалось бы, должны подпадать под действие еще не отмененного латвийского Уголовного уложения как кодекса суверенной в то время Латвии.

Вопрос: Значит, вы признаете фактическую сторону предъявленного вам обвинения?

Ответ: Да. Безусловно, признаю, но отвергаю юридическую сторону обвинения по выше указанным причинам.

Вопрос: Чем вы можете дополнить ваши показания?

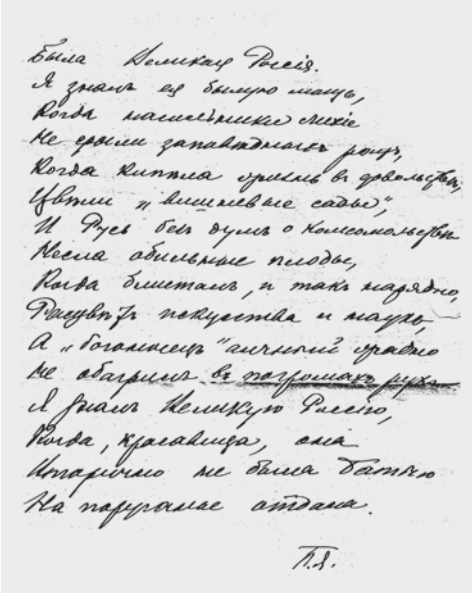
Ответ: Больше ничем дополнить не могу».

Далее сказано: «Протокол записан с моих слов правильно и мне прочтен», но подписи дедушкиной нет.

25 ноября следственное дело по обвинению Якоби было направлено на рассмотрение Военного трибунала Прибалтийского особого военного округа.

Исключительной крамолой среди приложенного к делу материала оказалась изъятая у дедушки брошюра «Интеллигенция и большевизм» и опубликованная вместе с ней статья «Пушкин и революция» (Рига, 1924 и 1930). Не знаю, прочли ли Дуплевский и другие следователи дедушкино обличение русской интеллигенции как «кроликов, покорно ползущих в пасть удава», но его короткая статья о Пушкине оказалась в их руках ценным компроматом. «Свойство великих гениев, — говорит Якоби, — заключается в пророческом даре, в способности опережать свое поколение, глядеть через головы своих современников и становится понятным лишь далеким потомкам». Считая, что таким даром провидения обладал Пушкин, дедушка писал: «Разве слова Пушкина о пугачевском бунте не дают нам картины современного российского лихолетья...» — и приводит длинную цитату из «Капитанской дочки», описывающую разбой и злодейство начальников отдельных отрядов, «самовластно» наказывавших «виновных и безвинных». Затем он цитирует следующие слова Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды, или не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, которым “своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка”».

Дедушка был убежден, что в своих политических умозрениях Пушкин был государственник: «Эксцессы толпы были ему органически противны. Он, как индивидуалист, искал свободы



Была Великая Россія.
Я зналъ ея былую мощь,
Когда насильники Мехіе
Не срыли заповѣдныхъ рощъ,
Когда кипѣла жизнь въ довольствѣ,
Цвѣли „вишневые сады",
И Русь безъ думъ о Комсомольствѣ
Несла обильные плоды,
Когда блисталъ, и такъ нарядно,
Рассвѣтъ искусства и наукъ,
А „богоносецъ" личный жадно
Не обагрилъ въ погромахъ рукъ.
Я зналъ Великую Россію,
Когда, красавица, она
Исторично не была батыю
На поруганье отдана.

П.Я.

Автограф стихотворения П.Н. Якоби «Была Великая Россия...», фигурировавший в качестве вещественного доказательства на суде.
Личный архив автора

личности, но не разнузданного своеволия, он хотел, чтобы гений вел за собой толпу, а не чернь принижала до себя гения, нивелируя все под общий ранжир посредственности».

Далее в статье о Пушкине и революции дедушка говорит: «Пушкин, признавшийся Николаю I в сочувствии к декабристам, однако, критически подошел к французской революции, не восприяв ее якобинских эксцессов», приводя в доказательство цитату из «Андрея Шенье»:

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари! О ужас! о позор!

Из этого и других примеров Якоби заключает:

«Можно смело сказать, что если бы Пушкину волею судьбы пришлось перенестись в наше безвременье, он бы был в рядах ярых противников большевиков и ему бы была уготована участь Шенье, о котором поэт сказал:

Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет...»

И вот заключительные слова статьи, вышедшие из-под дедушкиного пера:

«Будем надеяться, что и в дальнейшем пророчество Пушкина осуществится:

И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок».

Не удивительно, что эта статья фигурирует на закрытом заседании 28 декабря Военного трибунала Прибалтийского особого военного округа под председательством уже не вежливого Дуплевского, а военного юриста 2-го ранга Мурашина в присутствии военного юриста 2-го ранга Носова и майора Хрусталева, при секретаре военном юристе Кудельникове «без участия обвинения и защиты».

В протоколе значится, что, открыв заседание, председательствующий огласил обвинительное заключение по делу и спросил подсудимого, понятна ли ему сущность предъявленного обвинения и признает ли он себя виновным. Подсудимый ответил, что сущность предъявленного обвинения ему понятна и виновным он себя признает частично. На вопрос, какие он может дать пояснения к предъявленному обвинению, дедушка вновь вернулся к юридической постановке дела: «...могу ли я отвечать за те действия, которые совершал в Латвии до появления советской власти, так как полагаю и убежден, что закон обратной силы не имеет».

На показания подсудимого было отведено не очень много времени, и по некоторым пунктам это было повторением прежних допросов:

«*Председатель:* С какого года и где вы работали?

Подсудимый: С 1920 до 1934 года я работал в Министерстве юстиции, после этого работал консультантом. А после прихода ульманисовской власти я был уволен и жил на пенсии.

Председатель: Вы участвовали в выработке процессуального уложения Латвии?

Подсудимый: Несомненно.

Председатель: После этого вы занялись литературными произведениями?

Подсудимый: Да. Я написал «Исповедь композитора» о Чайковском, этот труд у меня был куплен Академией наук СССР.

Председатель: Когда вы издали брошюру «Пушкин и революция»?

Подсудимый: В 1924 году, но позднее она была переиздана.

Председатель: Вы в каких партиях или организациях состояли?

Подсудимый: В Русском национальном союзе.

Председатель: Какие же задачи ставил перед собой Русский национальный союз?

Подсудимый: Проповедовали русскую культуру, боролись с засорением русского языка латышским.

Председатель: А ваши политические убеждения?

Подсудимый: Я рассматривал политику с точки зрения монархистов и был вообще убежденным монархистом.

Председатель: С какого и по какой год Вы были членом Русского национального союза?

Подсудимый: С 1920 по 1934 год. А в 1934 году правительство Ульманиса союз закрыло.

Председатель: Что за Русское академическое общество было в Латвии?

Подсудимый: Это общество преследовало культурные и национальные цели, но я не разделял точку зрения этого общества, так как не был согласен с некоторыми пунктами устава. По своим убеждениям я не мог симпатизировать той форме правления, которая коллективом подавляла отдельную личность и, естественно, вставал в противоположность. Это получалось потому, что я, как личность, при ранее существовавшем до революции общественном строе в России чувствовал себя вполне свободно как личность».

После ряда вопросов о публицистической деятельности Якоби председатель возвращается к вопросу об Уголовном уложении.

«*Председатель:* Какие вы писали труды и уложения по уголовному процессу?

Подсудимый: Уголовное уложение с комментариями — это целая книга, всего 1600 листов.

Председатель: Сколько вы получили за это денег?

Подсудимый: 40 000 рублей.

Председатель: Уходя из советской России, вы не думали, что революция вас настигнет в Латвии?

Подсудимый: Да, этого я никак думать не мог. Ошибся.

Председатель: А теперь вас разоблачили за контрреволюционной работой?

Подсудимый: Не отрицаю. Да, я был убежденным контрреволюционером, но в практической деятельности ничего особенного против советской власти не совершил».

К концу заседания трибунала подсудимому было предоставлено последнее слово. Оно было кратким. Напомнив, что он, внук великого изобретателя Якоби, имел возможность репатриироваться в Германию, но остался, предпочтя видеть советскую власть. Прося принять к сведению слова Вышинского, что советская власть не только мстит, а и воспитывает, дед заявляет:

«Полагая, что мои антисоветские издания являются давностью и большого вреда советской власти не принесли, просил бы дело в отношении меня производством прекратить, этот факт я бы считал высшей справедливостью».

В 14 часов 30 минут суд удалился на совещание для вынесения приговора. В 15 часов 00 минут приговор был оглашен. Надо полагать, что за истекшие полчаса участники трибунала сделали перекур, сходили в туалет, освежились, попили чаю... и никак не могли бы успеть, «посовещавшись», составить убористую машинописную страницу «Сов. секретного» приговора № 0056 «Именем Союза Советских Социалистических Республик». О том, что приговор был составлен заранее, свидетельствует повторение в нем опровергнутых дедом фактов. Вот слово в слово, с сохранением знаков препинания, что «НАШЕЛ» военный трибунал:

«Материалами дела и судебным следствием установлено, что подсудимый ЯКОБИ в прошлом русский подданный, работник судебной системы царской России, в 1919 году неофициально

прибыв (опять «неофициально»! — *Л.Ф.*) приехал в Латвию, где остался жить, приняв в последствии латвийское подданство.

За время пребывания в Латвии с 1920 (ошибочная дата. — *Л.Ф.*) года по 1940 год Якоби проводил контрреволюционную по отношению к Советскому Союзу работу, а именно: будучи по политическим убеждениям монархист он принимал участие в контрреволюционных обществах как то: Русское национальное общество и др. Писал литературные произведения в которых клеветал на положение в Советском Союзе и опорочивал социалистическую систему перед капиталистической.

Преступление подсудимого ЯКОБИ Военный Трибунал квалифицирует по ст. 58–4, 58–10 ч. 1. УК РСФСР».

Исходя из этого, трибунал выносит приговор:

«ЯКОБИ Петра Николаевича по совокупности преступлений на основании ст. 58-4 УК РСФСР подвергнуть лишению свободы в исправтрудлагерях сроком на 10 лет с последующим поражением политических прав и конфискацией всего принадлежащего ему имущества.

Начало отбытия срока наказания ЯКОБИ исчислять 5-го августа 1940 года.

Вещественное доказательство: контрреволюционную литературу уничтожить.

Приговор может быть обжалован в течение 72 часов с момента вручения копии приговора осужденному в Военную Коллегию Верховного Суда СССР».

Итак, приговор вынесен. Причем наказан не только П.Н. Якоби, но наказаны и его произведения, которые «подлежат уничтожению». Должно быть, они представляли собой идеологическую опасность даже в недрах Военного трибунала! Впрочем, как мы видим, уничтожено было не все.

Дедушке остается в течение трех суток приговор обжаловать. Его кассационная жалоба до меня не дошла, не знаю, сохранилась ли она где-нибудь. Легко, однако, предположить, что в ней были приведены прежние аргументы. Он пользовался единственным имевшимся у него оружием: знанием общепринятых законодательных норм. Не отказываясь от своих убеждений, дедушка до-

казывал, что закон в отношении его произведений обратной силы не имеет, что, кроме того, к ним применим принцип давности истечения срока, что его, гражданина одного государства, судят по законам другого, что не принадлежав ни к одной партии, он никакой контрреволюционной деятельностью не занимался. Конечно, все это было впустую, как впустую было и вынесенное ранее заключение тюремного врача о том, что по состоянию здоровья «Якоби П.Н. к физическому труду не пригоден».

Привожу дословно определение № 1-382 («сов. секретно») Военной коллегии Верховного суда СССР в составе: диввоенюриста Орлова, диввоенюриста Романычева и диввоенюриста Дмитриева (сколько лиц задействовано в этом отвратительном судебном фарсе!), вынесенное на заседании от 24 января 1941 года:

«Материалами предварительного и судебного следствия доказана виновность осужденного ЯКОБИ в инкриминируемом ему преступлении и имея в виду, что приговор вынесен в соответствии с обстоятельствами дела, — не усматривая оснований его отмены или изменению, приговор полностью оставить в силе, а кассационную жалобу без удовлетворения».

Судьба дедушки была предрешена. Дальше — Котлас, две открытки, отправленные от чужого имени... и, прерванные событиями военного времени, все сведения, связанные с дедушкой, надолго выпадают из поля зрения семьи.

В 1995 году в Москве, на Таганском холме по почину Солженицына была создана Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», выросшая вскоре в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Два года спустя в поддержку этого начинания мы, небольшая группа друзей, создали в Америке комитет «Книги для России». За это время мы переправили в Россию десятки тысяч эмигрантских изданий, а также передали в Дом русского зарубежья немало архивных материалов, картин и музейных предметов, иллюстрирующих жизнь российской диаспоры.

В качестве председателя комитета я неоднократно ездила в Москву и принимала участие в различных мероприятиях Дома. В последний мой приезд я пожаловалась директору Дома Виктору Алек-

Котлас. 1936. *Фотография из архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*

Котлас. 1936. *Фотография из архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*

сандровичу Москвину, что до сих пор не знаю точно ни времени, ни места гибели моего деда Петра Николаевича Якоби. Знаю только, что он был доставлен в Котлас, по всей вероятности там же и умер.

По прошествии нескольких месяцев стараниями В.А. Москвина из Информационного центра МВД по Республике Коми были получены копии дела П.А. Якоби, хранящиеся теперь в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Один из документов, помеченный «сов. секретно», адресован начальнику тюрьмы НКВД № 1 города Риги. Там сказано:

«Направляется копия определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР № 1-382 от 24.I.1941 г. на осужденного приговором Военного Трибунала Прибалтийского Особого Военного Округа Якоби Петра Николаевича. Вам надлежит осужденного Якоби П.Н. ознакомить с копией определения Военной Коллегии Версуда СССР под расписку (бланк прилагается) после чего расписку вышлете в Военный Трибунал».

Дальнейшее распоряжение гласит:

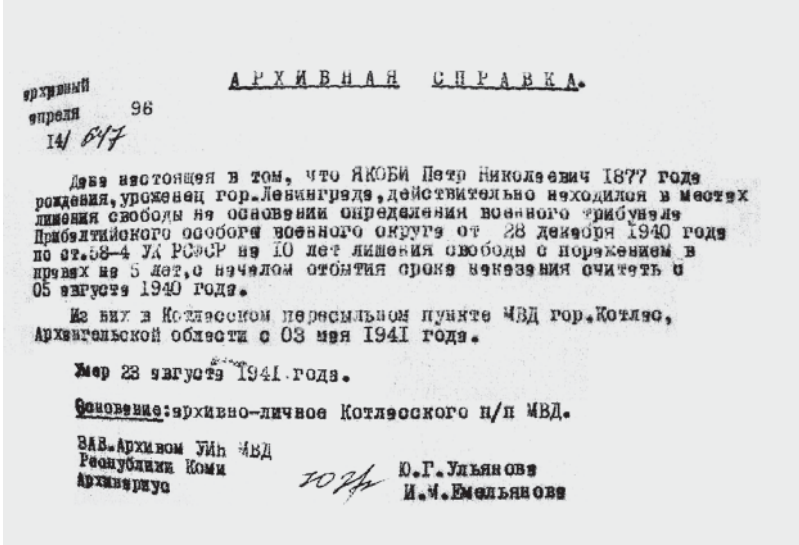
«Одновременно с этим Вам надлежит приговор Военного трибунала ПрибОВО в отношении осужденного Якоби обратите (так в тексте. — *Л.Ф.*) к немедленному исполнению, о чем уведомите Военный Трибунал ПрибОВО гор. Рига».

Под этим стоят три разные подписи и дата 4 марта 1941 года. Следовательно, до тех пор дедушка находился еще в рижской тюрьме. Вскоре после этого он и был отправлен поэтапно в направлении Котласа.

Еще один важный документ, полученный В.А. Москвиным, — архивная справка от 14 апреля 1996 года, выданная, по всей вероятности, в ответ на запрос из Риги. В ней говорится следующее:

«Якоби Петр Николаевич 1877 года рождения, уроженец г. Ленинграда, действительно находился в местах лишения свободы на основании определения военного трибунала Прибалтийского особого военного округа от 28 декабря 1940 года по ст. 58–4 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, с началом отбытия срока наказания считать 05 августа 1940 года.

Из них в Котласском пересыльном пункте МВД гор. Котлас, Архангельской области 03 мая 1941 года.



Архивный
апреля 96
14/ 647

АРХИВНАЯ СПРАВКА.

Дана настоящая в том, что ЯКОБИ Петр Николаевич 1877 года рождения, уроженец гор.Ленинграда, действительно находился в местах лишения свободы на основании определения военного трибунала Прибалтийского особого военного округа от 28 декабря 1940 года по ст.58-4 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, с началом отбытия срока наказания считать с 05 августа 1940 года.

Из бух в Котласском пересыльном пункте МВД гор.Котлас, Архангельской области с 03 мая 1941 года.

Умер 23 августа 1941 года.

Основание: архивно-личное Котласского п/п МВД.

ЗАВ.Архивом УИН МВД
Республики Коми
Архивариус Ю.Г.Ульянова
И.М.Емельянова

Архивная справка, выданная Архивом УИН МВД Республики Коми 20 апреля 1996 г., в которой сообщается, что П.Н. Якоби умер 23 августа 1941 г.
Фотокопия. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

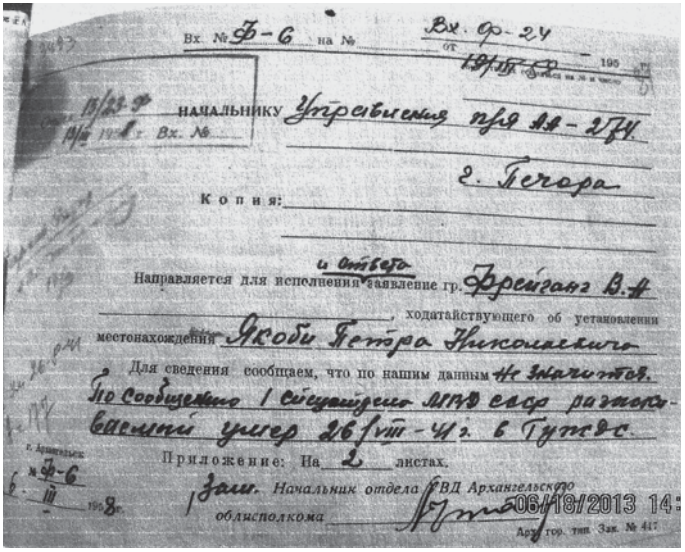
Умер 23 августа 1941 года».

Итак, значит, дедушка, пройдя изнурительный поэтапный путь, прибыл в Котлас 3 мая 1941 года и умер примерно три с половиной месяца спустя, согласно этой бумаге 23 августа.

Но так ли это? Среди присланных бумаг имеется официальный акт о захоронении Якоби Петра Николаевича на Болтинском пригородном кладбище возле города Котласа, в котором сказано, что умер он 26 августа.

Есть еще один, трудно прочитываемый, документ, который можно считать свидетельством о смерти. В нем указано, что Якоби Петр Николаевич умер 23 августа 1941 года от «порока сердца».

Кажется, 23-е число перевешивает. Но этому противоречит еще один документ: арестованный и сосланный из Латвии Василий Андреевич Фрейганг (брат Анастасии Андреевны Енгалычевой и Анны Андреевны Гумилевой) после окончания войны оказался в Фергане. Оттуда он направляет запрос в Главное



Вх. № Ф-6 на № Вх. Ф-24 от 19/III-58 195

НАЧАЛЬНИКУ Управления при АА-274

г. Печора

Копия:

Направляется для исполнения и ответа заявление гр. Фрейганг В.А

, ходатайствующего об установлении

местонахождения Якоби Петра Николаевича

Для сведения сообщаем, что по нашим данным не значится.

По сообщению 1 спецотдела МВД СССР разыскиваемый умер 26/VIII-41 г. в ГулЖДС.

Приложение: На 2 листах.

Зам. Начальник отдела УВД Архангельского облисполкома

06/18/2013 14:

Арх. гор. тип. Зак. № 417

Справка УВД Архангельского облисполкома от 6 марта 1958 г. о том, что, по сообщению 1-го спецотдела МВД СССР, П.Н. Якоби умер 26 августа 1941 г.
Фотокопия. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

управление лагерей города Москвы, в котором просит не отказать ему сообщить, где находится и если умер, то когда, арестованный в Риге Петр Николаевич Якоби.

Копия ответа за подписью заместителя начальника отдела МВД Архангельского облисполкома от 19 марта 1958 года гласит: «...по сообщению 1 спецотдела МВД СССР разыскиваемый умер 26/VIII-41 г. в ГулЖДС ». Значит, все-таки 26-е, а не 23-е!

Сколько бумаги потрачено, сколько подписей и штемпелей понаставлено для создания видимости законности в деле П.Н. Якоби, и сколько допущено небрежностей! Даже дату смерти не могли обозначить с несомненной точностью: 23-е или 26-е... Не все ли равно, сколько их там, смертников, в лагерях, разве можно разобраться, кто когда отдал богу душу, помер доходяга, и все тут...

От большевизма дедушку больше всего отвращало попрание прав личности, даже, как мы видим, прав посмертных.

Памятник П.Н. Якоби в месте захоронения заключенных
на Болтинском кладбище возле города Котласа. 2014.
Фото автора

Дедушка, честь тебе, что ты пронес через весь свой жизненный путь уважение к правам отдельной личности, к принципам законности, что даже на допросах не отказался от своих убеждений и не опустился на колени по приказу тюремщиков.

Мир праху твоему и да будет память твоя светла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По окончании войны из всего клана Якоби в Риге остался только старший внук Петра Николаевича Николай Якоби. Музыкально одаренный и хороший спортсмен, он старался в советское время особенно «не высовываться»; работал в школьной системе, занимаясь физиотерапией с детьми, страдавшими искривлением позвоночника, сопровождая занятия игрой на рояле.

Я встретилась с Колей в период гласности в мой первый приезд в Ригу после более чем сорокалетнего отсутствия. Побывали мы с ним на «родном пепелище», в Бальдоне, постояли у Белого замка, преобразованного в музыкальную школу-интернат. Значит, музыка в нем была жива!

Внутрь попасть не удалось — было время каникул, и школа оказалась закрытой. Побродили вокруг. От уютного Маленького домика, поросшего плющом, не осталось и следа; исчезли фруктовые деревья, исчезла замечательная пахучая сирень. Вместо мраморной женской статуи с амфорой, украшавшей лужайку перед замком, стоял мальчик с рыбкой... Лесную церковь Св. Пантелеймона, любовно созданную дядей Никой, вероятно, разобрали на дрова — она тоже исчезла бесследно.

В Риге еще стояло на улице Грешников здание нашей 13-й школы, только там помещалось какое-то другое учебное заведение.

Съездили на Покровское кладбище, где похоронен Маврик, где закопали урну с прахом Альберта Цоппи, доставленную во время войны из Германии, и куда позже, уже без нас, положили дедушку Чернова. Только долго ему там покоиться не пришлось: советские власти решили расширить проходившую возле кладбища дорогу и по дальней части православного кладбища бесцеремонно проехал бульдозер. Узнав об этом, две женщины, помнившие нашу семью, собственными руками

перенесли останки в другую могилу. От Маврика нашли только череп.

Побывала я в доме, где жили когда-то дедушка и бабушка Черновы. И что же я увидела, войдя в запущенное парадное: на доске со списком квартирантов по-прежнему значилась фамилия бабушки! А ей после смерти мужа удалось в 1956 году выехать к родным на Запад, и к тому времени она уже 20 лет как покоилась на кладбище в Америке! Пример социалистической бесхозяйственности.

После этого я побывала в Риге еще дважды, с каждым разом чувствуя, что все дальше от нее отдаляюсь, а когда скоропостижно (на улице около трамвайной остановки) умер мой двоюродный брат Коля, то оборвалась и последняя родственная нить.

Жизни других Якобов сложились так:

Старший брат мамы Николай умер в 1947 году в Западной Германии.

Бабушку Сусанну Яковлевну с дочерями Сусанной (Бибой) и Верой с мальчиком Шуриком конец войны застал во французской зоне оккупации. Там благодаря знанию языков бабушка и Биба устроились на работу во французскую администрацию, Вера давала уроки танцев. Брак ее с Николаем Енгалычевым расстроился и кончился официальным разводом.

По вызову родственников, обосновавшихся ранее в Марокко, все четверо приехали в Рабат. Бабушкиного старшего брата Льва Лихачева уже не было в живых. В его усадьбе близ Рабата, названной в честь родного имения Устиновкой, жили его вдова Мария Ивановна и дочь Варвара, у которой с матерью по какой-то причине сложились настолько плохие отношения, что мать ютилась в темном полусарае, куда из большого дома служанка приносила ей еду. Печальный конец жизни некогда блиставшей красотой и очень доброй женщины...

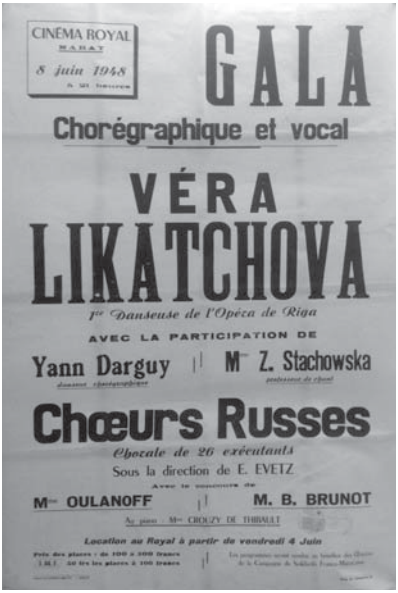
Наши новоприбывшие поселились не в Устиновке, а у милейшей «тети Тани» Рожиной, которую девочкой-сиротой в Петербурге взяли к себе воспитанницей Мария Ивановна и Лев Яковлевич Лихачевы. В революцию «тетя Таня» потеряла мужа, а под конец Второй мировой войны — сына Диму, воевавшего

в рядах сил «Свободной Франции» и погибшего в поезде, взорванном коммунистами. Теперь она жила одна в малюсеньком домике около древней рабатской мечети Хассана. Туда новоприбывшие и вселились. Биба вскоре вышла вторым браком замуж за геолога Юрия Михайловича Журавского. У него тоже была небольшая усадьба рядом с Устиновкой, а на работу Биба поступила в Министерство здравоохранения в Рабате, где служила до выхода на пенсию.

Бабушка, Вера и Шурик прожили у «тети Тани» несколько лет (когда мы приезжали, спать приходилось на полу). Верочка сразу же начала преподавать балет и вскоре основала собственную балетную школу. Ей пригодился приобретенный в Риге опыт, когда она, совсем молоденькой, помогала тренировать учеников в балетной студии Александры Федоровой.

Балетная школа Веры Лихачевой в Рабате постепенно привлекла немало учеников. К ней привозили на отдельный урок принцессу Амину, младшую дочь султана Магомета V. Событием в культурной жизни марокканской столицы сделались ежегодные спектакли, которые Вера ставила со своими учениками. С каждым годом они становились все более профессиональными. Ученики совершенствовались, и Вера повышала уровень постановок, используя старую хореографию из собственного репертуара, а также ставила и новые вещи. Она привлекла к участию двух прекрасных русских художников, живших в то время в Марокко, — Владими-

Бабушка Сусанна Яковлевна Якоби с дочерью Верой и ее приемным сыном Александром. Рабат, 1957. *Личный архив автора*



Объявление о совместном вечере Веры Лихачевой и Русского хора (из Касабланки) под управлением Е.И. Евца. Рабат, 1948. *Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*

ра Жедринского и Ростислава Сазонова. Оба писали для нее декорации и делали эскизы костюмов. Некоторые костюмы бабушка шила по рисункам Шурика, проявившего прекрасный вкус и знание эпох. Рецензии на спектакли местной прессы, неизменно хвалебные, отмечали важный вклад, который Вера Лихачева внесла в культурную жизнь Марокко. Только те, кто бывал у нее за кулисами, знали, какой ценой ей это давалось, скольких стоило сил, нервов и денег.

Когда умер Журавский и Биба вторично овдовела, Верочка, бабушка и Шурик переехали на ее виллу, купленную после продажи усадьбы. Там Верочка устроила свою балетную студию. Обе сестры были при бабушке, когда она скончалась в 1968 году. В 1985 году ушла из жизни Биба — Сусанна Петровна Журавская. Бабушка и Биба обе похоронены на рабатском христианском кладбище. Шура обзавелся собственной семьей и уехал, получив работу в Абиджане. Верочка закрыла балетную школу и переехала к своей сестре Анне Енгалычевой в Брюссель.

Теперь сестры вновь оказались под одной крышей. За спиной у Асеньки Енгалычевой были годы, проведенные в Бельгийском Конго, где во время войны родились трое ее детей: Яков (1943), Андрей (1944) и Анастасия (1947). Политические события — война за независимость, когда жизнь белых в этой бельгийской колонии оказалась в опасности, — заставили их в 1960-х годах поспешно уехать в Бельгию. Африканский период стоил Асе потери зрения:

она ослепла от высокой дозы хинина, которым ее лечили от малярии. Дочь их стала специалистом-библиотекарем, сын Андрей получил образование инженера-электрика. Они и их семьи живут в Брюсселе, а Яков, успешно работавший до выхода на пенсию по финансовой линии в области металлургии, живет во Франции.

Асин муж, князь Андрей Николаевич Енгалычев, скончался в Брюсселе 1983 году. Ася умерла в 1998 году, Верочка — в 2004-м. В предсмертные недели при ней неотступно находился ее приемный сын Шурик. Сам он тоже вскоре умер от рака.

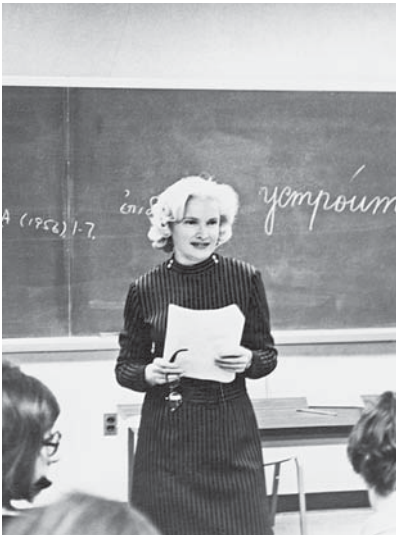
Семья Мицкевичей провела первые послевоенные годы в Австрии, где тетя Катя управляла в беженском лагере архиерейским церковным хором и писала стихи. Потом они перебрались в Америку. На первых порах Николай Адамович и Екатерина Петровна работали на положении обслуживающего персонала в сумасшедшем доме. Позже поселились в городе Нью-Хейвен, где дядя Ника получил работу на фабрике стеклянных изделий. Будучи очень религиозным, он и здесь деятельно участвовал в церковной жизни, сперва при храме Сретения Господня, построенном на средства авиаконструктора Игоря Сикорского в городе Стратфорд, а потом в Свято-Николаевской церкви в том же Стратфорде, которую сам помогал строить. Скончался он в Принстоне в 1993 году.

Денис Мицкевич сочетал в себе семейную музыкальность с дедушкиной академичностью. Он окончил русскую гимназию в Австрии при беженском лагере Парш, затем поступил в Грацский университет и подрабатывал игрой на рояле. В Америке, стараясь заработать денег, нашел работу в гольф-клубе. В его обязанности входило убирать раздевалку, чистить сапоги, поднимать флаг.

В книге «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции» (М.: Русский путь, 2006), где помещен его очерк «Преломления эмигрантского опыта», он так описывает эту пору:

«К лету тамошняя золотая молодежь стала немного беспокоиться об экзаменах, и я вызвался подготовить их по европейской истории и культуре. Что-то им импровизировал, а они за меня чистили сапоги. Когда, к моему удивлению, часть из них выдержала экзамен, они уговорили меня встретиться с их профессо-

Денис Мицкевич с матерью Екатериной Петровной после церемонии вручения ему докторской степени в Йельском университете. Нью-Хейвен, 1967.
Личный архив автора



Вероника Николаевна Доленко (урожд. Мицкевич) преподает русский язык студентам Принстонского университета. Принстон, 1970-е гг.
Личный архив автора

ром. Тот убедил меня, что я буду “ничто”, если не окончу колледжа. Так я попал в Бриджпортский университет, а через год был принят в Йельский университет. Так как я знал музыку и был несколькими годами старше первокурсников, мне посоветовали идти не в колледж, а на музыкальный факультет по классу рояля и композиции».

В престижном Йельском университете Денис получил степень бакалавра по музыке, а позже — докторат по славянским языкам и сравнительной литературе. Он преподавал в колледже штата Коннектикут и в Мичиганском университете. Потом был приглашен на место заведующего отделением русского языка и литературы университета Эмори в Атланте, откуда перешел на ту же должность в университет Дьюк, где проработал до выхода на пенсию. Денису Мицкевичу принадлежит ряд публикаций о современной русской поэзии, он стал крупным специалистом по Серебряному веку, в частности по поэту-символисту Вячеславу Иванову. Его неоднократно приглашали выступать с до-

Денис Мицкевич и его Русский хор Йельского университета.
Нью-Хейвен, 1960. *Личный архив автора*

кладами в России, где также опубликованы и его исследования. Его композиции для голоса и фортепиано на стихи Вячеслава Иванова исполнялись как в США, так и в России.

Другим достижением Дениса Мицкевича стал Русский хор Йельского университета, основанный им еще в бытность студентом. Началось это с приглашения прийти на встречу со студентами «Русского клуба», чтобы рассказать им о русской музыке. Денис явился с гитарой.

«Будучи уверенным, что мой доклад не запомнится, я под конец предложил научить парнишек одной или двум русским песням. Как ни странно, это вызвало громадный интерес. До полуночи мне задавали вопросы (умнее моих ответов) о подходе русских к разным жанрам пения и о том, как отражалась история в былинах, казачьих и солдатских песнях. Условились на следующей неделе по-настоящему что-нибудь разучить. <...> К следующему разу я упростил аранжировку и принес бутылку

60-летие Русского хора Йельского университета под управлением Дениса Мицкевича. Нью-Хейвен, 2013. Фото ИТАР-ТАСС.
Архив Русского хора Йельского университета

водки — не для “русского фасона”, а чтобы пели с чувством после тостов. И запели...»

Так родился хор, который вобрал в себя хорошие голоса не только с русского, но и с других факультетов. Мицкевич развил и аранжировал для хора широкий репертуар народных, церковных и классических произведений. Под его руководством хор получал призы на международных певческих конкурсах и успешно гастролировал по Соединенным Штатам и Европе. В 1958 году хор отправился в Советский Союз, где привлек к себе огромный интерес. Впоследствии хор не раз бывал в России, как с Денисом, так и без него.

Русский хор Йельского университета существует поныне, сменив не одно студенческое поколение певцов и дирижеров. На юбилейном концерте, отмечавшем 50-летие хора, на сцене выстроилось более 150 человек — от седоголовых его ветеранов до «юношей во цвете лет». Дирижировал расширенным хором его основатель. А в ноябре 2013 года почти в том же составе хор от-

праздновал свое 60-летие в главном концертном зале Йельского университета, своей alma mater.

Николай Адамович и Екатерина Петровна Мицкевич. Нью-Хейвен, начало 1970-х гг.
Личный архив автора

Сестра Дениса Мицкевича Вероника Николаевна, в замужестве Доленко, начинала со своим мужем Валентином Николаевичем американскую жизнь тяжелым трудом: они работали в услужении в богатой семье, приславшей им в Австрию гарантию заработка, необходимую для получения иммиграционной визы. Но, как и многие другие, отработав положенное, они стали на собственные ноги. Вероника (Гонечка) обнаружила педагогический талант и, пользуясь любовью студентов, успешно преподавала русский язык сперва в Йельском университете, потом — в не менее престижном Принстонском. Овдовев, она продолжает жить в собственном доме в Принстоне, водит машину, принимает гостей. В июне 2013 года Денис с женой и я с мужем уютно и весело, вспоминая былое, отпраздновали ее 90-летие.

Был отмечен ее юбилей и в принстонском православном приходе, отдавшем должное ее труду на украшение храма: прекрасные облачения для всего клира, включая прислужников; стихари, обычные и праздничные, покрывала для аналоев сделаны ее руками.

Остается рассказать о моей собственной семье.

Мы уехали из Риги в Германию в июле 1944 года. Уезжать не хотелось, но террор советской оккупации 1940–1941 годов не был забыт. Перспектива оказаться в Германии мало прельщала, обнадеживало только, что дни Третьего рейха близились к концу. Расчет делался на возможность попасть к западным союзникам.

Сперва нас занесло на юг Германии, в старинный, совсем «фаустовский» университетский город Фрейбург. Скоро его раз-

бомбили дотла, и мы, вместе с бабушкой Сусанной Яковлевной подались к тете Кате Мицкевич в Познань. Когда туда стала подступать советская армия и слышна была канонада, двинулись через Берлин на юг, в сторону Швейцарии, но из-за болезни мой приемной сестры застряли недалеко от Лейпцига. Там и дождались прихода американской армии.

Потом был лагерь для перемещенных лиц в Манхейме, где нас два раза в день кормили гороховым супом и где мы стали свидетелями попытки насильственной репатриации советских граждан. Будучи латвийскими гражданами, мы сами репатриации не подлежали, но в лагере жило много украинцев, которые согласно Ялтинским соглашениям должны были быть отправлены домой. К счастью, наш американский начальник лагеря, увидев шествие людей в белых саванах, готовых скорее умереть, чем попасть на родину, на свой страх и риск приказал военным частям убраться из лагеря прочь.

Через некоторое время мы переехали в Мюнхен. Там отец с двумя компаньонами открыл небольшое собственное дело, а я поступила в русскую гимназию при Доме «Милосердный самарянин». Это оказалось прекрасным временем, когда сложилась пожизненная дружба со многими сверстниками и было положено начало дальнейшему направлению в жизни. Однако, к моему великому прискорбию, мюнхенская жизнь подходила к концу. Для иностранцев в разрушенной Германии радужных перспектив не открывалось. Все стремились уехать, кто куда: в Бельгию на рудники, за океан ли в Южную или Северную Америку либо в Марокко.

После того как по нашим бумагам и под нашим именем в США уехала другая семья (такие случаи бывали!), выбор родителей остановился на Марокко, где уже находились бабушка и мамины сестры. Отец подписал контракт с одной французской фирмой в Касабланке на тяжелую фабричную работу. Мама и тут установила свою швейную машинку. Благодаря старым связям с дипломатическим миром в Риге к ней потянулись жены дипломатов. Перед нашим убогим жилищем в фабричном поселке останавливались шикарные машины маминых заказчиц. Связи

ее помогли отцу, отработав контракт, получить через год работу по специальности.

В то время в Касабланке обосновалась довольно большая русская колония, и я активно занималась русскими скаутами. Но и Марокко оказалось временной остановкой на беженском пути. Страна перестала быть французским протекторатом, и для большинства европейцев в ней больше не было места, они стали разъезжаться: французы во Францию, русские по большей части в Америку.

Людмила Оболенская во время радиопередачи европейского отдела «Голоса Америки». Мюнхен, 1954.
Личный архив автора

Я уехала из Марокко одна из первых, но не в Америку, а назад в Мюнхен. Там я поступила диктором на работу в европейское отделение радиостанции «Голос Америки» и вскоре вышла замуж за кн. Валериана Александровича Оболенского. У него за спиной был опыт работы на Би-би-си и редактора основанной им в Лондоне, правда недолговечной, газеты «Россиянин». В Мюнхен Оболенский был приглашен на должность начальника отдела последних известий радиостанции «Свобода» (позже «Освобождение»).

Венчание Людмилы Черновой и Валериана Оболенского в домовой церкви Св. Серафима Саровского. Мюнхен, 7 февраля 1954.
Личный архив автора

Тем временем родители мои и Тася переехали в Америку и осели поблизости от Мицкевичей в городе Нью-Хейвен в штате Коннектикут. Папа по-

Таисия Джолли (Чернова) с мужем и детьми Катей и Петей. Пало-Альто (шт. Калифорния), 1964.
Личный архив автора

Людмила Сергеевна Флам с мужем Эли. Бостон, 2003.
Личный архив автора

началу работал (с отвращением) чертежником, одновременно, несмотря на свои 50 лет, занимался по вечерам в университете и добился признания своего диплома инженера. Получив соответствующие права, открыл собственную фирму. Мама впервые в жизни могла больше не работать и увлеклась живописью.

В середине 1950-х годов перебрались в Америку и мы с мужем. Жили в Нью-Йорке, где находилась главная квартира «Свободы» и где муж занял должность директора программного отдела. В Америке родились наши дети — Сергей и Анна. Моя приемная сестра Тася вышла замуж за американского физика. Вскоре они уехали в Калифорнию, где у них тоже появились на свет сын и дочь. Тася, всегда отзывчивая, взяла под свое крыло многодетную семью беженцев из Вьетнама, одна из дочерей которой стала ее невесткой. Пережив на несколько лет своего мужа, Тася скончалась в 2001 году. Было у них шестеро внуков, которые все живут в Калифорнии.

Покуда подрастали мои дети, я работала в Нью-Йорке

внештатным корреспондентом «Голоса Америки», но в 1973 году муж и я получили приглашение на работу в Вашингтон. Он в НАСА (Национальную администрацию по освоению космического пространства), а я — все в тот же «Голос Америки». Работала в прямом эфире, была редактором, начальником нескольких отделов, специальным корреспондентом.

Мой муж скончался в 1977 году. Вторым браком я вышла замуж за американского дипломата, одно время служившего в Москве, Эли Флама.

Последние годы жизни мои родители провели во Флориде. Отец умер в 1993 году, мама в 1995-м, переехав незадолго до своей кончины к нам в Мэриленд. Сын и дочь поселились во Флориде. Сергей, мой сын, преждевременно скончался в 2008 году. После него остались две дочери: Джулай-Анастасия и Молли-Зинаида Оболенские. Дочь моя Анна, врач-ветеринар, вышла замуж за Андрея Раевского, сына моей школьной подруги. Из всех праправнуков Петра Николаевича Якоби, а их восемь, только трое Раевских — Татья-

Людмила Сергеевна Флам на торжественном вечере, посвященном 15-летию Дома русского зарубежья им. А. Солженицына и открытию выставки «Американские художники российского происхождения. Из музейного собрания ДРЗ». Москва, 2010. *Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*

Сергей Валерианович Оболенский (1956–2008) с женой Колин и дочерями Джулай-Анастасией и Молли-Зинаидой. Нью-Смирна (шт. Флорида), 2001. *Личный архив автора*

Семья Раевских: Анна Валериановна (урожд. Оболенская), Алексей, Татьяна, Николай, Андрей Адрианович. Нью-Смирна (шт. Флорида), 2014.
Личный архив автора

на, Николай и Алексей — говорят по-русски, что несомненная заслуга их родителей.

Выйдя на пенсию, я написала небольшую книгу «Вики: Княгиня Вера Оболенская» (М.: Русский путь, 1996 и 2010) о родственнице моего первого мужа, игравшей заметную роль во французском Сопротивлении. Она была арестована гестапо, доставлена в Берлин и там казнена на гильотине.

В 2006 году в том же московском издательстве вышла подготовленная мною книга очерков и воспоминаний «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции».

Приступив к работе над книгой о дедушке Якоби и его семье, я стала разбирать старые бумаги, перешедшие ко мне после смерти моей матери. Многое мне было знакомо, но есть и находки. Так, выплыло на свет божий стихотворение бабушки Сусанны Яковлевны, написанное ею в молодости, когда родственники надеялись, что путешествие в Европу поможет ей забыть молодого правоведа, ставшего другом ее жизни.

Пусть первая строфа ее стихотворения послужит заключительным аккордом этой семейной хроники.

«Прощай, мой друг», — я говорю сквозь слезы.
«Прощай! Даст Бог, разлука коротка».
Взметнулся дым струей из паровоза,
Как белый взмах прощального платка.

Библиография

Раздел I библиографии включает избранные публикации П.Н. Якоби, раздел II — издания, подготовленные при его участии, раздел III — публикации других представителей семьи Якоби, а также литературу о них и о П.Н. Якоби, другие источники, использованные при написании настоящих воспоминаний.

В составлении библиографического списка приняли участие сотрудники ДРЗ Н.А. Егорова, М.В. Жаркова, О.Н. Патока, А.А. Хайрутдинова.

I. Избранные публикации П.Н. Якоби

В рижский период жизни Петр Николаевич Якоби, помимо участия в качестве издателя и члена редакции в журнале «Закон и суд» (1929–1938), сотрудничал в газетах «Рижский курьер», «Свободная мысль», «Маяк», «Вечернее время», «Либавское русское слово», «Слово», «Сегодня», в журналах «Мир», «Для Вас». Пользовался псевдонимами: Правовед, Русский юрист, Старый юрист, Петр Зудотешин, П. З., Вольский, И. Вольский, К. Вольский, П. Вольский, -и, Алексей Зюзюкин, Н. Яковлев, Н. Я., П. Я., Доль, Квидам, П. Тарханов.

Амнистии 1917 года: (с позднейшими постановлениями Временного правительства и с разъяснениями Правительствующего сената и М-ва юст.). Пг., 1917. 45 [4] с.

Благотворительный базар: юморист. очерк; Несколько слов о швабризме в современной живописи: сатира. СПб., 1908. 50 [11] с.

Величайший памятник культуры // Россия в эпоху реформ: сб. ст. / сост. В. Желягин и Н.Н. Рутыч-Рутченко. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 20–27.

Герои нашего времени: фарс-сатира в 2 д., в 3 карт. СПб., 1904. [2], 60 с.

Золотые струны: стихи. Рига: [б. и.], 1929. 64 с.

Иван Иванович не отпирает: фарс в 2 карт. Без действующих лиц; Добрый день желчного критика: сатира-монолог; Бубновый туз: рас-

сказ; Soiree causante в Петербургском салоне: юморист. очерк. СПб., 1903. 40 с.

Интеллигенция и большевизм: (о волевом воспитании); Пушкин и революция. Рига: Изд. Русского нац. союза в Латвии, 1930. 31 с.

К постановке на сцене фарса «Иван Иванович не отпирает». СПб., 1903. 7 с.

Как французский король Людовик приехал на жительство в Митаву // Сегодня (Рига). 1933. 27 марта.

«Кто первее, тот правее», или «Кто палку взял, тот и капрал»: фарс в 2 д. СПб., 1901. 32 с.

Латвийское уголовное уложение с мотивами, извлеченными из протоколов Комиссии по выработке сего уложения. Рига: Акц. общ. «Вальтерс и Рапа», 1923. Вып. 1. 25 с.

Любительский спектакль: из дневника странствующего беллетриста. СПб., 1901. 22 с.

Об административных приказах // Закон и суд. Рига: [б. и.], 2000. Т. 1: 1929–1930: № 1–16. С. 205–207.

Об изгнании плода // Там же. С. 61–63.

О выемке и осмотре письменных доказательств // Там же. С. 85–87.

О наказуемости мздодательства // Там же. С. 11–12.

О несостоятельности и банкротстве // Там же. С. 141–143.

О порядке замены, в случае несостоятельности, денежной пени арестом (по поводу закона 15 мая 1929 г.) // Там же. С. 42–44.

Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений. Пг., 1915. 116 [II] с.

Проект Латвийского дисциплинарного устава // Закон и суд. Рига: [б. и.], 2000. Т. 1: 1929–1930: № 1–16. С. 163–165.

Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями. Пушкин о Байроне и Шекспире. Пушкин, Шенье и революция: материалы к познанию Пушкина. Riga: Filin, 1937. 48 с.

Русский суд: (к 65-летию Судебных Уставов) // Закон и суд. Рига: [б. и.], 2000. Т. 1: 1929–1930: № 1–16. С. 121.

Я враг народа...: [стихотворение] // Белая лира: антол. поэзии Белого движения / сост. В.В. Кудрявцев. Смоленск: Русич, 2006. С. 353–354.

[Стихи] // Струны: сб. стихотворений. Витебск, 1910. С. 4, 64, 80, 110.

Стихотворения. 2-е изд., доп. СПб., 1904. Т. 1. 140 [III] с.

Стихотворения. 2-е изд., доп. СПб., 1904. Т. 2. 239 [9] с.

Ход дела о дуэли Пушкина с Дантесом-Геккерном // Закон и суд (Рига). 1937. № 72.

Юношеские стихотворения. СПб., 1898. 115 [IV] с.

II. Издания, подготовленные при участии П.Н. Якоби

Законы о печати, о заведениях для тиснения, о торговле произведениями заведений для тиснения, о библиотеках и читальнях, о кинематографах и о зрелищах, вечерах и иных подобных устройствах; о собраниях, обществах, союзах и политических организациях; о борьбе с пьянством / сост. П.Н. Якоби, Г.П. Элерс. Рига: Саламандра, 1925. 152 с.

Уголовное уложение 22 марта 1903 года: с мотивами, извлеч. из Объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юстиции в Гос. сов. и журн. Особого совещ., особого присутствия департаментов и общ. собр. Гос. совета...: по изданиям Н.С. Таганцева / под ред. П.Н. Якоби. Рига: Лета, 1922. XXXIV, 1623 с.

Лондр А. Живой товар: эксплуататоры и их жертвы / предисл. П.Н. Якоби. Рига: Северная лира, [б. г.] 167 с.

III. Публикации о П.Н. Якоби и его семье

[Б. а.] 35-летие общественной и судебной деятельности П.Н. Якоби // Сегодня (Рига). 1933. 25 мая.

Абызов Ю.И. А издавалось это в Риге: 1918–1944: историко-библиогр. очерк. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2006. 415 с.

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917–1944: биобиблиогр. справ. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures Stanford Univ., 1991. Ч. IV: Ро–Я. С. 402–410.

Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков: (очерки истории). М.: Индрик, 2008. 655 с.

Борис Семенович Якоби // Люди русской науки: очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / вступ. ст. и предисл. акад. С.И. Вавилова. М.; Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1948. С. 894–898.

Бочарова М.Д. Электротехнические работы Б.С. Якоби. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1959. 232 с.

Вильд Г.И. О жизни и ученых трудах академика Б.С. Якоби: речь, чит. акад. Г.И. Вильдом в публ. заседании Имп. Акад. наук 29 дек. 1875. СПб., 1875. 22 с.

Волков В.А. Российская профессура. СПб.: ИД «Міръ», 2008. 359 с.

Выставка гальванопластики (Петербург; 1889): каталог юбилейной выставки гальванопластики, устроенной Имп. Рус. техн. о-вом в память 50-летия открытия гальванопластики акад. Б.С. Якоби. СПб., 1889. 53 с.

Гальванопластика Б.С. Якоби // Памятники науки и техники в музеях России / науч. ред. Г.Г. Григорян, В.А. Цирульников. М.: Знание, 1992. С. 32–33.

Грезин И.И. Кладбища коммун Ixelles и Uccle в Брюсселе: алфавитный список русских захоронений. СПб.: Русское Генеалогическое общество, 1996. 38 с.

Голлербах С. Нью-йоркский блокнот: Книга воспоминаний. Нью-Йорк: Новый журнал, 2013.

Джолли Т. Страшное детство // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: очерки и воспоминания / ред.-сост. Л.С. Флам. М.: Русский путь, 2006.

Елисеев А.А. Б.С. Якоби. М.: Просвещение, 1978. 128 с.

[Б. а.] Закрытие журнала «Закон и суд» // Закон и суд (Рига). 1938. № 9/10.

Ильин А.А. Борис Семенович Якоби: истор. очерк изобретения гальванопластики. СПб., 1889.

Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты / сост. Н Пашенный. Madrid: Изд. Комитета Правоведской кассы, 1967. 45 с.

[Б. а.] К 50-летию со дня рождения П.Н. Якоби // Слово (Рига). 1927. 4 янв. № 377.

Ковальчук С.Н. «Долг — это высший закон»: мультиязычная юридическая периодика независимой Латвии (1920–1940) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына: 2012 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. С. 91–109.

Ковальчук С. Судьба журнала «Закон и суд» // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига: Даугава, 1999. Т. IV: Материалы к истории; Материалы к общественной жизни; Литература и искусство; Мемуары. С. 88–103.

Кравец Т.П. Б.С. Якоби о превращении энергии: из истории открытия закона сохранения энергии // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1966. Вып. 20. С. 53–55.

[Б. а.] Латвийское Уголовное Уложение составлено: беседа с П.М. Минцем // Сегодня (Рига). 1927. 4 февр.

Левицкий Д. О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал (Нью-Йорк). 1980. № 141. С. 206–233.

Лукомский В.К. Перечень по родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами, а также утверждены Правительствующим сенатом Временного правительства России. СПб.: ВИРД, 2004. 192 с.

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Paris: Mouton, 1970. Вып. 1: 1920–1930. Репр. воспр. изд. 1931 г. С. 379–380. (Slavistic printings and reprintings).

Мицкевич Д. Преломление эмигрантского опыта // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. М.: Русский путь, 2006.

Неправый суд над правоведом П.Н. Якоби / публ. Ю.И. Абызова и Т.Д. Фейгмане // Балтийский архив... Т. IV. С. 104–140.

Новлянская М.Г. Борис Семенович Якоби: библиогр. указ. / сост. М.Г. Новлянская; под ред. К.И. Шафрановского; вступ. ст. Т.П. Кравца. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 319 с., 4 л. портр.

Орлова А. Чайковский без ретуши. Нью-Йорк: Слово/Word, 2001.

Памятники науки и техники в музеях России / науч. ред. Г.Г. Григорян, И.В. Пономарев. М.: Знание, 1996. Вып. 2. 168 с.

Пертс И. Наша потерянная юность: [Памяти М. Якоби] // Для Вас (Рига). 1938. № 42.

Письмо Б.С. Якоби М. Фарадею: к истории русско-английских научных связей / публ. и примеч. М.И. Радовского // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1956. Вып. 1. С. 253–259.

Попова В. Личности и судьбы // Сегодня (Рига). 1996. 9 окт.

Равдин Б. Два письма из сорокового года: (Письма П.Н. Якоби) // Рижский альманах. Кн. III. Рига, 1994. С. 139–149.

Радовский М.И. Из истории электрических измерений: неопубл. переписка Б.С. Якоби с В.Э. Вебером и И.Х. Поггендорфом // Труды Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. Т. 17. М., 1957. С. 509–529.

Он же. Борис Семенович Якоби. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1949. 136 с.: ил. Библиогр.: «Труды Б.С. Якоби»; «Основные источники, содержащие материалы о жизни и трудах Б.С. Якоби». С. 132–134.

Он же. Борис Семенович Якоби: биогр. очерк. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1953. 264 с.: ил., 1 л. порт.

Раннит А. Е. Мицкевич: [некролог, посвященный Екатерине Петровне Мицкевич, урожд. Якоби] // Новый журнал (Нью-Йорк). 1976. № 125. С. 273–274.

Рижская городская русская гимназия (бывшая Ломоносовская) 1919–1935: сб. воспоминаний и статей / сост. М.В. Салтупе, Т.Д. Фейгмане при участии Д.А. Левицкого. Рига: [Б. и.], 1999. 239 с.

Ронин В.К. «Русское Конго»: 1870–1970. М.: Русский путь; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 640 с.

Российская Академия наук: 275 лет служения России / отв. ред. В.М. Орел, ред.-сост. С.С. Илизарова, вступ. ст. Ю.С. Осипова. М.: Янус-К, 1999. 800 с.

Российское научное зарубежье: юридические науки: XIX – первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина, предисл. М.Ю. Сорокиной. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. 218 с.

Русское техническое общество. Гальванопластическая выставка в память 50-летия открытия гальванопластики академиком Б.С. Якоби (1889; Петербург): [речь пред. Орг. комис. М.М. Дешевого на открытие выст.: с прил. писем Б.С. Якоби, К. Клауса, Э. Гофмана и др.]. СПб., [1889]. 16 с.

Сабурова И. Корабли старого города. Рига: [Б. и., б. г.] 500 с.

Она же. Маврикий Петрович Якоби // Для Вас (Рига). 1938. № 42.

Савельев В. Устиново (Кашинский уезд): Трехсотлетняя владельческая история // В забытых усадьбах. Тверь, 2014. С. 126–139.

Самарин В. Памяти русской женщины: [некролог, посвященный Е. Мицкевич, урожд. Якоби] // Православная Русь (Джорданвилль). 1976. № 11. С. 15.

Соловьев Ю.И. Неопубликованные письма А. Сент-Клер Девиля Б.С. Якоби // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1963. Вып. 14. С. 82–87.

[Сообщение о смерти Сусанны Петровны Журавской, урожд. Якоби] // Русская мысль (Париж). 1985. № 3562. С. 15.

Спасский И.Г. Б.С. Якоби и Ф.П. Толстой: из истории гальванопластики // Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1970. Т. XI, вып. 2. С. 77–98: ил.

Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. М.: Росс. архив: Росс. фонд культуры: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, 2002. Кн. 1: [Именной список русского научного зарубежья]. С. 553–554.

Фейгмане Т.Д. Долгая дорога домой: [рец. на кн.: Судьбы поколения 20–30-х годов в эмиграции: очерки и воспоминания / ред.-сост. Л.С. Флам. М.: Русский путь, 2006. 472 с.] // Даугава (Рига). 2007. № 3 (263). С. 153–160.

Фейгмане Т.Д. Русские в довоенной Латвии: На пути к интеграции. Рига: Балтийский русский институт, 2000. 384 с.

Флам Л. В ракурсе прошлого // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: очерки и воспоминания / ред.-сост. Л.С. Флам. М.: Русский путь, 2006.

Ширяев Б. Неугасимая лампада. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 83–114. (Фамилия Зинаиды Гольтгоер неверно воспроизведена автором по памяти как Гольдгоер.)

Эрстед Г.Х. Из эпистолярного наследия Г.Х. Эрстед: письма дат. физика к Б.С. Якоби и П.Н. Фуссу / публ. и предисл. М.И. Радовского // Труды Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. М., 1957. Т. 19. С. 642–649.

Якоби Б.С. Гальванопластика, или Способ по данным образцам производить медные изделия из медных растворов, помощью гальванизма. СПб., 1840. [XIV] 66 с.: 1 л. черт.

Он же. Об устройстве тождественных между собой ареометров, в особенности же металлических алкоголометров со скалою и прибавочными тяжестями, и о влиянии явлений волосности на показания алкоголометров: (чит. 18 мая 1871 г.). СПб., 1872. 97 с.: 2 л. ил.

Он же. О платине и употреблении ее в виде монеты. СПб., 1860. 57 с.

Он же. О ручном планиметре Ермакова. [М.], 1850. 48 с.

Он же. Работы по электрохимии: сб. ст. и материалов / под ред. акад. А.Н. Фрумкина; Акад. наук СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 304 с.: 5 л. ил.

Он же. Ученые труды... герцога Максимилиана Лейхтенбергского: речь, произнес. акад. Якоби в годич. публ. заседании Акад. наук 29 дек. 1852 г. / пер. с фр. [СПб., 1853]. 9 с.

Якоби Н.Б. Электромагнитный бот Б.С. Якоби (1837–1842): первый опыт применения на практике электромагнетизма к судоходству: (из материалов для биографии акад. Якоби). СПб., 1903. 30 с.

Якоби Н. Борьба за мир: Исторический репортаж // Для Вас (Рига). 1939. № 23–29.

Он же. Марна: Трагическое крушение германского наступления на Париж в августе – сентябре 1914 г. Рига: Для Вас, 1938. 376 с.

Он же. Церковка в лесу // Для Вас (Рига). 1939. № 25.

Яроцкий А.В. Борис Семенович Якоби, 1801–1874 / отв. ред. В.М. Родионов. М.: Наука, 1988. 236 с.

Holden A. Tchaikovsky: A Biography. New York: Random House, 1995.

Vīksna A. Tērbatas universitāte. Rīga: Zinātne, 1986. 192 с.

См. также:

Лихачевы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 томах (82 т. и 4 доп.) / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1890–1907. Т. 17А (34). 1896. Стлб. 848–849.

Кладбища и могилы знаменитостей Санкт-Петербурга: [сайт] // URL: www.funeral-spb.narod.ru

Содержание

[От автора] 5

I. Сороковой год 7
II. Предки 18
III. Якоби и Лихачевы 29
IV. Якобята 41
V. Революция 54
VI. Рига 62
VII. В «новорожденной» Латвии 71
VIII. Бальдон 82
IX. «Закон и суд» 94
X. Мама 105
XI. Русская Рига 117
XII. Переломный 1939-й 129
XIII. Из огня да в полымя 138
XIV. Неправый суд 147
Послесловие 169

Библиография 184

Литературно-художественное издание

Флам Людмила Сергеевна

Правовед П.Н. Якоби и его семья

Воспоминания

Второе издание, исправленное и дополненное

Книга иллюстрирована фотографиями и документами
из личного архива автора,
архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына,
Санкт-петербургского филиала Архива РАН

Редактор *Т.А. Малышева*
Компьютерная верстка *П.А. Сандомирский*
Корректор *О.А. Савичева*

Подписано в печать 03.02.2021.
Формат 60x90/16

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64.
Тел.: +7 (495) 629-04-82. E-mail: info@rp_net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru или русский путь.рф.
Отдел продаж: +7 (495) 137-84-06
Книжный магазин «Русское Зарубежье»
г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. «Таганская» (кольцевая))
Тел.: +7 (495) 137-84-01.
Сайт: www.kmrz.ru

ISBN 978-5-85887-525-3

9 785858 875253 >

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14